

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

4

1964

УРАЛСКИЙ

Следопыт

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ СВЕРД-
ЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ И СВЕРДЛОВСКИХ
ПРОМЫШЛЕННОГО И СЕЛЬСКОГО
ОБКОМОВ ВЛКСМ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ И
ФАНТАСТИКА

О ГЕРОЯХ -
ЗЕМЛЯКАХ

РАССКАЗЫ
БЫВАЛЫХ ЛЮДЕЙ

МЕЧТЫ
СОВРЕМЕННИКОВ

УРАЛ
ВЧЕРА
СЕГОДНЯ
ЗАВТРА

ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ
КРАЕВЕДЕНИЕ

КОРОТКИЕ
РАССКАЗЫ

Следопытские
ДЕЛА

**К СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ПЕРВОГО СЕКРЕТАРЯ ЦК КПСС,
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР
НИКИТЫ СЕРГЕЕВИЧА ХРУЩЕВА**

Дорогой Никита Сергеевич! Необъятна наша Россия, от Курильской гряды до берегов Балтики раскинулись ее просторы. Но, пожалуй, нет в ней уголка, с жизнью которого Вы не были бы знакомы. Ваши мудрые советы, добрые пожелания, а подчас и строгие замечания — неоценимая помощь машиностроителям Ленинграда и земледельцам Кубани, металлургам Урала, химикам и энергетикам Поволжья и Сибири, рыбакам Дальнего Востока, агрономам и учителям, ученым и художникам. Каждый советский человек считает Вас старшим наставником и другом, учится у Вас жить и трудиться для народа.

*(Из приветствия Бюро ЦК КПСС
по РСФСР, Президиума Верховного
Совета РСФСР, Совета Министров
РСФСР).*

СЕРЕГИНЫ ЩЕГЛЫ

из „Бельских новелл“

П. ДУДОЧКИН

Рисунок С. Киприна

С тремглав выскочив из избы, босоногая девчонка лет двенадцати припустила, что было духу, вдоль улицы. А вслед за нею, выкрикивая что-то и сердито размахивая кулаками, бежал мальчуган, тоже босиком. Они чуть не налетели на Владимира Ильича, который, перекинув пиджак через плечо, прохаживался после обеда в тени берез. Схватив девочку за косу, мальчуган повалил ее на землю и стал дубасить по спине.

— Это что за самосуд?! — Владимир Ильич взял забияку за шиворот и резко приподнял. Тот сробел, начал сбивчиво оправдываться:

— А чего она?.. Чего она лезет?

Ленин посмотрел парнишке в лицо и узнал: это был тот самый Серега, с кото-

рым уже доводилось встречаться, когда ребята играли в лапту.

— Ах вот это кто! Что ж, рассказывайте, друзья, как все произошло.

— В другой раз не будет совать нос не в свои дела, — бормотал Серега.

— Как тебя зовут? — спросил Владимир Ильич девочку.

— Наташка...

— Сережина сестра?

— Сестра...

— И куда же ты, Наташа, сунула свой нос с такими красивыми веснушками?

Девочка, насупившись, молчала.

— В клетку, вот куда, — ответил брат.

— В какую клетку?

— В мою! Со щеглами!

— Улетели, стало быть?

— Конечно, улетели! — закипятился раскрасневшийся Серега. — Таких ни у кого не было! На семнадцать ладов пели!

Ленин поправил Наташину косичку и, нагнувшись, заглянул ей в глаза, будто спросил: «Как же так, а?».

— Она нарочно! — гневно доказывал брат. — А вчера ежика из сенцев выпустила! Тоже нарочно!

— Неужели? — удивился Владимир Ильич.

— Да, нарочно, — упрямо сказала Наташа. — А если б его самого в клетку?..

Из разговора Владимир Ильич узнал, что у брата с сестрой ладу нету с той поры, как Наташа вычитала в какой-то книжке, что человек должен любить животных, что самое дорогое для всех животных — это воля, а самое страшное — неволя. Наташа показала эту книжку брату, уговаривала выпустить и щеглов и ежика, но Серега не слушал. Он задумал сделать дома живой уголок.

— Значит, хочешь живой уголок сделать? — спросил Ленин.

— Да, — признался Серега. — И щеглов, и чижей наловлю! И снегирей с клетками! И ежа, и белку!

— А я опять выпущу! — упрямо заявила Наташка.

— Попробуй! — Брат показал ей сразу два кулака.

Владимир Ильич сделал вид, что не слышит перебранки, и заговорил:

— А ведь я совсем забыл, что и у меня есть одно важное дело в Московском живом уголке...

— У вас тоже живой уголок? — спросил повеселевший Серега.

— Да еще какой! С медведями и тиграми, с бегемотами и жирафами!

У Сереги даже дух захватило от удивления.

— Ух ты!..

А Владимир Ильич спокойно, неторопливо продолжал:

— И слоны есть, и верблюды, и птицы всякие: попугаи, страусы, орлы!

— Вот это да! Корму-то сколько надо! А где вы их держите?

— Посреди Москвы. Зоопарк — вот как называется.

— А, зоопарк... — понял Серега. — Про зоопарк я читал. Интересно!

— Да, да, очень интересно! — Ленин накинул пиджак на плечи, достал из кармана записную книжку, написал несколько слов, подал листок Сереге. — Вот адрес.

Будешь в Москве, — а ты, конечно, когда-нибудь приедешь обязательно, и Наташа тоже! — так вот, заходите ко мне, побываем вместе в зоопарке. — Он неожиданно заулыбался, еще раз погладил Наташу по голове, пошутил: — Только вот чего я боюсь: вдруг да Наташа и в зоопарке начнет выпускать из клеток всех птиц и зверей.

— Она ж трусиха! Побойтся! — смеялся брат. — Как увидит тигра, нюни распустил.

Девочка молчала, краснела, искоса поглядывая то на обидчика, то на заступника.

— Что она трусиха — в это не верю! — заметил Владимир Ильич. — А что животных очень любит — в это верю!

Наташа переступила с ноги на ногу, прошептала еле слышно:

— Их и надо любить... Так же, как людей...

— Так же, как людей? — спросил Владимир Ильич. Он легко, почти по-мальчишески присел на корточки и, глядя снизу вверх в лицо девочке, покачал головой: — Нет, Наташа, нет, моя дорогая! Любить людей и животных надо по-разному. Я, например, люблю людей как людей, а животных люблю как животных. Вот так.

— В книжке написано, что это хорошо, когда человек любит животных, — шепотом сказала Наташа.

— Правильно! Совершенно правильно написано! Но в каждом деле полагается меру знать. Вот Серега — парень-удалец, но... — Владимир Ильич на секунду умолк и развел руками, — но, когда сестру отколоти и, может быть, думает, что так и надо, не-ет, дружище, это уже удаль чересчур, ненужная. Была хорошая, стала плохая. А почему? Границу удаль перешла!

Ленин взял брата и сестру за руки, зашагал с ними к их избе. Осмелевшие, они расспрашивали про зоопарк. У крыльца, когда черный пес, гремя цепью, выскочил с рыком и лаем из будки, Владимир Ильич спросил:

— А что же ты, Наташа, этого зверя не отвязываешь? Ведь он тоже, наверно, любит волю, а?

Девочка остановилась, не зная, что сказать. Она никогда и не думала об этом. А Владимир Ильич, кивнув на подводы, которые показались на улице, уже говорил про коней:

— Здорово вспотели! Вozy что надо! Вozy снопов были большие, и лошади, отфыркиваясь, шли тяжелым шагом под скрип немазанных колес.

— Коням тоже, небось, на воле лучше, чем в оглоблях,— смеялся над сестрой Серега.— Что ж, их не запрягать?

— А кого ж? Тебя? — огрызнулась Наташа.— Это так и надо. Чтоб людям хорошо было.

Владимир Ильич радостно оживился:

— Как ты сказала? Чтоб людям хорошо было?

— Да,— смущенно ответила девочка.

— Очень хорошо сказала! Очень! Вот Серега сказал, что коням на воле лучше, чем в оглоблях. А может быть, кони лучше всего там, где полезнее, а? — и Владимир Ильич четко повторил Наташины слова: — Чтоб людям хорошо было! Да, дорогие мои друзья, все, что вокруг нас — деревья и трава, птицы и звери, вода и воздух, тепло и холод,— словом,

все-все, вся природа — для нас с вами, для людей. И любить все это надо так, чтобы людям хорошо было. Конь в упряжке — людям облегчение, щеглы в доме — песнями радуют, ежик мышей ловит — тоже неплохо!

— Какие щеглы были! Прирученные! На семнадцать ладов пели! — вспомнил со вздохом Серега.— Заслушаешься!..

— А тебе, Наташа, не понравились птичьи концерты?

— Понравились. Только птиц жалко стало.

— Но ведь Серега не морил их голодом? Нарочно им не делал плохо?

— Что вы! — обиделся Серега.— И клетка большая, и кормежка с питьем — по всем правилам!

— Что ж, пойдемте посмотрим,— попросил Ленин.

Серега бойко взбежал на крыльцо и, открыв дверь, пропустил в сени доброго гостя, который вел за руку Наташу.

Третьего апреля 1917 года в Петроград приехал Владимир Ильич Ленин. На перроне Финляндского вокзала к нему подошел худощавый, невысокий человек и сказал:

— Товарищ Ленин! В ознаменование вашего возвращения в Россию мне поручено вручить вам партийный билет.

Это был И. Д. Чугурин, представитель Выборгского райкома РСДРП(б). Владимир Ильич крепко пожал ему руку и поблагодарил.

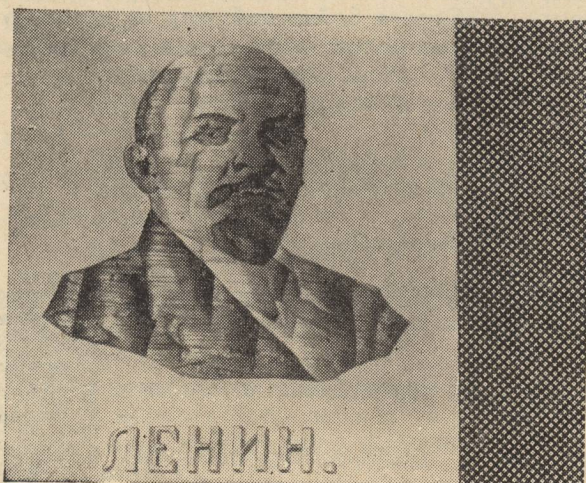
До февраля 1917 года партия большевиков находилась на нелегальном положении, и условия конспирации исключали возможность каких бы то ни было специальных билетов. Только после Февральской революции, по указанию ЦК, в некоторых партийных организациях начали вводиться партийные билеты. Получив билет от Чугурина, Владимир Ильич стал членом Выборгской районной организации большевиков.

Однако единый билет в нашей партии появился лишь через несколько лет. Постепенный переход к единому партбилету начался в 1920 году и закончился уже после смерти В. И. Ленина, в 1927 году, когда партийные документы были обменены на новые, образца 1926 года.

Шестнадцатого марта 1927 года Замоскворецкий райком партии в торжественной обстановке заполнил партийный билет № 1 на имя основателя и вождя Коммунистической партии Владимира Ильича Ленина. С тех пор билет с этим номером закреплен за Владимиром Ильичем навечно.

ПАРТИЙНЫЙ

По страницам

старых

киножурналов

Для трудящихся всего мира стало реликвиями все то, что связано с образом Владимира Ильича Ленина — создателя Коммунистической партии и Советского государства.

Особенно большую ценность представляют киносъемки В. И. Ленина. Их, к сожалению, при жизни Владимира Ильича было сделано очень мало. И тут на помощь пришли советские кинодокументалисты. Начиная с 1924 года, они начали упорную работу над тем, чтобы заснять все то, что так или иначе имеет отношение к имени В. И. Ленина. Все эти материалы (фильмы, киножурналы, кинолетописи) хранятся сейчас в Центральном государственном архиве кинофотодокументов СССР. Среди них есть и киносюжеты, связанные непосредственно с Уралом.

В первую годовщину со дня смерти В. И. Ленина был открыт памятник Ильичу. Об этом событии рассказывают кадры «Союзкиножурнала» № 5, выпущенного на экраны страны в том же году. А через два года в «Совкиножурнале» № 29/87 зрители могли увидеть портрет В. И. Ленина, искусно сделанный из соломки. Этот портрет получил первую премию на Выставке крестьянских художников Урала, открывшейся летом 1927 года в Свердловском Доме крестьянина.

В звуковом киножурнале «Советское искусство» № 5/16, смонтированном в 1934 году, известный скульптор, уралец И. Д. Шадр рассказывал о своей работе над образом В. И. Ленина. Была заснята также мастерская И. Д. Шадра и статуя Ленина, которую в то время он лепил.

Кадры из названных киножурналов и публикуются на этой странице.

Л. СЕМЕНОВ

ЮБИЛЕЙ ИЛЬИЧА

Из воспоминаний
члена КПСС с 1917 года
М. Цейтлина

Как известно, пятидесятилетие Владимира Ильича Ленина отмечалось торжественным собранием в Московском комитете партии.

День рождения Ленина, 22 апреля, в 1920 году пришлось на пятницу. Собрание решено было провести в субботу, то есть 23-го. Дело в том, что в те времена трамваи в Москве из-за отсутствия электроэнергии не ходили, поэтому все собрания, как правило, заканчивались к девяти-десяти часам вечера, чтобы люди имели возможность добраться домой не очень поздно. В субботу же рабочий день был короче обычного на два часа.

...Стояла чудесная весенняя пора. С утра я отправился по каким-то делам из Бауманского районного Совета, членом которого тогда состоял, в центр. По дороге мне встретился инструктор Московского комитета, прикрепленный к нашему району. От инструктора я и узнал, что в четыре часа состоится торжественное собрание, посвященное пятидесятилетию Владимира Ильича. Чтобы попасть на собрание, мне надо было встретить у входа в Московский комитет (он находился тогда на Б. Дмитровке, ныне ул. Пушкина) представителей своего района и примкнуть к ним.

Вряд ли нужно говорить, что уже задолго до четырех часов я находился на месте и нетерпеливо ждал товарищей. Тут появились представители соседнего, Сокольнического, района. Они знали меня и охотно включили в свою группу. Так я оказался участником исторического торжественного собрания.

Зал Московского комитета быстро заполнился до отказа. За столом президиума появились члены МК, друзья и соратники Владимира Ильича. Заседание открыл секретарь МК и предоставил слово М. С. Ольминскому. Ленина ни за столом президиума, ни в зале не было видно.

Ольминский посвятил свое выступление роли Ленина как организатора и руководителя большевистской партии, говорил о его замечательных качествах как редактора партийных изданий. Долгими и бурными аплодисментами собравшиеся не раз прерывали оратора.

Впервые здесь прозвучала и оценка заслуг Н. К. Крупской.

— Мы не можем умолчать, — сказал Ольминский, — и о преданнейшей подруге и помощнице Владимира Ильича, спутнице его жизни и работы в подполье и эмиграции — Надежде Константиновне. В зале снова вспыхнула овация.

С большой, яркой речью выступил А. В. Луначарский. Он говорил о Ленине — руководителе Совнаркома, вожде Октябрьской революции. Выступило еще несколько ораторов. И вот на сцену вышел Алексей Максимович Горький.

— Хотя я и считаюсь художником слова, — говорил Алексей Максимович, — но не могу в достаточной мере нарисовать образ Ленина. Когда думаешь о нем, представляешь себе планетарную фигуру, которая, как рычагом, поворачивает земной шар. И в то же время Ленин удивительно прост и человечен. Он приходил ко мне в гостиницу и проверял, не сыры ли простыни, на которых я спал. А как он умеет весело и заразительно смеяться! Когда он приезжал на Капри, то сразу подружился с местными рыбаками. Рыбаки учили его, как надо подсекать рыбу, когда намотанная на палец леска начнет натягиваться. При этом они говорили: «Дринь-дринь!». Ленин, весело смеясь, повторял: «Дринь-дринь!». После отъезда Ленина рыбаки часто спрашивали про сеньора Дринь-Дринь.

Закончил свою речь А. М. Горький призывом беречь Владимира Ильича.

К концу выступления Горького в зале, встреченный дружными аплодисмен-

тами, появился сам Владимир Ильич. Он прошел мимо президиума и скромно уселся в сторонке, там, где сидел Горький. Закончив речь, Горький сошел с трибуны и направился к своему месту. И тут все стали свидетелями такой сцены: Ленин поднялся навстречу Горькому, они жали друг другу руки. Горький что-то говорил Ленину, по-видимому, поздравлял его, а Владимир Ильич нетерпеливо и даже сердито отмахивался.

Выступая с ответной речью, Владимир Ильич обратился к присутствующим с такими словами:

«Я благодарю вас за две вещи: во-первых, за ваши поздравления и пожелания по моему адресу, а, во-вторых, еще

больше за то, что вы избавили меня от выслушивания юбилейных речей. Я думаю, что, может быть, мы постепенно создадим более подходящий способ для юбилея, чем тот, который практиковался до сих пор».

При этом Владимир Ильич тут же пустил по рукам какую-то карикатуру по поводу одного из юбилеев, а затем перешел к характеристике роли России в мировом революционном движении. Главная мысль, которой закончил свою речь Владимир Ильич, заключалась в предупреждении нашей партии от зазнайства.

После торжественного собрания состоялся скромный ужин.

Всем курсом

Свердловчанин Ермолай Кириллович Старцев был участником I Всероссийского съезда по внешкольному образованию.

Съезд этот открылся 6 мая 1919 года в Москве, и Владимир Ильич Ленин выступил на нем с приветственной речью.

— По окончании съезда меня оставили в Москве на первых Всероссийских курсах инструкторов-организаторов внешкольного образования, — вспоминал Е. К. Старцев. — В работе этих курсов активнейшее участие принимала Надежда Константиновна Крупская. На курсах обучалось 120 человек. Я был избран председателем комитета курсантов (так в те годы назывался профком слушателей).

Проучились мы до конца октября 1919 года, а потом единогласно решили прервать учебу и идти всем добровольцами на фронт.

Об этом решении Владимир Ильич узнал от Надежды Константиновны и неожиданно для нас приехал 27 октября 1919 года вместе с ней на наше последнее собрание. Здесь он произнес напутственную речь.

Владимир Ильич одобрил инициативу курсантов, рассказал о положении на фронтах, указал наши задачи в боевых частях Красной Армии.

По окончании речи Владимир Ильич предложил нам сфотографироваться вместе с ним.

— В память встречи с вами, — улыбаясь, сказал он. В. Б.

М А Л Ь Ч И Ш К А

Л. РУМЯНЦЕВ

Рисунки Г. Перебатова

Идет мальчишка, весь растрепанный:
Шарф — набок, шапка — набекрень,
И в то же время очень собранный
И ясноглазый, как апрель.

Идет само несоответствие:
Степенный шаг, серьезный вид,
А у пальто сигналом бедствия
Карман оторванный висит.

В чернилах палец указательный,
Портфель, знакомый всем каткам, —
Такой мальчишка обязательно
Нет-нет, да встретится и вам.

Но не спешите с осуждением
И не ищите горьких слов:
Не озорством, а вдохновением
Сейчас он полон до краев.

Он весь в полете, он над улицей,
И, устремленный к облакам,
То улыбнется, то прищурится,
Как будто видит что-то там.

И я догадываюсь: верно ведь!
С утра сказало миру ТАСС,
Что снова в космосе мы первыми
Ведем разведку звездных трасс.

Конечно, здесь причина кроется.
Мальчишка понял вдруг, что он
Теперь уже не успокоится,
Мечтою дерзкой увлечен...

В чернилах палец указательный,
Портфель, знакомый всем каткам, —
Такой мальчишка обязательно
Нет-нет, да встретится и вам...

Не все, быть может, точно сбудется,
Одно лишь ясно наперед:
Идет мальчишка людной улицей,
На встречу с мужеством идет.

А сколько улиц в нашем городе?
...А городов?.. А деревень?
...По всей стране ребят, которые
Запишут в сердце этот день?!

ОТ СЮДА НАЧАЛАСЬ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ХИМИЯ

П. МАЛЫШКОВ,
начальник управления
химической промышленности
Западно-Уральского совнархоза

Березники и Соликамск — родина советской химической промышленности. Здесь находятся богатые запасы минерального сырья, уникальные залежи сильвинитовых и карналлитовых руд, поваренной соли, высококачественных известняков, продуктов коксования углей.

«Химической республикой» назвал Константин Паустовский Березниковский район.

Кальцинированная сода, синтетические красители, продукты азотной промышленности, сырье для производства пластических масс, химические реактивы, лакокраски, химические средства защиты растений... Словом, всевозможная продукция химии поступает отсюда во все уголки Советского Союза и за границу: в Польшу, Финляндию, Данию, Голландию, Иран — в 28 стран мира.

Старейшее предприятие Пермской области — Березниковский содовый завод, основанный еще в 1883 году, в прошлом производил всего лишь несколько тысяч тонн кальцинированной соды и каустика. За годы первых пятилеток он был реконструирован и превратился в огромный современный химический комбинат.

Нет почти ни одной отрасли промышленности, где в тех или иных целях не применялась бы его продукция — сода:

для производства мыла, стекла, каучука, бумаги, в текстильных и химических процессах, в медицине и кулинарии, в металлургии — для получения никеля, вольфрама, урана...

Не последнее место в развитии Большой химии Западного Урала принадлежит и коксохимикам Губахи. Они дают ценнейшее сырье — коксовый газ и каменноугольную смолу. Недавно коксохимики создали установку для полного улавливания фенола из сточных вод, что увеличило запасы ценного сырья на изготовление синтетических материалов. Теперь химики Губахи осваивают новую, более совершенную установку для выделения нафталина из каменноугольной смолы.

Чтобы лучше использовать коксовый газ, в Губахе построили химический завод. Основной продукт этого завода — метанол — нужен для получения фенопластов.

Изделия из фенопласта очень прочны, теплостойки. Они применяются в радиотехнике и самолетостроении, при создании тракторов и автомашин, из него делают товары широкого потребления, игрушки и так далее.

Пермский завод имени Орджоникидзе вырабатывает огромное количество серной кислоты, которая используется здесь

же для выпуска суперфосфата. Добавьте суперфосфат в почву — и поля отблагодарят за это высокими урожаями пшеницы, ржи, ячменя... Отсюда идут в наступление на сорняки препараты, полученные из фосфорной кислоты — верных друзей наших хлеборобов.

В лабораториях завода рождаются новые виды удобрений из фосфорного шлака — гранулированные микроудобрения. Они содержат необходимые для повышения урожая микроэлементы: кобальт, молибден, бор, марганец, медь и никель. Такие микроудобрения, приготовленные по рецептам Пермского сельскохозяйственного института, уже прошли испытания на полях. Результат хороший: урожай льна повысился на 30—40 процентов.

На Пермском химическом заводе широко развивается сейчас производство анилиновых красителей.

Труд пермских химиков — это строительные материалы и ткани, чернила и химические карандаши, копировальная бумага и ленты для пишущих машин, мастика для печатей, литографские краски для цветной печати, клеточки и линейки в школьных тетрадях и цветные оттенки на тканях. В кабинете врача можно встретить пермский краситель — ярко-зеленый (или бриллиантовый). Это и обеззараживающее средство, которым смазывают ссадины, и краситель, дающий яркие зеленые тона тканям, и литографские лаковые краски...

Даже перечислить трудно все, что производится на химических предприятиях Западно-Уральского экономического района, а впереди еще продукты органического синтеза — синтетические каучуки, полиэтилен, фторопласт.

Фторопласт называют золотом синтетики. Это самый прочный из пластмасс материал, не уступающий по своей стойкости золоту и платине. Сельскому хозяйству «химическая республика» дает миллионы тонн калийных удобрений.

Из миллионов тонн калийных удобрений, намеченных к производству в 1970 году, на долю Западного Урала придется немалое количество.

В докладе на декабрьском Пленуме ЦК КПСС Н. С. Хрущев сказал: «Расширение добычи калийных солей на Верхней Каме, в районе Соликамска и Березников,

несмотря на сравнительную удаленность от сельскохозяйственных районов, оправдывается огромными, необычайно мощными залежами соляных пластов, что дает возможность закладывать крупнейшие, обеспеченные запасами на длительный срок работы рудники и получать калийные соли по низкой себестоимости».

Природа с величайшей щедростью одарила нас. На небольшой площади в районе Березников и Соликамска сосредоточено около тридцати процентов мировых запасов калийных солей.

О том, что в каменной соли Соликамского месторождения есть калий, известно с 1896 года, но до революции калийные соли ввозили из Германии. В 1925 году профессор Пермского университета Павел Иванович Преображенский провел геологическую разведку на левом берегу реки Камы, в районе Соликамска, и обнаружил там это неповторимое месторождение калийных солей. В 1927 году был заложен рудник, выдавший в 1934 году первые тысячи тонн удобрений.

Трудно назвать другую отрасль хозяйства, которая была бы такой экономически выгодной и эффективной, как промышленность минеральных удобрений. Все затраты на строительство мощного калийного комбината с лихвой возвращаются за счет первой же прибавки урожая, расходы окупаются в течение года.

До 1970 года будут построены еще два калийных комбината в районе Березников. Соликамский комбинат после реконструкции станет выпускать продукции в два раза больше, чем сейчас.

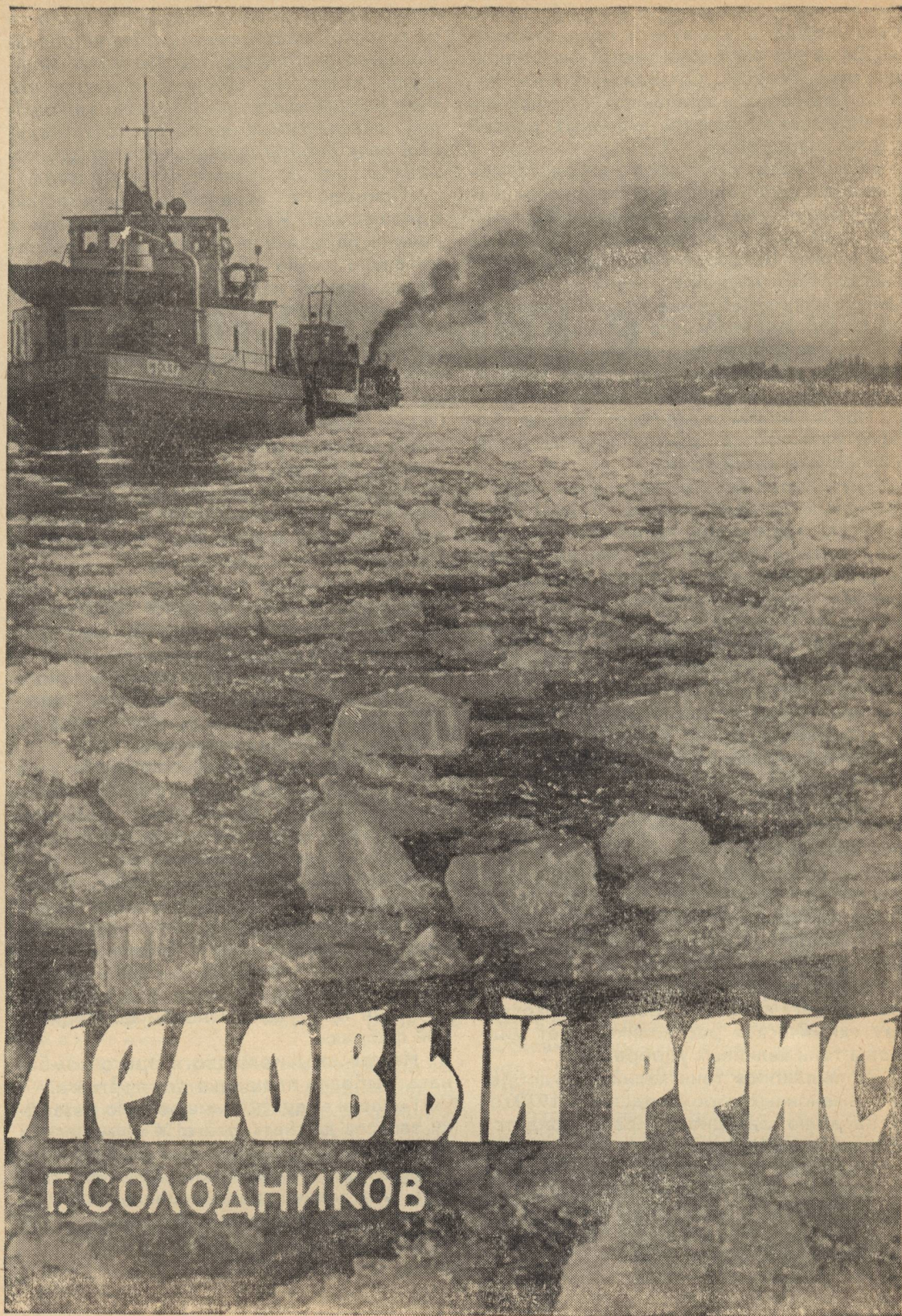
К декабрьскому Пленуму ЦК КПСС строители и химики Западного Урала успешно закончили сооружение второй очереди действующего Березниковского калийного комбината — крупнейшего в мире. Уже выданы первые десятки тысяч тонн продукции с новой флотационной фабрики.

Начато строительство второго комбината, выбрана площадка для третьего.

Геологи ведут промышленную разведку запасов для четвертого! У «химической республики» уверенная поступь!

Уральцы с уверенностью могут сказать, что задачи, поставленные декабрьским и февральским Пленумами ЦК КПСС, будут выполнены.

ЛЕДОВЫЙ РЕЙС

Г. СОЛОДНИКОВ

I.

Апрель.

Пермь, Заозерский затон.

Над сверкающим льдом медленно катится солнце. На берегу хозяйничают ручьи. Шепчутся на глинистых откосах, воркуют под пластами снега, ворчат, падая с ледянистых обрывов. Пахнет размытой землей и талым снегом. А когда ветерок дохнет с водохранилища, на берег тянет мазутом и масляной краской.

Как перед решительным броском, замерли суда накануне навигации. Они стоят рядами, нос к носу. Белые гиганты — грузовые теплоходы, похожие на океанские лайнеры. Невдалеке от них — с черными блестящими корпусами, ярко-охрыными рубками винтовые буксирные пароходы.

Такое же судно, только более мощное, с белой надстройкой, уткнулось в берег у самого выхода из затона. Перегнувшись через фальш-борт, матрос в замасленной робе выводит на нем букву за буквой: «Кама». Это ледокол.

Затонские ребята, раньше всех узнающие новости, толпятся на его палубе, приплясывают на гибком трапе. Они толкуются на террасах, которые образовал по береговому откосу осевший лед.

Скоро, совсем скоро выйдет ледокол в Камское море. Сначала проторит дорожку в Левшино, где будут грузиться суда, а потом уйдет по водохранилищу на север. Проломает проход и поведет сквозь льды караван за караваном. Начнется северный завоз. Десятки судов будут пробиваться в верховья Камы и ее притоков. Они повезут по большой воде продукты и другие товары в далекие поселки лесорубов и сплавщиков.

Подняться до Бондюга или Гайн, дойти до Красновишерска — северный завоз. Добраться чуть не в два раза дальше до Ваи по быстротруйной, говорливой Вишере; до Корепино — по заросшей ельником да пихтачом мрачноватой Колве; до Усть-Черной — по извилистой темноводной Весляне — тоже северный завоз, только более трудный. И идут сюда не красавцы-теплоходы и мощные буксиры. Первыми и дальше всех, в самые глухие углы, пойдут невзрачные суда. Сначала их даже не заметишь в затоне. Они сбились в кучу, разномастные, заслоненные белоснежными корпусами. Грузоподъемностью сто—двести тонн, с разнотипными, еще не крашенными надстройками, они все отмечены буквами «СТ» и номерами. Это — сухогрузные транспорты, иначе — самоходные баржи, попросту самоходки. С малой осадкой, неприхотливые, они больше всего подходят для тяжелого, сложного рейса.

Это — как бы предвестники большой навигации. На своенравных камских притоках они нередко садятся на мели, обсыхают на песчаных островах, не успев проскочить на хребтине стремительно скатывающегося паводка. Они всегда принимают на себя первый удар и никогда не вызывают у разгуливающей по городской набережной публики восхищения. Ведь они все-го-навсего речные возчики-трудяги.

Медленно катится над затоном солнце. В редкие минуты тишины слышен еле уловимый восторженный шепот. Это крошатся, оседают под теплыми лучами мельчайшие кристаллики, просачиваются сквозь кружево подтаявшего льда чуть заметные капельки.

II.

24 апреля.

Пермь, порт Левшино.

Саня проснулся среди ночи от шума и холода. Уголь в чугунной печке-камелке прогорел, и тепло из кубрика выдуло быстро.

С водохранилища шли волны — одна за другой. Поднималось и опускалось возле борта ледяное месиво, надоедливо скребло по металлу. Тараторил по палубе дождь. Самоходку часто бросало на плавучий кран, ударяло, и грохот прокатывался от кормы до носа. Налетал порыв ветра, вздымалась волна: А-а-ах! У-у-ух!

Саня представил себе затерявшуюся среди огромных, доверху груженных барж маленькую самоходку. Палубы почти нет, только узкие проходы вдоль бортов, огражденные одинарным леером-тросом. Все остальное занимают горбатые крышки трюма. Над ними чуть возвышаются два тамбура. В них трапы, ведущие в камбуз и кубрик, в две одноместные каюты. И лишь на самой корме, над машинным отделением, — небольшая надстройка, разрезанная на две части проходом. Впереди — каюта штурмана, посередине — капитана, в самой корме — механика. Выше прилепилась тесная рубка-скворечник.

Наверху сейчас пусто, мокро, темень. Пляшут на маслянистой воде отблески редких огней, что горят у соседних судов на верхушках мачт.

Вот опять накатила волна. Загрохотали незакрепленные железные крышки трюма, рифленые, как стиральная доска. Вверх-вниз. А-а-ах!

Саня лежит в постели одетый, накрытый тонким одеялом. Холодно. Не идет сон к Сане. От этого первая ночь на судне еще тоскливее.

И куда он попал на практику? Другие ребята из техникума честь-честью устроились — на большие суда. А он на ржавую галошу. Сам виноват, сунулся не разобравшись. Ладно уж, как-нибудь перетерпит. Команда здесь небольшая. Стоять вахты придется на две смены, по шесть часов через шесть. Значит, будут платить за недостающего. А подработать надо: костюм бы неплохо купить, с долгом за новое пальто рассчитаться...

Ребята из команды сегодня суеились весь день. Шла погрузка. «Майна! Вира!». Плюхалась в трюм грузовая площадка. Все белые, как мельники, грузчики специальными захватками, похожими на кошачьи лапки, растаскивали мешки с мукой. Капитан и штурман бегали в диспетчерскую, ругались, придирчиво считали мешки, хлопали Саню по плечу: «На Весляну, парень, идешь, в ледовый поход. Повезло!». А что ему до Весляны. Тоже, река... В ней глубоко лишь в половодье.

И как только его отец всю жизнь на барже провел? Маленькая, пыльная, груженная то цементом, то гравием... Нет, не для того он учится. Ему бы на «Богатырь». Вот это пароход! Поплавал на нем прошлым летом по Волге. Веселые пассажиры в классных каютах, зеркальные салоны, ковры, музыка...

Не спит Саня, ворочается под холодным одеялом. А дождь сечет и сечет палубу, судно вздрагивает на волне, скрипит тяжко.

III.

25 апреля.

Заозерский затон.

Уже полдень, а дождь все льет и льет. Саня решил укрыться от непогоды в рубке.

Он только что вернулся с берега. Ходил с матросом в магазин: запасались хлебом. Меш-

ков нет. Сняли со столов в камбузе по клеенке, завернули в них тяжелые буханки, потом в брезентовые плащи увязали. Так и тащились под дождем раздетые. Кое-как спустились с огромными узлами по глинистому обрыву. Ботинки раскисли, брюки вымокли.

Сейчас Саня на камбузе и видит, как Сергей и Виталий — механик с помощником — носят ведрами машинное масло. Оба в суконных кителях, похожих на кожанки, — до того лоснятся от мазута. Оба небритые. Механик — высокий парень в сапогах и серой шерстяной кепке. Его помощник — маленький, кругленький. Брюки на коленях у него вздулись пузырями. На голове — беретик с задорным хвостиком, из-под берета выбился такой же тоненький и несерьезный чубчик. Забавный этот Виталий. Шеи почти нет: плечи — и сразу голова. Из-под полосатого тельника чуть не до самого кадыка волосы курчавятся.

Саня тоже мало похож на студента речного техникума: в кителе и форменной фуражке. На нем тяжелые рабочие ботинки, синяя хлопчатобумажная роба, простая кепка. И в руках у него сейчас не штурвал, а неприятно скользкое топорище.

Кок тетя Маша заставила Саню рубить мясо. Дело непривычное. Топор тупой, палуба пружинит. Во все стороны брызжет мясная липкая крошка. Раз топором — в одно место. Раз — в другое. Фу! А тетя Маша стоит посмеивается: дескать, что ты за мужик!

...К вечеру похолодало. Пошел снег, лохматыми большими хлопьями. Вся команда носила ведрами уголь. Холодная погода может продержаться долго, топлива надо много. Да и кто знает, что случится в пути. В прошлом году, рассказывают ребята, караван целую неделю в Камском море простоял из-за тяжелой ледовой обстановки.

Вместе со всеми носит Саня пудовые ведра. Завтра в дорогу.

IV.

26 апреля.

Камское море,
Заозерье — Добрянка.

Восемнадцать часов по московскому времени.

Не успел Саня подняться на ходовой мостик, как вдали на берегах и посреди воды на бетонных островках-основаниях показались нефтяные вышки Палазны.

У штурвала опять Николай, штурман. Обидно Сане. Сами-то велики ли речники, а тоже... не доверяют. Сиди вот теперь...

Солнце уже совсем низко, плывет слева над самым лесом, цепляется за верхушки. Сверху на него наседает грузное облако. От берегов пролегли густые, резкие тени. Порозовела вода в просветах между льдинами. За флагманом катится горбатый маслянисто-синий клин, обрванный кромками раздвинутого льда. Все глубже и глубже ныряет солнце за лес, наконец исчезает.

Темнеет быстро. Штурман зажег бортовые огни. Саня сбегал, включил мачтовые. Да так и остался стоять на носу, засмотрелся...

Лиловая полоса над горизонтом, где спряталось солнце, стала розовой, потом оранжевой. Пожелтела, сделалась лимонной. Тускнела, тускнела и погасла.

Справа замигала, запереливалась огнями Добрянка. На флагманской самоходке сбавили ход, повернули влево к близкому берегу, стали пробиваться сквозь лед. Следом — «соседка». Так «старички» в команде прозвали самоходку, с которой уже не один десяток рейсов сделали вместе.

— Э-э-й! Давай сюда! Встаем!

Несколько человек с первых судов отправились в деревню. «Авось, на вечерку попадем».

Саня побродил взад-вперед по палубе и смело спустился в каюту механика. Сергей улыбнулся, молча мотнул головой в сторону колченого стула: садись, мол, и опять повернулся к штурману. Саня закурил, огляделся.

Сергей с Николаем склонились над грудой книг. Раскладывают какие-то исписанные потрепанные тетради. Разговаривают, видно, о хорошо знакомом каждому. Почему-то о письменных работах говорят, о сроках.

Потом Сергей оживился, одну, другую книгу Николаю показывает:

— Читал?

Николай головой крутит.

— А эту?

— Кажется, нет...

— Ну-у-у... Я без книг не могу. Как только читать научился — и пошло. Мать спать гонит, ругается, а я все одно допоздна сижу. С книжкой и засыпаю. В школе тоже: чуть скучный урок — опять книгу на колени.

Увлекались ребята разговором. Сергей про недавно прочитанную повесть рассказывать начал. Потом оба стали укладывать книги на полки вдоль бортов...

Нескоро затихли голоса в каюте Сергея и погас на льду под кормой светлый квадрат от окна.

Только три топовых огня на трех мачтах светятся, да рой звезд разлетелся по ночному небу.

V.

27 апреля, вахта с 6.00.

Усть-Гаревая — Висим.

Саня поднялся по крутому трапу из сумрачного кубрика и зажмурился. Солнце-то какое! И небо чистое-чистое, будто в бледной синьке прополосканное.

Плавный изгиб берегов. Ширь-разлив с далекими сахарными кромками. Впереди сплошное ледяное поле. Над темной водой клубится холодный пар. Слева по берегу разбежались домишки. На ходовом мостике глянул Саня в лоцманскую карту — село Усть-Гаревая.

Вскоре самоходки подошли вплотную к белому массиву. Нетронутый лед — ровный, припорошенный снегом. Лишь посередине заметная полоска. Обрывается она у горизонта, где дымит буксирное судно. Рядом с ним видны силуэты больших барж. Только смерзлась дорожка. Спаяло за ночь развороченные льдины.

Флагманская самоходка врезалась в лед. Заскрежетало, затрещало вокруг. От ударов вздыбленных льдин загремели якоря в носовых шлюзах.

Шли со скоростью неторопливого пешехода, отвоевывая метр за метром. Льдины сразу смыкались за кормой. Через час возле судов

уже не видно было ни единого просвета. Куда ни глянь — болят глаза от блескущего снежного поля. Ни взад, ни вперед. Застопорили машины.

Кажется, солнце полыхает жарко, а со льда веет таким холодом, заставляет так ежиться — ни дать ни взять, ясный февральский день. И в диговинку Сане видеть среди зимнего белого безмолвия темные суда с красно-синими треугольниками вымпелов.

Капитан и штурман — оба в рубке, покуряют, перебрасываются словами.

И чего они ждут? Какие осторожные! Жди не жди, все равно пробиваться надо.

— «Кама» идет на выручку, — уважительно проговорил Николай, словно отвечая на Санины мысли, и махнул рукой туда, где густо дымил буксир.

Там и вправду появилось судно. Вот оно ближе, ближе. Мощный, с низким широким корпусом ледокол «Кама» гулом машин, грохотом льда разогнал тишину и, не сбавляя хода, проскочил возле беспомощных самоходок.

Теперь по пробитой дорожке можно идти дальше. У штурвала — по-прежнему штурман. Флагманская взяла вправо. Николай тоже резко крутанул штурвал. Пошли вдоль берега. Совсем близко щитовые домики Бор-Ленвы, ребятишки бегут по дороге.

Саня только что смотрел в лоцманскую карту: судоводитель показан гораздо левее. В чем дело? Неудобно мешать штурману, тесно в рубке. Но все-таки протиснулся, еще раз глянул на лист, на примечания. Ага, вон оно что! «До открытия основной трассы судоходство осуществляется по дополнительной трассе Бор-Ленва — Висим — Нижний Лух — с. Косьва». Все стало понятным. Зимой гидростанция «сработала» воду, и теперь на судовом ходу глубины недостаточные. Вот и приходится делать большой крюк, следуя по коренному руслу Камы.

Головная самоходка пошла быстро, гонит винтами мощную струю воды, отбрасывает лед. А тому деваться некуда: с обеих сторон — прочные кромки. Льдины грудятся, прессуются в пробки. Только Бор-Ленву прошли, в одной из таких пробок и засели. Вскоре и передние суда остановились. Снова все ждут: должна вернуться «Кама».

Саня красит тент. Работает старательно. Лишь изредка поднимет голову, посмотрит на сверкающий лед.

Все безмолвно на неподвижной самоходке. Звенящая тишина вокруг. Только слышно иногда, как ссорятся вороны — черные вороны, что собирают на белом снегу выброшенные с судов объедки, да хищно кричат на разводах прожорливые чайки.

VI.

27 апреля. Устье р. Иньвы — Городище.

Около часа шли суда по чистой воде, и снова надвинулась ледяная лавина, грязная, вперемешку со щепьем, вывороченными деревьями. Гулко забухали по бортам бревна. Запахло прелой корой и мокрой гнилью. Напоенные талыми водами, сплавные реки Иньва и Косьва вздулись, смели с берегов всю грязь и вынесли в водохранилище.

Саня поднялся на мостик, когда льдины пошли все реже и реже и вскоре вовсе исчезли.

Развернулись берега. Вправо, сколько глаз захватывает, — вода. Где-то там, в предвечерней дымке, — устье Косьвы. Влево — тоже разлиз; лишь пустынный и плоский остров Турьямор задерживает взгляд, закрывая далекое устье Иньвы.

Второй день пути на исходе. За кормой сего 120 километров. Задержал суда цепкий лед. А весну не остановишь. Она катится, неугомонная, с юга на север, плавит снега, распускает почки, греет землю. И торопятся суда вслед за весной.

«Таки-таки-таки-таки...» — монотонно выговаривает дизель. А Саня кажется, что он упрямо бормочет, стиснув зубы: «Перегоним, перегоним...».

Небо сейчас прозрачное, бледно-голубое. Лишь кое-где белые облака-клочки, словно кто кистью мазнул неосторожно...

Вздрыгнул Саня от голоса над самым ухом:

— Саш! Ты что, спишь? Вставай к штурвалу.

Хорошо рукам на отшлифованном до блеска деревянном кольце. Как будто с прошлой осени не выпускал штурвала. Мерно постукивает рулевой привод, и нос судна послушно катится вправо. Хорошо идти, спокойно. Вода чистая, ни льдинки...

Штурман повеселел, разговорился. Глаза блестят, кургузая кепчонка сползла на затылок. Вот так же, наверное, стоял когда-то деревенский парень Колька на набережной, восторженно смотрел на пароходы, сжимая в руке обшарпанный фанерный баульчик. А сердце колотилось отчаянно; примут-не примут в речное ремесленное? Приняли. И стал Колька через два года Николаем, судовым мотористом.

А Саня и не подозревал, что его вахтенный начальник — и ростом не выше, и лицом не старше рулевого — прошел целый водный университет. Летом плавал, а зимой учился. После ремесленного окончил курсы рулевых. Потом двухгодичную школу комсостава — получил свидетельство механика. Затем курсы судоводителей — аттестовали на штурмана.

Поразило это Саню. Шутка ли, по девять лет уже отплавали парни! Сергей, как и Николай, тоже и ремесленное, и курсы, и школу комсостава успел закончить. Сейчас оба учатся

в заочном речном техникуме. Вот, оказывается, о каких письменных работах, о каких сроках в первый день рейса шел между ними разговор.

VII.

28 апреля.

Орел — Березники.

Ох, уж эти утки! Летят и летят низко над судном, как будто нарочно хотят раззадорить, и скрываются у дальнего берега, где оцетинился затопленный, мертвый лес. Уже высоко поднялось солнце, совсем теплое сегодня, ласковое. На подветренном борту, за надстройкой, можно смело стаскивать рубаху и подставлять спину лучам.

— Сергей! Загорать не желаешь? — смеется штурман.

— Иди ты...

Сергею не до загара. Мечется парень по мостику, бинокль в руках. Смотрит уткам вслед.

— Летят ведь! А? Братцы! Низко-то как...

В каюте у Сергея, даже не собранное еще, лежит чудесное ружье. От отца-охотника перешло по наследству. А какой толк собирать его?

— Ах ты, жизнь бурлацкая!

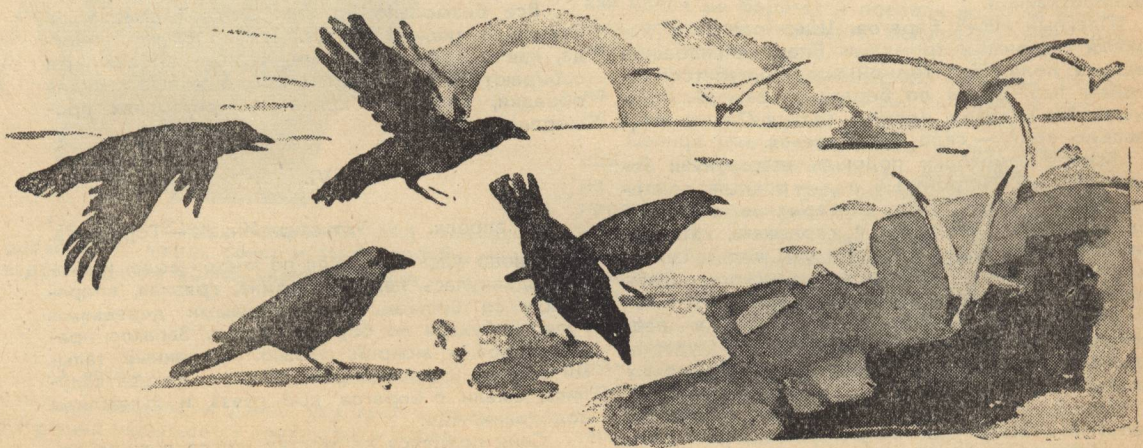
Сергей потерянно машет рукой и лезет в машинное отделение.

Саню тоже отправили из рубки. Сегодня он красит надстройку. Бойко ходит кисть. Краска забила все запахи. Только каждый раз, когда Саня нагибался к палубе, его обдавало чем-то неожиданным и очень знакомым. Вот опять! Но никак не уловишь, чем. Почему-то вспомнилось детство, прокаленные июньские дни, скрипучие подводы, сонные лошади и мельница. Сколько просидел он возле нее, у омута, с удочками...

«Мельница!» Саня наклонился к самой кромке рифленой крышки. В нос ударил сытный парной запах. «Да ведь трюм полон муки!..».

Неслышно подошел Сергей. Постоял, поглядел на Саню. Увлёкся работой парень, сбросил кепку. Ветерок легонько треплет жесткие рыжие кудри. На подбородке, на верхней губе золотится мягкий пушок. Старательный вроде практикант и с виду тихий. Тронул его Сергей за плечо.

— Посидим, перекурим. Денек-то какой, а?

Нравится Сане Сергей. Капитан, тот молчаливый, не улыбочный. Не поймешь: не то сердится на кого, не то характер такой. А у механика на лице почти всегда улыбка. Работает ли, стоит ли на палубе, думает о своем — обязательно какую-нибудь мелодию под нос мурлычет.

— Что ж, перекурим...

Развалились на теплых крышках трюма. Лежали, жмурились, рассматривали суетящиеся катера на Орлинском сплавном рейде, рыжие дымы близких Березников, телевизионную мачту меж труб.

— Каждый раз по весне все видишь будто заново. И берега знакомые-перезнакомые, а опять новые. — Голос у Сергея глуховатый, словно у него простужено горло. — Из-за этого и люблю плавать. Весна — так нестерпимо, быстрей бы в рейс. Осенью... тогда да, на воде нудно. Тогда уж только одна мысль: скорей бы в затон! А чуть запахло весной — опять по ноя...

— Это как неудачная рыбалка, — усмехнулся Саня.

— Во, во! Или охота... Отпуск был у меня в марте. Приехал к матери в деревню. Снегу!.. Только полянки кое-где вытаяли. Намаюсь, вымокну. Ну, говорю, к черту! Больше на охоту не ходок. А утром — опять за ружье хватаюсь...

С камбузной трубы ветер срывал ключья терпкого, горьковатого дыма и разносил по палубе аромат сытного варева. Подлетали к судну и резко сворачивали утиные пары...

Все воспоминания детства у Сергея связаны с охотой и рыбалкой. Особенно запомнилась зима, когда еще был жив отец. Сколько белки они напромышляли вдвоем! Богатая вышла матери шуба. Хорошая у них тогда была лайка. Да и год на кедровый орех выдался урожайный. А в Сибири все лето — лесные пожары. Много в те поры белки перевалило за Уральский хребет.

Последним школьным, последним домашним был для Сергея тот год. А потом счет пошел не на годы, а на навигации. Самое лучшее время для рыбалки и охоты Сергей проводит в плаваниях. Урывками, на стоянках, пока выгрузка-погрузка, посидит с удочками, еще реже удается сбежать с ружьем в лес. А это все не то...

— Так хочется забраться на глухую речку, где рыба неловная, дичь непуганая. Лето-не лето, а месячишко бы там провести! Лучше всего сентябрь. — Серега лежит на спине, смотрит на плывущие мимо белыми парусами облака, вздыхает: — Представляешь, проснуться бы в шалаше... Холодно утром, звезды сквозь лапник просвечивают. Чистота! И нет тебя, к какому сам привык. Все вокруг — ты... А знаешь, можно было мне, как всем, летом в отпуск ходить. Приглашали механиком на электростанцию, в леспромхоз...

— Отказался? — Саня приподнялся на локте.

— Да нет, согласился. А тут как закапало с крыши...

Немалое счастье приносит сама мечта, пусть она и не сбывается полностью. Сильное чувство завтрашней радости помогает жить, заставляет бороться...

Вот он перед Саней на самой горбине крыши, половодьем растревоженный, мечтающий человек. И насвистывает тихо: «Ах, куда же вы торопитесь, куда? Поезда, поезда... Почтовые и скорые, пассажирские поезда...»

28 апреля, вахта с 12.00.

Река Кама, Мошево

По обе стороны тянутся близкие, непривычные после водохранилища берега. Низкие, песчаные, они сплошь заросли густым ивняком, что ни куст — пучок, со своим цветом прутьев — от седого до рыжего. А сверху все опушены желтыми с зелена сережками.

Позади Соликамск. Совсем немного осталось до Мошевского затона, а там и Тюлькино.

День заканчивается так же мягко, ни ветерка. Но ребята чем-то встревожены. В рубке — сам «кэп» Валентин, Сергей, Николай. Сергей оживленно говорит, показывает на воду, Валентин хмуро смотрит из-под низко надвинутого козырька, сжал в ладони колючий подбородачок. Только Николай невозмутимо сидит в уголке на скрипучем круглом табурете, похожем на сапожничью седуху.

Вот всегда он так. Ребята шумят, о похождении своих рассказывают взахлеб, а он сидит в сторонке, сдвинет сбитые сапожки один к другому — острые коленки вместе и сверху руки выложит, небольшие, в садах, ладошки. Сидит, изредка словечко вставит, а больше все улыбается добрыми, доверчивыми глазами. Самый незаметный человек на судне.

Саня называет его просто и твердо: Николай, хотя так и тянет сказать мягко: Коля. Капитан и механик с помощником — те все: Захарыч да Захарыч. Вроде и в шутку, а прислушаешься — всерьез. И с чего они его так навешивают?

Сане на вахту через несколько часов, а он тоже на мостике. На воду смотрит, понять не может: чем ребята обеспокоены? Ну, кое-где льдины плывут — рыхлые, незрелые. То ли еще было в водохранилище...

А лед больше, гуще. И вот уже захлестнул все, от берега до берега, ползет со злобещим шорохом и треском.

Саня протиснулся в рубку.

Буксирный колесный пароходик, что шел впереди с брандвахтой, растерянно рыскал в одну сторону, в другую. Потом круто свернул под ухвостье островка, бросил якорь.

Валентин крутанул маховичок, слегка пристопил машину.

— Ну, что я говорил! Вишера пошла, самое время. Пробьемся?

Идти действительно рискованно. Не льдины страшны, хотя есть и такие — с хорошую танцплощадку. Опасны бревна и коряги, вмерзшие в лед.

— А может, тоже за остров спрячемся, преждем?

— Попробуем, — говорит Николай и легонько теснит плечом рулевого. Все выжидающе смотрят на штурмана. А он провернул маховичок в обратную сторону, прибавил ход.

Влево. Вправо. Маленькие кулачки бойко бегают по отполированному штурвалу. Теперь все зависит от маневренности. Где-то надо сбавить ход, где-то наддать, уловить момент и врезаться с ходу между льдинами. Точно рассчитать, увернуться и обойти стороной.

Стоит чуть видный за штурвалом Николай. Стоит полчаса, час. Ну вот, пронесло! Льдины пошли реже. Можно передать рулевому.

— Саш, пойдем ужинать.

Николай медленно ходит с мостика, постукивая стоптанными сапожками, идет вдоль борта, спускается в камбуз. Сбрасывает с голозы куцую кепчонку, приглаживает реденькие прямые волосы и сосредоточенно склоняется над столом. Тетя Маша наливает ему супу, заговаривает с ним. Николай молчит. В левой руке его часто-часто подрагивает толстый кусок черного хлеба.

IX.

28 апреля.

Тюлькино.

Когда самоходка вывернулась из-за мыса и Саня увидел дымы над стоянкой судов, они показались ему такими близкими. Но миновало полчаса, а расстояние почти не уменьшилось.

Самоходка шла по сверкающей дорожке, зубчатой и рваной, как линия, вычерченная пе-

ром сейсмографа. Ее пересекали редкие льдины. Они вспыхивали на несколько секунд розовым пламенем и тут же гасли, сливаясь с мутной водой. Слегка похолодало, и солнце садилось багровое, колющее.

Сане хотелось долго идти и идти этим прямым плесом, по солнечной дорожке за таинственный горизонт. Он так засмотрелся на воду, что не заметил, как в рубку вошел помощник механика Виталий. И даже после замечания Николая — принять правее — не сразу понял, чего от него хотят. Лишь когда Виталий положил ему руку на плечо, оглянулся.

— Дай-ка мне.

Саня недоуменно посмотрел на штурмана. Виталий перехватил его взгляд.

— Не бойсь... — Плавно свел руки, склонил голову в берете с озорным хвостиком. — Лично я, позвольте заметить, несколько навигаций плоты водил. Вторым штурманом. Да-с, именно штурманом. Впереди здесь мель-осередок, ее справа обходить надо.

Что у него за руки! Так и снуют. К каждому слову — жест. Правая по штурвалу бегаёт, левая в карман скользнула, вынесла на ладони непочатую пачку «Севера». Острым ногтем большого пальца вдоль папиросин чирк — разрезал Виталий плотную бумагу, переломил пачку. Неуловимое движение пальцев — и папироса во рту. Когда папирос станет меньше, он разорвет и вторую стенку пачки, будет тогда две половинки. Теперь их можно вкладывать одна в другую. Удобно. Совсем как старомодный кожаный портсигар.

Уже доносится со стоянки музыка. Слышно, как на одном из пароходов срамливают пар — белое облачко поднимается над трубой. Виталий поворачивает к берегу.

— Ну вот, двести пятьдесят семь километров прошли. Отлично и благополучно. Не плавание, а триумфальное шествие.— А руки непрерывно работают. Попеременно: одна крутит штурвал, другая вензеля в воздухе.— А вот нам здесь однажды не повезло. Так же шли с баржами в первый рейс и намотали на винт трос. Паводок уходит, а мы стоим. Собрал капитан всех, охотников ищет к винту нырять. Вода — огонь. Страхота. Лично я — ни за что на свете...

Саня невольно посмотрел на воду. Свинцовая, парок от нее. Бр-р-р, знобко!

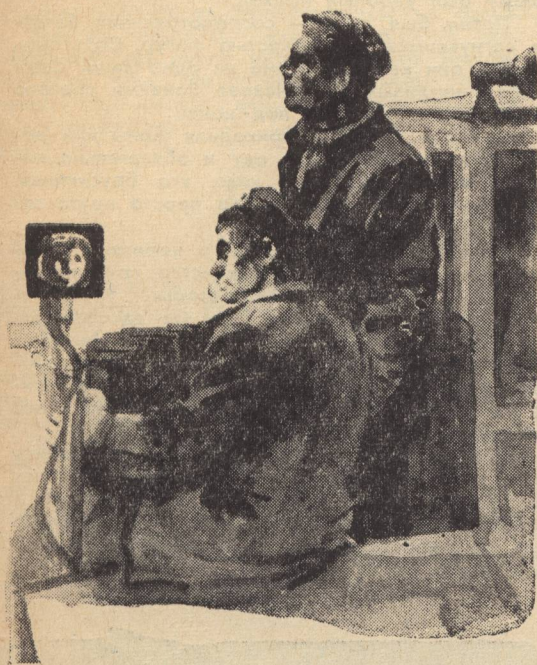
— И нашлись, нырнули?

— Нырнули. Лично я и кореш один.

Виталий зажмурился. Заросший курчавыми волосами кадык поднялся и опустился вниз.

— Вдвоем веселее, а то разве бы стал лично я ножки мочить. Верно, Саня, солнечная голова? — и озорно подмигнул левым глазом.

Не знал Виталий, что не для всех этот рейс удачный. Когда пришвартовались, услышали от молодого щеголеватого штурмана, одетого, как

«мужественный мальчик» из модного кинофильма: красные носки, черные узконосые туфли, брюки дудочкой, свитер крупной вязки, берет:

— Две самоходки крепко помяло во льдах. Ледокол не успел их вывести до темноты. А ночью поднялся сильный ветер, началась подвижка льда — зажало их. Натерпелись мы страху...

А одна «СТ» (у штурмана это название прозвучало красиво и необычно — «эстетка») уже проскочила Тюлькино. Да на Весляне где-то села на мель. Течение там сейчас!.. Говорят, бедную развернуло поперек реки.

Азартно рассказывал штурман. Видно, сам в такой рейс идет впервые. И в Сане тоже будто разгорелось что-то, захлестнула волна нетерпения.

X.

30 апреля, вахта с 6.00.

С. Бондюг.

Вдали показалась старинная церковь в облезлой штукатурке, потемневшая от снегов и дождей, ветров и морозов. Она, как столетняя грузная старуха, смотрит на реку подслеповатыми окнами из-под каменных полукружий-закомар.

А возле нее по берегу, верно, еще с купеческих времен, — склады и лабазы. Древнее камское село, кусочек некогда могущественного феодального княжества Перми Великой — Бондюг. Самая северная точка на Каме.

Зааляли флаги и лозунги. Замаячили на берегу фигурки людей. Их становится все больше и больше.

Приход судов в далекое от тракта и железной дороги село — великий праздник. Каждое судно встречает толпа. А вдруг это к ним? Вот сейчас подойдет, пришвартуется... Но первые всегда проходят мимо. Лишь через несколько дней дойдет очередь и до Бондюга. И здесь тогда тоже загомонит, забегают по скрипучим сходням отчаянный народ — грузчики.

Самоходка подходила к Бондюгу не одна. Обгоняя ее, подваливал к берегу пароход.

Утро было теплое и обманчиво тусклое. Краски неярки, очертания предметов смягчены, как бы подернуты дымкой. А дали на редкость прозрачны. Небо слилось с рекой. И казалось, что белоснежный пароход парит в воздухе.

Смотрит Саня: самоходка тоже воротит к берегу. В рубке — Николай, Валентин, Сергей. Видно, и им захотелось ступить на землю. Покурить, словечком перекинуться с людьми.

Саня чалку приготовил... А судно вдруг замедлило ход и поползло вниз.

— Сергей, к лебедке! Помоги ребятам якорь отдать. Тут, кажется, свал сильный. — Валентин склонился над лоцманской картой, разбирая мелкий шрифт примечания:

«Левый берег, начиная от 355 до 354,6 км, используется для сухогрузных причалов и пассажирским флотом. В этом районе, начиная от устья реки Бондюжанки и ниже, наблюдается сильное свальное течение к левому берегу. Судоводителям это необходимо учитывать. При наличии западных и юго-западных ветров свал в сторону причалов увеличивается еще больше».

Загрохотала якорная цепь, судно споткнулось и стало носом против течения.

Откуда ни возьмись, вынырнула «Косява» — катер судоходной инспекции. Причалила к корме. Инспектор обстоятельно все выспросил. А сам глазами на одного, на другого — зырк, зырк. Не празднуют ли?

— А, может, вас, капитан, к берегу подвезти? Стоите на самом фарватере, будете мешать.

— Спасибо, не нужно, — Валентин ведет себя сдержанно. Прислушался к стуку в машинном отделении, где уже орудовали Сергей с Виталием. Посмотрел на часы. — Через тридцать минут пойдем. Гарантия!

XI.

1 мая, вахта с 6.00.

Р. Кама, новый поселок.

Постепенно яснеют дали.

Потакивает двигатель. Сто сорок оборотов винта толкают судно против течения всего на

сто метров в минуту. Сколько ни засекал Саня время, все получается шесть километров в час.

Вот показались избы над рыжим обрывом. И стайка ребятишек вынырнула невесть откуда. Машут флажками, кричат.

— Да посигналь ты! — не выдержал Николай. — Они, может, целый месяц флажки эти шили, пароходы встречать готовились!..

Саня опомнился, рванул рукоятку. Над рекой резко проревела сирена.

— Гляди, сразу успокоились, — заулыбался Николай.

Ребята и вправду примолкли, уселись на скамеечку рядом с девушкой, видимо, пионервожатой.

А на Саню, то пи от красных галстуков, то ли от флажков, или просто от детских открытых улыбок пахнуло вдруг сегодняшним праздником. Тем, к какому привык: с демонстрациями, музыкой, песнями, смехом.

Только стала забываться проплывшая мимо деревня, как снова на берегу жилье. Сверкают желтизной на солнце домики. Так и чувствуется, что все они в каплях и потеках янтарной смолы. Дымится на вырубке развороченная бульдозерами земля. Тракторы, лесовозные машины стоят в ряд.

А на лоцманской карте до самого Харино, слившегося с рабочим поселком Гайны, никакого селения и в помине нет. Только знак перевальный да на судовом ходу кружок с цифрой 455 — количеством километров от Камской ГЭС.

Идут по берегу вдоль новенького поселка четверо нарядных девчат. Смеются залиvisto, косынки легкие выются по ветру. Дескать, и куда вы торопитесь, парни? Оставайтесь, поспрашиваем!

Сергея что-то кричит им.

А Николай сразу вниз, за гармошкой. Положил ногу на ногу, качнул сапожком...

Завихрилась над рекой озорная мелодия. Быстрее пошли девчата, словно не желая отставать от судна. Веселее заплескалась вода вдоль бортов. А гармошка вдруг осеклась и повела: «Я трогаю русые косы, ловлю твой задумчивый взгляд. Над нами весь вечер бережи...»

И уже лесной поселок позади. И скрылись из виду девчата. А гармонь все поет и поет, будто Николай торопится излить душу...

XII.

2 мая.

П. Усть-Черная.

Вот и поселок Усть-Черная. Не успела самоходка по-настоящему встать к песчаному берегу, как палубу заполонили ребятишки. Они стучали каблучками, шлепали сандалиями по нагретому металлу и спрашивали, спрашивали:

- Вы откуда?
- Из Перми.
- Долго шли?
- Шесть суток.
- О-о!

Они старались забраться в каждый уголок. Бесцеремонно заглядывали в каюты, лезли в машинное отделение, поднимались на ходовой мостик. Им все хотелось ощупать. Пока не успела утихнуть причальная суета, смельчаки про-

никли в рубку. И уже кто-то крутил штурвал, кто-то отдавал команды. По очереди, счастливые, они смотрели в бинокль туда, где за поворотом скрывалась река.

За этой в общем-то невзрачной самоходной баржей им виделся далекий мир, большие города, знакомые лишь по кино и книжкам. Почти никто из них еще не был дальше соседнего поселка, а все они мечтают о неведомых странах.

XIII.

5 мая.

П. Усть-Черная.

Стояла необычная сушь. Калились на солнце медноствольные сосны и роняли тягучие слезы в сухой песок.

Каждое утро начиналось с перестука топов. Пока грузчики сидели подле складов на солнышке, позевывали, лениво рядились с орсовским начальством, плотники наводили сходы. Ладили их старательно, чтобы к каждому трюму был удобный подход.

Потом был день — сосредоточенная беготня согнувшихся под тяжестью фигур. Со стороны все они казались Сане на одно лицо. Однако шутивыми, одинаково бойкими вначале и одинаково усталыми под конец.

К обеду на берег приходили жены или дети постарше. Приносили еду и обязательно питье. Много питья. Кто квас, кто брусничный или клюквенный настой, а кто просто круто заваренный остуженный чай.

Из разговоров в обед да в короткие перекуры Саня узнал, что большинство грузчиков — отличные работники-механизаторы: трактористы, шоферы, лебедчики. Пока на лесозаготовках весеннее бездорожье и сплав еще не начался по-настоящему, отчего не поразмяться, не поработать. Ведь раз в год приходят суда, стоят всего несколько дней. А уйдут, можно снова в лес до следующего половодья.

...Уже вечерело, когда, с трудом отмывшись от мучной пыли, Саня по привычке отправился на площадь. Почти четыре дня пролетели как в одночасье. Завтра, чуть свет, — в обратный путь. Хотелось пройтись по поселку, потом зайти в клуб.

Еще издали он увидел на заборе две афиши. Вспомнил прилетавший дважды за день вертолет, леспромхозовскую самоходку с необычными пассажирами, пришедшую из Гайн... Приехали артисты Коми-Пермяцкого драматического театра. Сегодня спектакль.

Саня пошел к большому клубному крыльцу. А навстречу ему уже высыпали люди. Они расходились по домам. Они даже бежали, причем почти одни женщины. Они пересекали площадь и растекались по улицам.

Возле клуба весело гомонила молодежь, степенно дымили папиросами мужчины. Саня заметил немало знакомых лиц. Сегодня они целый день ходили мимо него с мешками. Потом обратил внимание на афиши. На одной — «Стряпуха». На другой — «Стряпуха замужем». А число и там, и тут — одно.

И Саня все понял.

Сегодня два спектакля. И люди взяли билеты на оба. И женщины бежали домой, чтобы успеть за полчаса провести ребятшек, подоить коров и снова вернуться в зал. Вернуться и войти в чью-то жизнь, смеяться и плакать, пожитейски следить за происходящим на сцене.

Площадь опустела. Саня шел обратно, возбужденный, как после интереснейшего знакомства. Шел туда, где последний вечер стояла, высоко поднявшись над водой, все отдавшая берегу самоходка.

XIV.

6 мая, вахта с 6.00.

Река Весляна.

Нелегко вести судно в полую воду по крутой Весляне. Руки Сани словно приросли к штурвалу. Оторвет левую на несколько секунд, рванет рычаг sireны — даст сигнал на крутом повороте и снова кинет на гладкое кольцо. Чуть оплошал, замешкался — и самоходку бросит на затопленный берег.

Поворот — за кормой смыкается лес. Поворот — впереди открывается небольшой просвет. Опять поворот. Ощущение у Сани такое, будто он крутит по крутой черной дорожке гигантский слалом.

Судно катится вниз. То и дело тревожно,

как заблудившаяся овца, ревет сирена. Взлетают испуганные утки. Взлетают и снова садятся впереди. Целое утиное царство.

А по берегам, на плотбищах — штабеля. В Серебрянке это уже не штабеля, а целые горы леса. Они тянутся на несколько километров, достигая десятиметровой высоты. Пройдет еще две недели, перекроют Каму у Керчево плавучей запанью и закончится северный завоз — быстротечная навигация на Весляне и Каме выше устья Вишеры. Целое лето будет ползти древесная лавина на Керчевский сплавный рейд. Отсюда в плотях она пойдет на Нижнюю Каму, на Волгу.

Вот опять впереди наметился поворот. Вода идет вправо за нависшие лесины. И влево тоже течение. Сильная струя с пенистыми пузырьками на поверхности даже заметней здесь.

Саня крутанул штурвал влево. Глянул на штурмана: правильно ли? Николай кивнул головой: ладно, дескать, держи так. А сам — лоцманскую карту в руки. Листы длинные, потрепанные, гнутся. Ветер, задувая в поднятое стекло, ворошит их — никак нужный не найдешь. Вот, кажется, этот участок. Николай склонился над картой.

А судно все больше и больше катится влево.

На носу Сергей с Виталием сидят лицом к рубке, нежатся на солнце. Хорошо им, думает Саня, на берега поглядывают, воздухом весенним упиваются.

А Сергей рассказывает Виталию про хитрости полноводной Весляны.

— Вот и «Оленьи рога».

— Почему рога?

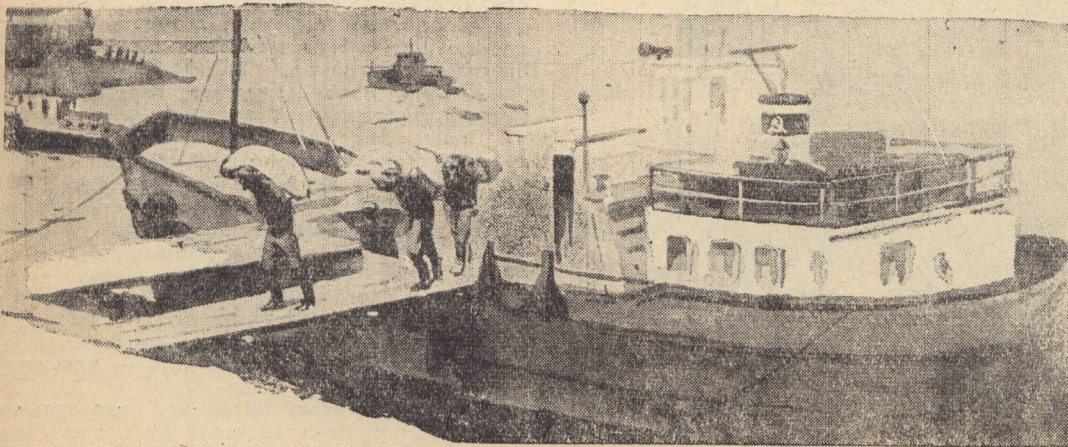
Река здесь расходится на два рукава, а от них еще несколько протоков — как рога ветвистые.

Виталий обернулся, посмотрел в правую протоку, увидел красно-белый перевальный знак на берегу. Глянул на нос. Что такое? Нос все влево, влево, заправляется в несудоходную протоку. Не поверил.

— А поворот здесь какой?

Сергей тоже повернулся. Вскочил, рукой замахал, кричит в сторону рубки:

— Захарыч! Куда ты, черт тебя побери! Пра-а-ва! Пра-а-ава держи!

Николай только-только нашел нужный лист, глянул на «хитрое» речное колено. А тут крик загрохотал.

Саня все понял. Старается положить руль круто вправо. Завертел штурвал, только шестерни затрещали в рулевом приводе.

Нос судна медленно стал останавливать свой бег, замер на мгновение и пошел вправо. Э-э, поздно! Мыс между развилкой — вот он. Носом самоходка уже в правый рукав нацелена, а бортом ее все еще несет на затопленный лес. Николай ухватился за рукоятку вентиля, закрутил что есть силы, дал самый полный ход, на какой способен старик-двигатель.

Корма прошла впритирку к лесинам, захлестали, зацарапали по надстройке сухие ветки...

Пронесло!

Николай встал к штурвалу. Саня вытасил сигареты. Но долго не мог прикурить.

А судно продолжало стремительный бег. Мелькали мимо, как штыки, нацеленные в реку, верхушки подмытых половодьем деревьев.

XV.

6—7 мая.

Река Кама.

Скатывались вниз быстро. В три часа утра еще были в Усть-Черной — это 612 километров от плотины ГЭС, а теперь недалеко Керчево. До Перми останется 275 километров. За день, пройденный с севера на юг, можно было ви-

деть, как обволакивает землю весна. На Весляне, в верховье, на ветках прибрежных кустарников — наглухо закрытые почки. Близ устья они уже позеленели. А здесь, на Каме, лопнули. Даже на березках трепещут бледные листочки.

Днем на судно залетали ворчливые мохнатые шмели, запархивали бабочки, сидели синицы-трясогузки. Сейчас в вечерней синеве прогудел майский жук и скрылся в лугах. Было прохладно. Но с берега шли волны тепла и аромата зацветающих лугов.

Тускнели дали.

Сергей не выдержал. Сильно потянул носом, подался вперед.

— Чувствуешь, Саня? Земля ожила.

Саня доставал последние часы. Уже вышел на свою «капитанскую» вахту Валентин — с десяти вечера до четырех утра. Он молча курил у бокового окна рубки.

Пересекая курс самоходки перед самым смотровым окном, басовито прогудел еще один майский жук.

Сергей снова заговорил:

— А ты, Саня, знаешь, как мы однажды на суше загорали? Не знаешь? — оживился Сергей. — Так это в прошлом году было. Шли мы уже четвертым рейсом, на Вишеру. И сели на затопленный остров. Был тут у нас один друг, мух ртом ловил... Ну, сели. Сидим. Пока дождались большого судна, вода убывала сильно. Нас так и этак — не могут стянуть. Оказались мы, одним словом, на сухом берегу...

Сергей помолчал. Видно, вспомнил, как ходил тогда по машинному отделению, постукивал и вся самоходка гудела пустой бочкой.

— Весь трюм пришлось разгрузить. Потом семь тракторов С-80 согнали. И те кое-как нас на воду стянули.

Капитан так и не проронил ни слова. Он внимательно глядел вперед, изредка поднося к глазам бинокль.

Первый раз шли ночью. Огни горели не на всех обстановочных знаках. Плыли на ощупь. И вдруг после слепой темноты надвинулось на судно Керчево. На воде огни: стоят суда у причалов, работает землечерпалка, обозначены плавающие боны. И берег весь в огнях. Попробуй, разыщи тут обстановочные фонари.

Наконец миновали и Керчево, а лучше не стало. По лоцманской карте справа должен быть красный перевальный, от него судовой ход идет к левому берегу.

Проходит десять минут, двадцать. На берегу — до рези в глазах смотри — ни огонька. Саня скатал руль влево.

— Рано. Надо дожидаться перевального, — заметил капитан.

Прошли еще немного. Впереди замаячил красный огонек. Одно только сомнение у обоих. Если верить карте, то, судя по пройденному времени, давно этот знак миновать должны.

Но что оставалось делать? Тут догадки. А там настоящий красный огонь.

— Держи на перевальный.

Только проговорил это капитан, как судно резко замедлило ход, вздрогнуло. Саню бросило грудью на штурвал.

«Вот и мы на сухом берегу», — мелькнуло у него.

Капитан метнулся к реверсу, перевел его на задний, прибавил оборотов до отказа. Гонит

винт воду, кипит бурун под кормой. А судно ни с места: присосало днище к грунту.

Прибежал на мостик Сергей. Остановили двигатель. Включили худенький прожектор. Да что толку. Осветил лишь возле борта. Чуть-чуть заметно, что слева из воды поднялись кусты. Справа неподалеку — высокий берег, лают собаки.

Загребели крышки на трюме, забегал по трюмам белый кружок от карманного фонарика. Капитан сам проверил оба отсека: нет ли пробоины.

Сухо.

...Сняли самоходку лишь в четыре часа утра. Саня в это время спал. А когда вышел на вахту, расспросил ребят и разобрался во вчерашнем происшествии. Оказывается, красный перевальный они прошли, но не заметили: не горел фонарь. А приняли за него один из створных огней Верхне-Барановского переката и залетели на пески в устье речки Гремячевки.

XVI.

7 мая, вахта с 12.00.

Камское море.

Саня сменился с вахты, но отдыхать не удалось. Нельзя.

Ночью с левого, лугового, берега дул сильный ветер. Нагнало тьму леса. От самого Орла самоходка медленно пробивалась среди сплошной древесины. То и дело заклинивало рули. Приходилось стопорить ход и вытаскивать багром двух-трехметровые «занозы».

Саня несколько часов дежурил на корме. Только перед Городищем стала почище вода, и он смог подняться на ходовой мостик.

А вахтенные тут стоят, гадают: она или не она? Прижалось к плотам судно, похожее на «соседку».

Подошли ближе. Точно: она!

Ревет сирена. С мостика отмашкой сигналят — дескать, подходите к нам.

Наморщил лоб Виталий. Нахмурился, привычно дернул козырек кепки Валентин.

Теперь-то Саня знает, что к чему. Не любят ребята капитана с «соседки». Больно запасливый и прижимистый. Чуть стоянка в глухом месте — кряхует собственной бензопилой «Дружба» бревна, таскает на палубу. Из команды все время кого-нибудь зовет помогать. Запасает на зиму даровые дровишки. Дом у него, понимаешь ли, каменный, много «съедает» дров.

Сейчас капитана не видно на мостике. Чувствует неприязнь к себе. Штурмана с механиком оставил. Те объяснили: еще вчера вечером заклинило винт. Весь день «загорали», ожидали своих.

Саня ждал, что ответят «свои». Ничего не сказали. Валентин распорядился закрепить с носа и с кормы чалки. Попросил Николая проследить за всем и ушел в каюту.

Все на самоходке знали, что скорость уменьшится раза в два, значит, вдвое больше времени уйдет на переход Городище — Пермь. Но никто об этом не обмолвился ни словечком. Так и пошли дальше, борт к борту, «в обнимку».

XVII.

7 мая.

Камское море.

Медленно идет самоходка. Со своей низенькой надстройкой она чуть заметна рядом с «соседкой».

Еще светло, но видимость плохая. Все вокруг окутала густая серая пелена. Тихо. Виснет в воздухе причудливый след. Не тронутый ветром, повторяя все повороты судна, тянется змейкой дым из выхлопной трубы.

Тепло. Парит. Солнце безжизненно висит в пепельной мгле. Несколько маслянистых бликов от него лениво плещутся в близкой воде.

А на самоходке оживление. Виталий в пролете возле машинного отделения открыл «парикмахерскую». Как всегда, балагурит, ручками работает так и сяк.

Ребята рассказывали: служил он на флоте гидроакустиком. И вдруг ударило кому-то в голову сделать парня вестовым. Говорят, командир «охотника» выгнал его в первый же день, обратно на гидропост. Понятно, такой и борща из камбуза до каюты не донесет спокойно.

Жестикулирует он занятно. Не вся рука, а лишь кисть плавно движется.

Вот и сейчас рассказывает что-то. До Сани доносится только: «Лично в моем репертуаре этой песни нет». И кисти его рук мягко гнутся к треугольничку полосатого тельника. Возле глаз собираются морщинки. Маленький, широкий книзу нос утопает в круглых щеках... И тут уж губы даже неулыбчивого механика с «соседки», сидящего в «парикмахерском» кресле, невольно начинают растягиваться в улыбку.

Виталий балагурит и работает. Ребята с «соседки» принесли машинку для стрижки волос и сейчас ждут своей очереди, чтобы сделать «классный полубокс». Шутят, смеются, вызывают Виталия на новые «хохмы». Тут и Валентин похотывается вместе со всеми.

Жизнь на судне идет своим чередом.

...Было уже совсем темно, когда на «соседке» включили приемник.

Сане слышно хорошо. Он один в рубке. Какая-то незнакомая мелодия, похоже восточная, знойная. И гортанный голос. Потом писк морзянки, обрывки речи, завывание, треск. Радист гонит стрелку по шкале.

Саня смотрит на тихую воду. На темные берега. И здесь, по колено в воде, спят березы. Он очень привык к этой песне о березах. Слишком часто играл ее Николай, и пели все вместе.

Березы, березы.

Вспоминает, как тринадцать лет волею случая сам оказался рулевым. Как вел катер с баржей на буксире восемьдесят километров — от Казани до Камского Устья. Один-одинешенек. Потому что вся команда катера отравилась консервами и никто не мог стоять у руля. Пожалуй, тогда-то и выдержал он, Санька, самый главный экзамен на водника.

А может, он думает о тех ледовых и неледовых рейсах, что еще предстоят ему в жизни?

Рисунки Н. Мооса,

ПОЛУЧАЙТЕ

ЗАДАНИЕ,

СЛЕДОПЫТЫ!

Горячая пора сейчас у специалистов сельского хозяйства. Агрономы, почвоведы, агрохимики разрабатывают планы, изучают возможности повышения урожая на полях страны. Проводятся анализы образцов почв, составляются картограммы содержания в них фосфора, калия и других элементов. По таким картограммам видно, на каком поле и в каких удобрениях будут особенно нуждаться растения.

Многие почвы нашей области имеют вредную для растений кислотность. Чтобы получить хороший урожай, нужно вносить в них известь или какие-нибудь другие вещества. Часто запасы удобрений встречаются буквально под ногами, совсем рядом.

И вот тут-то нужна помощь следопытов. Кладовые Урала ждут своих первооткрывателей. Выбирая маршруты летних походов, поставьте себе цель разыскать такие месторождения. Для этого нужно побольше наблюдательности и кое-что из снаряжения: пузырек со слабой кислотой и пипетку, небольшую саперную лопату и топорик.

Какие удобрения встречаются и как их отличить?

Это — известковые туфы, доломиты, мергель, вивинит, различные виды торфа.

У ключа, где остановились напиться, на берегу речки или у подножия холма вы можете увидеть крупинки серовато-белого цвета. Обратите на них внимание! Капните кислотой — и они закипят. Это следы известкового туфа. Значит, поблизости находится его месторождение.

Туф — замечательное известковое удобрение. Чаще всего он грязно-серого цвета, пористый, рыхлый, прикрытый сверху на 10—20 сантиметров слоем земли.

Мало кто из вас слышал слово вивинит. Такое вещество встречается на торфяных болотах, поросших осокой, березой и ольхой. Нередко эти участки осушаются глубокими канавами. Взгляните на стенку канавы. Посиневшие прослойки и вкрапления укажут вам на вивинит. Он имеет тоже грязно-белый цвет, но быстро синее на воздухе, а потом становится серовато-голубым. После высыхания вивинит превращается в порошок, который удобно использовать как ценное фосфорное удобрение, в котором нуждаются все культурные растения. А над ним, обычно слоями разной мощности, лежит торфовивинит. Кроме фосфора, он богат органическими веществами.

Иногда попадаетесь породе грязно-желтого цвета, плотная, с примесью щебенки. Если капнуть кислотой, начнется слабое вскипание. Так определяют известковое удобрение доломит. Выходы породы находятся на днищах оврагов или в их крутых обрывистых берегах.

Как известковая добавка применяется и мергель. Это — плотная землистая масса серого, коричневого или зеленоватого цвета. Также вскипает от кислоты.

Ну, а если вы где-нибудь увидели серовато-белые массы породы — значит, нашли самое богатое известковое удобрение. И, наконец, на дне высохшего или осушенного озера иногда можно обнаружить отложения озерной извести.

О своих находках обязательно сообщите агроному того хозяйства, через которое прошли ваши тропы. Если в походе вы не смогли определить найденное вещество, то небольшой кусок породы захватите с собой. Областная агрохимическая лаборатория даст точный ответ. Не забудьте отметить место находки. Шлите образцы по адресу:

Свердловск, УралНИИСХоз, агрохимлаборатория. Помните, ваши открытия помогут работникам села быстрее создать изобилие продуктов. Ждем ваших сообщений, следопыты!

Н. ИВАНОВ,
кандидат
сельскохозяйственных наук
Б. ПАВЛОВ,
почвовед

В 1960 году в Свердловской области в геологических походах участвовало только 2525 человек, а в 1963 году — более 14 000. За это время найдены интересные месторождения руд, минеральные источники и грязи. Причем открытия делают иногда совсем юные, начинающие геологи.

Так, пятиклассники Свердловской школы-интерната № 16 вместе с учительницей географии Л. М. Фроловой обнаружили в прошлом году агглюмерит — очень ценную минеральную подкормку. Это — порошкообразный известковый материал с мелкими ракушками пресноводных животных. Такое удобрение не требует никаких дополнительных затрат на обогащение или переработку: бери его сразу же из карьера и рассыпай на поля. Оно нейтрализует кислые почвы и улучшает структуру их.

Агглюмерит довольно широко распространена на Урале. Каждый отряд следопытов может найти ее и оказать большую помощь колхозам своего района. Залегает она обычно в пониженных или в заболоченных участках, покрытых ярко-зеленой травой. Если под растительно-торфяным слоем вы найдете белую или серую рыхлую мушкетерскую мас-

су, вскипающую под действием 10-процентной соляной кислоты, — это и есть агглюмерит.

Много ценных находок у учащихся Карпинской средней школы № 2. Вместе с директором Шумковым А. С. они обнаружили проявления магнетита, гематита, кварца прозрачного, медного оруденения, платины и золота. А ивдельчане из средней школы № 1 нашли в районе Нового Вишай, на Северном Урале, богатое медное оруденение. Здесь же пройдены шурфы и отобраны пробы. Химические анализы показали очень высокое содержание меди.

Отряд следопытов из Североуральска был в походе по маршруту Североуральск — Кутим — Денежкин Камень — Желтая Сопка. Ребята обнаружили образцы, которые сначала приняли за цинковую обманку. Только позднее геолог Североуральской экспедиции Ю. М. Родченко, осматривая собранную отрядом коллекцию, определил, что это хромит. На место открытия выехали геологи и нашли целое рудное поле.

Первооткрывателем может быть каждый, нужно только быть внимательным и наблюдательным человеком. На старых рудниках, копях, в шахтах, шурфах надо стараться тщательно осматривать стенки, рыться в отвалах, траншеях и канавах, проходивших при строительстве домов, газопровода и водопровода.

Уральское Геологическое управление приглашает всех следопытов включиться во Всесоюзную экспедицию и предлагает получить заранее задания и маршруты на поиски полезных ископаемых.

Е. СЕРЕБРЕННИКОВА

Следопытский гектар

Муравьи-садоводы

Несколько лет назад я часто бывал в смешанных лесах Северного Приуралья. Сколько здесь ягод и грибов! Небольшие полянки, покрытые малиной, смородиной, шиповником. И чуть ли не на каждой — огромный муравейник высотой в метр, а то и больше, диаметром у основания в полтора-два метра.

Трудно было не остановиться у муравьиного гнезда и, забывая о грибах и ягодах, не понаблюдать за его своеобразной жизнью.

Но удивляли меня не столько сами муравейники (немало я встречал их и в других местах), сколько то, что многие из них вплотную окружены густыми зарослями шиповника или малины. Кусты ягодников по сравнению с теми, что росли вдалеке от муравьиных куч, были примерно раза в два выше, значительно гуще и зеленее. Они создавали сплошные кольцеобразные заслоны. И самое главное — урожай ягод на них был гораздо

больше, а сами ягоды в полтора-два раза крупнее, сочнее, слаще и ароматнее!

Меня очень заинтересовали ягодные «муравьиные сады», как будто специально выращенные рыжими лесными муравьями (ученые-энтомологи назвали их «Формика руфа») вокруг своего жилища.

В литературе я стал искать объяснение необычайному ботанико-зоологическому явлению.

Оказалось, что благотворное влияние муравьев на растительность замечено давно.

Еще в 1836 году один из первых русских ученых-лесоводов Петр Перелыгин писал в книге «Лесоохранение или правила сбережения растущих лесов»:

«Первые неприятели личинок насекомых есть муравьи. Они неустанно преследуют всякого рода личинок на дереве, у корня коего находится муравьиная куча... Оттого посреди поврежденного какого-либо места леса подобные (близко к муравейнику расположенные) деревья остаются свежими и зелеными».

Наблюдения Петра Перелыгина со временем забылись, и благотворное влияние северных муравьев на жизнь леса долго не получало надлежащей оценки.

Только в наше время эти скромные безотказные работники получили признание. Свидетельст-

вом такого «делового сотрудничества» человека с муравьями служит, например, заметка, опубликованная в газетах в 1962 году:

«ДВАДЦАТЬ БОЧЕК МУРАВЬЕВ

В округ Кемпен, Германской Демократической Республики, прошлым летом поступил необычный груз. Двадцать бочек рыжих лесных муравьев были переселены из соседнего округа. Несколько лет назад лесной пожар, случившийся в Кемпене, погубил муравейники. А рыжие муравьи — активные обитатели леса, оказывающие на его жизнь большое влияние: они разрыхляют почву, уничтожают вредителей — гусениц, древоточцев, короедов, «подчищают» органические остатки. Муравьи-путешественники прекрасно прижились на новом месте.

Но исчерпывающие сведения о заслугах муравьев я нашел только в недавно изданной книге замечательного мастера советской научно-художественной литературы, ученого-энтомолога И. А. Халифмана «Муравьи». Каждый, кто прочтет эту увлекательную книгу, узнает много интересного!

Оказывается, муравьиная семья всюду тесно связана с окружающим ее растительным и животным миром. Как активные защитники растительности от насекомых-вредителей, особенно замечательны наши северные Формики руфа! Вот одно из наблюдений мирмекологов (так называют ученых, специально изучающих муравьев; от греческого слова «мирмек» — муравей): только за один день муравьи одного средней величины гнезда уничтожили 4500 гусениц соснового пилильщика, 3500 гусениц сосновой совки, 500 куколок и 7200 гусениц дубовой листовертки. Сильное гнездо лесных муравьев-«охотников» уничтожает более 100 насекомых в минуту, или около 100 тысяч за сутки. За весь летний сезон они доставляют в муравейник до 5—8 миллионов вредителей! Обитатели одного муравейника охотятся на площади примерно 0,2—0,5 гектара. Гнездо муравьев за лето избавляет каждое дерево своей зоны от более чем 500 вредных насекомых!

Кроме того, муравьи измельчают грунт, открывают в него доступ воздуху, удобряют землю органическими веществами — формируют, таким образом, почву. А удаляя с растений сладкие выделения тлей, муравьи оберегают деревья и кустарники от заражения вреднейшими сажистыми грибами.

Вот какова многогранная деятельность муравьев в наших лесах! Вот почему вокруг муравейников особенно сильно и плодотворно развиваются «ягодные сады». Естественно, что, чем ближе растение к гнезду, тем большее внимание ему оказывают муравьи-«садовники», тем более плодородна здесь почва, тем более защищены ягодники от насекомых-вредителей и паразитических грибов.

Нередко многие разоряют муравейники то ради личинок — муравьиных яиц, то случайно при лесных разработках, а то и просто из озорства и пустого любопытства. Муравьиные гнезда надо не только не разрушать, а специально охранять, защищать и размножать. Если переселить муравьев из леса в сад, то и садовые деревья и ягодники будут защищены от вредных насекомых. А как это делается, как «приручают» и «одомашнивают» муравьев, можно узнать из книги И. Халифмана. Она должна быть на книжной полке каждого следопыта, каждого краеведа — активного защитника родной природы.

К. КОСТРИН

Следопытские дела

«ОГОНЕК» ирбитчан

Старшеклассники 13-й школы города Ирбита, Свердловской области, в 1962 году организовали клуб «Огонек». Девизом его стали слова известного тульского поэта Назыма Хикмета:

И если я гореть не буду,
И если ты гореть не будешь,
И если мы гореть не будем,
То кто ж тогда рассеет тьму?!

Вспоминается первое заседание. На нем особенно интересным было выступление пенсионера товарища Кореца, который встречался с Львом Николаевичем Толстым.

«Огонек» быстро стал популярным. Ребята считали большой честью вступить в члены клуба.

На третьем заседании мы вручали членские билеты, приняли текст нашей программы. Каждый вступающий обещал: «Буду стремиться больше увидеть и больше узнать, буду гореть и зажигать других в любом деле, буду преданным другом труда, музыки, живописи, литературы, поэзии. Все сделаю для того, чтобы огонек не погас».

На этой же встрече писатель Н. А. Кожевников читал нам главы из своего нового романа «Мой класс».

«Огонек» завязал большую переписку. Другом его до последних дней своей жизни был Назым Хикмет. Еще раньше он писал учащимся нашей школы и посвятил им две свои замечательные сказки, напечатанные в «Уральском следопыте» № 9 за 1960 год. А вот письма, присланные нам.

«Дорогие друзья!

Из вашего письма я узнал, что вы читаете мои книги и они вам очень нравятся.

Мне было очень приятно узнать это. Я сейчас очень тяжело болен и не могу много писать, а если бы мог, то написал

бы вам очень длинное и очень подробное письмо.

От всего сердца желаю успехов в ученье, в труде, в вашей молодой жизни.

Читайте побольше. Книга всегда и во всем поможет вам.

Очень хочу встретиться с вами, обнять вас. Надеюсь, когда-нибудь встретимся.

С коммунистическим приветом
ваш Назым Хикмет.

«Москва, 7 марта 1963 года.

Дорогие мои ребята!

Я получил ваши письма ко мне. Спасибо вам. Вот только не смог вам сразу на них ответить, потому что долго был в отъезде.

Спасибо вам, что приняли меня в ваш клуб «Огонек».

Получив клубный билет, я стал полноценным членом вашего клуба и очень этим горжусь.

Постараюсь быть достойным вас.

Назым Хикмет.

Назым Хикмет стал почетным членом «Огонька». Номер его членского билета — 19.

В почетные члены клуба зачислены и космонавты.

Интересно проходят огоньковские вечера. Здесь нет места скуке. Народ у нас любознательный, дружный. На одном заседании обсуждаются новости науки и техники, а на другом — звенит чудесный голос Робертино Лоретти, декламируются новые стихи.

В зимние каникулы «Огонек» выезжал в Свердловск для участия в областном литературном конкурсе. Нас наградили Почетной грамотой.

Неплохо прошел у нас большой музыкальный вечер. Ребята рассказывали о любимых композиторах, слушали записанный концерт по заявкам. А потом в члены клуба был принят весь одиннадцатый класс.

«Огонек» наш все растет и растет, и мы с особой благодарностью вспоминаем бывшего директора школы Нину Исааковну Черепанову. Это она создала клуб в Ирбите. Это она зажгла новый «Огонек» в Новосибирской школе № 47.

Не знаю, будут ли наши дела пропуском для участия в III Уральском слете следопытов? Но летом мы все-таки попробуем заслужить это право.

Александр СОЛОВЬЕВ,
ученик 11-го класса.

Тезки на карте Урала

В «Уральском следопыте» № 6 за 1960 год мы рассказали об уральских городах и поселках, реках и урочищах с одинаковыми названиями. Связаны они с какими-то характерными признаками места, времени, языка, историей заселения. Сегодня мы знакомим с другими именами-тезками на карте нашего края.

Парма — по-коми хвойный лес, тайга. Не от этого ли слова пошло название города Пермь? На западном склоне Урала есть несколько деревень Парма.

Между прочим, это название носит город в Северной Италии, провинции бывшего самостоятельного герцогства Парма. Пармой же назывался щит у римского воина.

Здесь, вероятно, лишь обыкновенное созвучие. Такое же созвучие есть и в других географических названиях. Нил — река в Объединенной Арабской Республике. А название Нил Камский носит приток Камы, протекающей по Удмуртии. Или Сива — оазис в Ливийской пустыне. В Верещагинском районе, Пермской области, есть село Сива и реки Малая Сива, Большая Сива и просто Сива.

Нередко маленькие бедные деревеньки в дватри дома на Урале иронически называли именами больших городов, а потом это насмешливое имя так и оставалось за ними. Так возникли на Урале тезки Москвы, Петрограда, Киева, Уфы. Например, в Пермской области, в Ильинском районе, есть деревня Москва. Два больших населенных пункта Московский — в Челябинской области. В Пермской же области расположены тезка столицы Украины — деревня Киев и деревня Уфа. На западной окраине города Перми находится поселок Новый Крым.

Казань — столица автономной Татарской республики. В переводе на русский язык казан — котел. Значит, это — местность, расположенная в котловине. Отсюда схожесть географических названий на карте.

Так, в Кунгурском районе, Пермской области, есть деревня Казань, а в тридцати километрах от города Оханска — деревня Казанка. В Верещагинском районе — Казанцево.

В Свердловской области расположена деревня Казанская в Сухоложском районе и Казанский рудник — в Серовском. Хребет Казань-Салгат находится на границе Башкирии и Челябинской области. Местность, на которой стоит город Уфа, раньше называлась Казан-Тау. Село Казанское есть и в Тюменской области.

А. ШАРЦ

ПОДВИГ ПЕРВЫХ

Тридцать лет назад, 16 апреля 1934 года, в нашей стране было учреждено звание Героя Советского Союза. Люди старшего поколения хорошо помнят волнующие события, разыгравшиеся в Арктике ранней весной того года, в которых ярко проявились замечательные качества советского человека, человека, воспитанного новым, социалистическим строем.

Мы попросили старейшего полярного летчика писателя Михаила Васильевича Водопьянова рассказать об этом нашим читателям. Он один из тех, кто в числе первых был удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

Из Атлантического в Тихий

Уже издавна мореходы разных стран пробовали пройти из Атлантического океана в Тихий Великим Северным путем. И лишь в XIX веке такая попытка удалась.

Молодой шведский ученый Адольф Норденшельд, финансируемый русскими промышленниками А. Сибиряковым и М. Сидоровым, в 1879 году отправился в экспедицию на паровой шхуне «Вега». Ему пришлось зазимовать на самом пороге Тихого океана, и только летом следующего года шхуна вошла в Берингов пролив.

После Норденшельда Северный путь посчастливилось преодолеть еще несколькими экспедициями. Но каждый раз на это требовалось две, а то, как Амундсену, и три навигации.

Новая, подлинная история Северного пути начинается после Октябрьской революции.

Советские полярники решили показать всему миру, что Северный морской путь проходим в одну навигацию и может быть использован для регулярных рейсов.

На чем была основана эта вера в успех?

Прежде всего советские полярники имели в своем распоряжении могучую технику. Она являлась тем волшебным ключом, при помощи которого открывались двери в самые недоступные районы земного шара. Но дело не только в технике. Главное состояло в том, что вместо соперничавших друг с другом одиночек на дальний Север отправлялись сплоченные коллективы энтузиастов, поддерживаемые правительством и всем народом. Ведь успешное решение задачи делало морскую трассу на Восток более чем в два раза короче по сравнению с существовавшей (вокруг Африки).

28 июля 1932 года из Архангельска в свой исторический рейс отправился пароход ледокольного типа «Сибиряков» под командой капитана Воронина.

Экспедицию возглавлял неутомимый исследователь Арктики коммунист, профессор математики, а позднее академик и Герой Советского Союза Отто Юльевич Шмидт.

И вот 1 октября 1932 года была претворена в жизнь мечта, которая владела мореплавателями в течение четырех столетий: северо-восточная водная трасса была пройдена в одну навигацию, без зимовки.

Вскоре после возвращения сибиряковцев в Москву Совет Народных Комиссаров принял решение о создании специальной государственной организации, призванной планомерно осваивать Арктику,—Главного Управления Северного морского пути.

Начальником Главсевморпути был назначен профессор Шмидт. Ему было поручено возглавить новую арктическую экспедицию.

К дальнему походу по следам ледокола «Сибиряков» готовился пароход «Челюскин».

Недавно построенный в Дании, он мало чем отличался от простого коммерческого судна, и его рейс рассматривался как «пробный шар» на новой трассе.

10 августа 1933 года широкий приземистый корабль под звуки оркестров и прощальные крики провожающих миновал маяк Мурманской бухты и вышел в Баренцево море—первое на пути к заветной цели. На капитанском мостике стояли рядом Воронин—в парадной морской форме и Шмидт—в простой кепке и куртке.

Море было пустынно. Лишь изредка, рассекая воду, показывались касатки. Тишина нарушалась всплесками легкой волны, разбивающейся о борта, да мерным стуком машины.

— Скоро маленько качнет,—прервал молчание Воронин.

— Откуда вы взяли?—оглядывая горизонт, откликнулся Шмидт.

— Если небо красно с вечера,
Моряку бояться нечего.
Если ж красно поутру,
Моряку не по нутру,

— ответил стихами Владимир Иванович.

«Качнуло» очень скоро. Небо и вода стали свинцовыми, налетели шквальные порывы северного ветра. Перед носом корабля выросли пенные горы. «Челюскин» с тяжелым стоном то вставал на дыбы, то зарывался носом в воду. Волны перекатывались через палубу.

Воронин в желтом непромокаемом плаще не покидал капитанского мостика и чутко следил за кораблем. Поведение судна на открытой воде внушало серьезные опасения за его выносливость при встрече со льдами. Вскоре эти опасения подтвердились.

В схватках со льдами

Быстро надвигалась полярная зима. Полыньи между многолетними ледяными полями затягивало молодым упругим льдом. Все чаще налетали штормы и яростно набрасывались на корабль.

В штормовую погоду «Челюскин» прошел море Лаптевых и Восточно-Сибирское. С парохода был виден остров Врангеля, но дорогу к нему преградил старый, спрессованный ветрами лед. Высадить зимовщиков оказалось невозможно.

Но самые тяжелые испытания выпали на долю челюскинцев в Чукотском море. Из-за сплошных льдов идти своим ходом становилось все труднее, а вскоре корабль оказался в глущом ледовом плену.

Известный полярный летчик Бабушкин, находившийся с экспедицией, вылетел на самолете-амфибии в разведку и обнаружил, что всего в пятнадцати милях впереди была чистая вода.

Команда, выбиваясь из сил, взрывала лед, пытаясь проложить дорогу, но все усилия оказались напрасными. Внезапно налетел ураган и стремительно погнал огромное ледяное поле

вместе с «Челюскиным» обратно в Чукотское море.

Каждый человек на корабле знал, что ему делать в случае ледяной тревоги. Продовольствие, теплая одежда, палатки, спальные мешки — все было готово для быстрой выгрузки.

Днем и ночью слышался грохот сталкивающихся ледяных глыб.

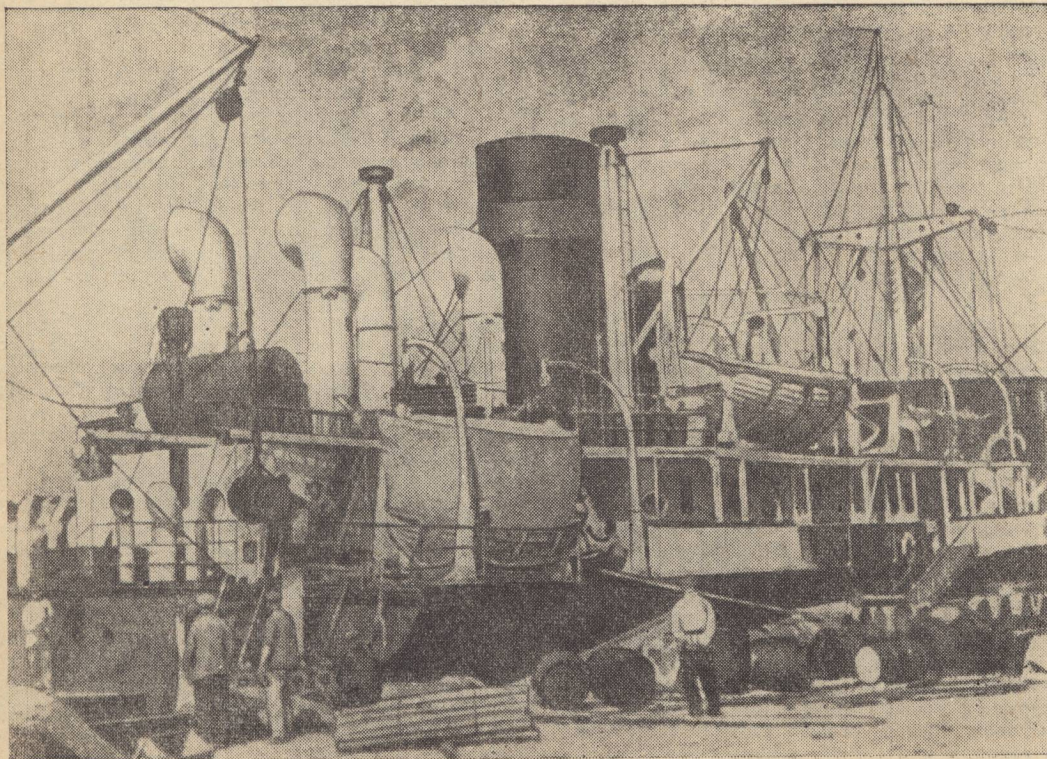
Так прошли ноябрь, декабрь и январь.

Уже кончалась долгая полярная ночь, стало проглядывать солнце. А льды все шли приступом на корабль.

Катастрофа

13 февраля Арктика, казалось, обрушила на беззащитное судно всю свою ярость.

Ранним утром продрогшие челюскинцы (уголь берегли в ожидании, что корабль вынесет на чистую воду) были разбужены страшным грохотом. За три с половиной месяца петляния по Чукотскому морю они успели привыкнуть к глухим ударам и скрежету, но такое было впервые. Слово над ухом раздался залп в сто орудий. За ним другой, третий... Корпус корабля содрогался от толчков. В сером мраке люди видели, как вокруг бушевала ледяная стихия. Вот поднялся огромный, высотой с трехэтажный дом, ледяной вал и обрушился на пароход. Судно накренилось, тревожно завывала сирена. Каждый стал на свое место. Началась выгрузка аварийных запасов. Начальник экспедиции и капитан корабля стояли у трапа и отдава-

«Челюскин» готовится к походу.

Во льдах.

ли распоряжения. На лед спускались ящики, бочки, тюки. Стихия не унималась. Под напором льда металлический корпус лопнул, как скорлупа ореха. Вода хлынула в машинное отделение. Послышались команды:

— Рубите канаты! Все на лед!

Последним, как и полагается, тонущий корабль покинул капитан. Но один человек замешкался на верхней палубе. Это был завхоз комсомолец Борис Могилович. Он пытался захватить еще что-то нужное. Ему кричали со льдины:

— Прыгай скорее!

Но покотившиеся бочки с бензином сшибли его с ног. И в ту же секунду высоко поднялась корма парохода, показались руль и винт. Все заволочло густой завесой из водяных брызг, снега и пара. Когда завеса рассеялась, «Челюскин» уже не было. Шмидт достал из кармана список участников экспедиции.

— Агапитов!

— Я!

— Апокин!

— Здесь!

— Могилович!

Никто не отозвался.

— Юганов!

— Я!

Налицо было сто четыре человека, в том числе несколько детей.

Начался короткий митинг. Отто Юльевич сказал, что Советское правительство знает о катастрофе. «Челюскин» держал связь с Большой Землей до последней минуты. Помощь придет обязательно. А теперь — за работу!

Разбили палатки, установили радиомачту. Под напором ветра она сгибалась, как тростинка.

Вырастали штабеля из ящиков, бочек. Люди работали самоотверженно.

Радист Эрнест Кренкель, приготовившись к передаче первой радиогаммы, на мгновение задумался. «Какой указать адрес?» Потом тряхнул головой и отстучал: «Лагерь Шмидта».

Так родилось название, которое два месяца не сходило с уст у людей всего мира.

Самолет отправляется поездом

Советское правительство немедленно создало комиссию по спасению пленников Чукотского моря. Возглавил ее Заместитель Председателя Совнаркома Валериан Владимирович Куйбышев.

На помощь потерпевшим катастрофу отправлялись два ледокола. Но когда они доберутся до цели через моря и океаны? К тому времени льдина, на которую высадились челюскинцы, может растаять под лучами летнего солнца!

Все попытки достичь лагеря на оленях и собаках оказались безуспешными. Оставались самолеты.

Многие специалисты — отечественные и зарубежные — считали тогда, что воздушная экспедиция — предприятие безнадежное. Самолеты, говорили они, не доберутся до Чукотки по неизведанным маршрутам, а если и доберутся, то не смогут сесть на неровный торосистый лед полярного моря.

Теперь нашим воздушным кораблям требуется менее суток на преодоление расстояния до Северного полюса. Они летают в любую погоду, днем и ночью. А тридцать лет назад самолет был очень редким гостем в Арктике. Тогда наши машины не имели даже теплых кабин. Летчик, отправляясь в полет, так закутывался в меха, что становился похожим на медведя. Да и полеты совершались только в хорошую, солнечную погоду, так как у пилотов не было радиостанции и приборов, позволяющих ориентироваться в любых условиях.

И все же было решено спасать челюскинцев с помощью самолетов.

Из Владивостока на Чукотку на пароходе «Смоленск», временно приспособленном для взлета самолетов, было отправлено пять военных машин под командой Николая Каманина. Опытные летчики, много летавшие на Севере, — Маврикий Слепнев и Сигизмунд Леваневский выехали в США, чтобы приобрести там самолеты и вылететь из Аляски на Чукотку. Я «полетел» поездом.

Комиссия и ее председатель буквально осаждались желающими принять участие в спасательной экспедиции — рабочими, служащими, журналистами, студентами, моряками и особенно летчиками.

В те дни, когда «Челюскин» мужественно боролся со стихией в Чукотском море, я тщательно готовился к дальнему перелету Москва — Камчатка. Естественно, узнав о бедствии челюскинцев, тут же обратился в правительственную комиссию с просьбой включить меня в спасательную экспедицию.

Меня вызвали в Кремль. Принимал сам председатель комиссии.

— Давайте посмотрим, какой вы наметили маршрут, — сказал Валериан Владимирович.

Мы подошли к большой карте, висевшей на стене. Я изложил свой план и добавил, что готов сейчас же отправиться на аэродром и лететь.

— Нет, — сказал Валериан Владимирович, — вы от Москвы до Хабаровска будете добираться

поездом. Самолет разберете и погрузите на платформу.

«Как же так? — думал я. — Люди томятся в ледовом плену, ежечасно ждут помощи, а я, летчик, полплетусь поездом».

Куйбышев будто прочитал мои мысли.

— А вы не прикинули, каким путем скорее достигнете цели? Сейчас зима, дни короткие. При полете на восток день еще сократится. За сутки практически можно осилить не более одного участка. А их примерно десять. Поезд же до Хабаровска идет неполных девять суток.

— Я готов лететь день и ночь.

— Ну, этого мы вам не разрешим. Надо разумно торопиться. Арктика не прощает оплошностей.

И вот в хвост пассажирского поезда, отходившего от Ярославского вокзала в Москве, прицепили товарную платформу. На нее был погружен тщательно закрытый брезентом мой разобранный самолет. А в купе вагона разместились бортмеханик и я.

Первый крылатый гость

Ближе всех к лагерю челюскинцев оказался летчик Анатолий Ляпидевский. Его большой двухмоторный самолет АНТ-4 приземлился в Уэлене — полярном поселке на Чукотке. В те-

чение нескольких дней отправиться к лагерю не давала свирепая буря. Но в первый же светлый день Ляпидевский поднялся в небо. Семь часов летел он над морем, однако лагеря нигде не было видно. Внезапно началась пурга, и пришлось повернуть обратно.

5 марта Кренкель принял радиограмму о новом вылете Ляпидевского. Челюскинцы зажгли сигнальные костры.

Наконец отважные полярники увидели в небе первый советский самолет, прилетевший на помощь. Посадка на льдине была удачной.

Первой Ляпидевского встретила «аэродромная» команда.

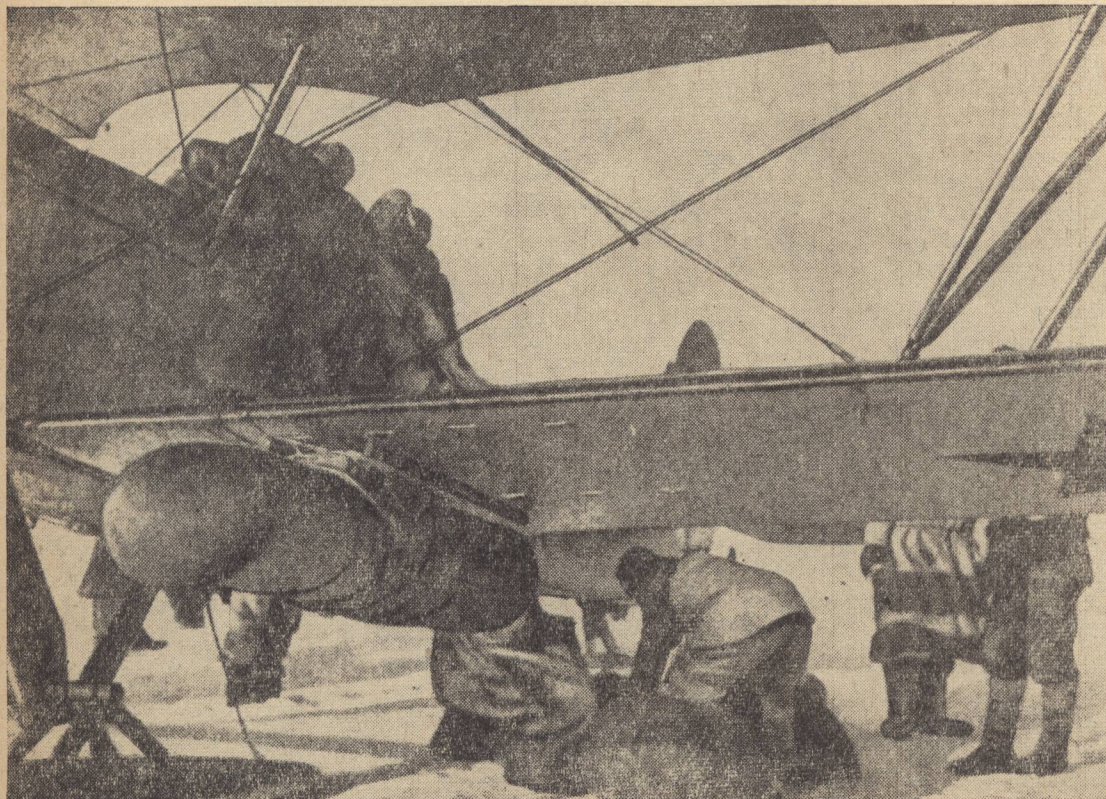
— А где же все остальные? — недоуменно спросил летчик.

— Сейчас придут. Между лагерем и летной площадкой образовалась трещина, и они переправляются на шлюпке.

Пока выгружали продукты и инструменты, появились остальные челюскинцы. В воздух полетели шапки, раздались радостные крики: «Да здравствует красная авиация!», «Да здравствует первый самолет на льдине!». Все бросились обнимать бортмеханика и штурмана.

Времени терять было нельзя. Началась погрузка в самолет первой партии — женщин и детей.

Ляпидевский доставил на Большую Землю всех женщин и детей, но через несколько дней его самолет потерпел аварию и сел неподалеку от стойбища чукчей.

Летчик В. Молоков ухитрялся перевозить челюскинцев даже в парашютных футлярах,

Долго о судьбе летчика ничего не было известно, и многие считали его погибшим. Экипаж был случайно обнаружен в тайге уже после спасения челюскинцев.

За работой спасательной экспедиции следила вся страна. Советские люди, словно боевую линию, отмечали флажками на карте путь восемнадцати самолетов, которые через ледяную пургу и непроницаемые туманы настойчиво пробивались к челюскинцам. Только семи из них удалось достигнуть цели.

„Синяя двойка“

Самолет Р-5 полярного летчика Молокова был синего цвета, с белой цифрой «два» на фюзеляже. Его так и называли: «Синяя двойка». Всегда невозмутимый, немногословный и на редкость скромный, Василий Молоков летал с 1919 года. Перейдя из Красной Армии в гражданскую авиацию, он много работал на Лене, в Карском море, на Сибирских ночных линиях.

Предусмотрительный летчик, отправляясь в путь, взял с собой запасной винт, лыжу для машины, паяльную лампу, примус и продукты на целых полтора месяца.

От мыса Олюторского, куда пароход «Смоленск» доставил самолеты, до лагеря Шмидта — 2500 километров. Чтобы пролететь это рас-

стояние, «Синей двойке» понадобилось 17 суток.

На пути лежал Анадырский хребет — цепь гор, через которые еще никто не летал. Даже высота их не была точно известна. Заштрихованные на карте, эти горы выглядели мирными, спокойными.

Молоков решил лететь через хребет. На пути его встретил туман, потом началась пурга. Долго «Синяя двойка» вела единоборство, но вынуждена была отступить. Пришлось обходить Анадырь стороной, а это удлинило путь вдвое.

7 апреля Молоков пробился к лагерю. В этот же день сюда прилетели Слепнев и Каманин. Так открылась «регулярная авиалиния» Лагерь Шмидта — Ванкарем (поселок на Чукотке).

Молоков ухитрился вывезти из лагеря больше всех людей — тридцать девять человек! Как это ему удалось?

Самолет Р-5 рассчитан на двух человек. Но «Синяя двойка» перевозила сразу по шесть пассажиров: четырех человек втискивали в одноместную кабину штурмана, а двух — в фанерные футляры для грузовых парашютов. Эти цилиндрические футляры крепились веревками под крыльями самолета. Смелые челюскинцы чувствовали себя в них настолько сносно, что некоторые во время полета даже распевали веселые песни.

На Красной площади. Первый справа — О. Ю. Шмидт, третий — В. И. Воронин.

Первые Герои Советского Союза. Слева направо: Н. Каманин, М. Слепнев, И. Доронин, В. Молоков, М. Водопьянов, С. Леваневский, А. Ляпидевский.

Намеченная очередность эвакуации челюскинцев строго выполнялась и была нарушена только один раз. Заболевший воспалением легких Отто Юльевич Шмидт улетел не сто четвертым, как он хотел, а семьдесят шестым. По приказу из Москвы Маврикий Слепнев доставил его в ближайшую больницу. В то время это была больница на чужом берегу — в Номе, на Аляске.

Заключительная радиограмма

Когда я со своим самолетом добрался по железной дороге до Хабаровска, там уже ждали меня «сибиряки» — старый пилот, герой гражданской войны Виктор Галышев и бывалый летчик Иван Доронин. Оба они тогда работали на трассе Иркутск—Якутск. На Север молодой еще летчик Доронин попал с Черного моря, где нес воздушную службу на флоте. Сменив жару субтропиков на арктические морозы, он быстро освоился на новом месте и стал летать над «полюсом холода» — Верхоянским хребтом, где температура падает до 70 градусов ниже нуля.

Наш путь к челюскинцам был долгим и трудным. Во время полета у Галышева вышел из строя мотор, и он отстал от нас. После многочисленных вынужденных посадок и блужданий я и Доронин привели, наконец, свои машины в Ванкарем. Особенно тяжелым был путь от Охотска до бухты Ногаево. Летели мы на высоте две тысячи метров. Как нас качало! Смотришь на высотомер — две тысячи метров,

и вдруг мгновенный провал, и прибор показывает тысячу семьсот. Шестьсот пятьдесят километров пришлось преодолевать шесть часов, тогда как в обычных условиях это расстояние можно было покрыть за три часа с небольшим. В Ногаево мы узнали, что в Японии тайфун разрушил целый город и потопил несколько пароходов. Он-то и захватил нас своим крылом.

Через Анадырский хребет я перемахнул с первой же попытки. Самолет вел на большой высоте, над морем облаков. Над ними поднимались острые вершины гор — то черные, голые, то покрытые сверкающим снегом. Несмотря на то, что от Хабаровска до Чукотского моря я пролетел больше пяти тысяч километров, они не запомнились мне так, как короткий отрезок в сто пятьдесят километров — от Чукотского побережья до лагеря на льдине. От края до края горизонта я видел только бело-синюю равнину, нагромождения льдов да редкие разводы с темной водой. Набегали клочья тумана. Я внимательно смотрел вперед. От сильного напряжения уставали и слезились глаза. Несколько раз поднимавшийся от полыньи пар я принимал за дым сигнального костра, а тени от одиноких ледяных ропаков — за жилища и фигуры людей. Но вот показался столб густого черного дыма. Между ледяными глыбами виднелись крохотные палатки. На вышке развевался красный советский флаг.

Через несколько минут я посадил самолет и, весело крикнув «Кто следующий? Прошу садиться!», бросился обнимать челюскинцев.

На следующее утро самолеты Молокова, Каманина и мой снова были в ледовом лагере. Последними покидали льдины шестеро. Среди них находились капитан Воронин, уходивший,

согласно традиции, последним, и радист Кренкель. Прежде чем покинуть лагерь, Кренкель послал в эфир радиограмму: «К передаче ничего не имею, действия радиостанции прекращаю».

В этот рейс уходили с нами и восемь кудлатых псов, разделивших с людьми все трудности ледового плена.

Красный флаг, укрепленный на мачте, гордо реял над льдиной, медленно кружившей в Чукотском море.

Спасение челюскинцев из ледового плена закончилось. Это произошло 13 апреля 1934 года, ровно через два месяца после гибели корабля.

Дорога цветов

Челюскинская эпопея вошла в историю как непревзойденный образец мужества, героизма, дисциплинированности и коллективной сплоченности советских людей, находившихся на краю гибели.

Лагерь Шмидта как бы аккумулировал в себе качества новых общественных отношений, сложившихся в Советской стране в результате строительства социализма. На смену индивидуалисту, эгоисту, одиночке пришел советский гражданин, воспитанный Коммунистической партией, и своими поступками возвестил всему миру о новой морали.

Вскоре на Чукотке была принята правительственная телеграмма. В ней сообщалось, что 16 апреля за совершение геройского подвига постановлением ЦИК СССР устанавливалась высшая степень отличия — звание Героя Советского Союза. Первыми Героями стали семь летчиков, участвовавших в спасении челюскинцев, — А. Ляпидевский, С. Леваневский, В. Молоков, Н. Каманин, М. Слепнев, М. Водопьянов, И. Доронин.

Все челюскинцы были награждены орденами Красной Звезды.

Наши сердца наполнились величайшей радостью и гордостью. Мы не знали, как выразить благодарность Коммунистической партии, советскому народу, и были готовы выполнить любое новое задание.

Когда наш пароход входил во Владивостокскую бухту, на палубу неожиданно посыпались душистые ландыши. Их сбрасывали с самолетов. Так началась «дорога цветов», как один из товарищей назвал наш путь в столицу.

От Владивостока до Москвы по железной дороге тогда было сто шестьдесят остановок. На каждой из них проходил митинг. Днем и ночью люди нетерпеливо ожидали нас с цветами, музыкой, подарками. Пришлось установить специальную вахту встреч. Дежурили два челюскинца и один летчик — Герой Советского Союза.

Вагоны специального скорого поезда, который на самом деле шел чрезвычайно медленно, были заполнены подарками. Нам подносили цветы, альбомы, вышивки, рисунки, модели, игрушки. Но больше всего было тортов. Были торты-самолеты, торты-корабли, торты-портреты, торты-льдины. Их хватило бы на всех челюскинцев не менее чем на целый год!

Я никогда не забуду, как на одном маленьком полустанке, где поезд не остановился, но шел тихо, рядом с вагоном бежала старушка. В руках она держала узелок и кричала:

— Детки, что же вы не остановились? А я вас ждала, я вам пирожков напекла!..

...По нарядным улицам Москвы, мимо тысяч улыбающихся лиц, приветственно машущих рук, в машинах, обвитых гирляндами цветов, челюскинцы ехали на Красную площадь. Здесь состоялся грандиозный митинг и парад войск.

Страна героев

Тридцать лет назад в нашей стране было семь Героев Советского Союза. К концу 1934 года их стало восемь. Звание Героя Советского Союза было присвоено выдающемуся летчику, ныне генерал-полковнику авиации в запасе М. Грому, завоевавшему для нашей страны не один мировой рекорд. Затем Героями стали В. Чкалов, Г. Байдуков, А. Беляков, В. Коккинаки, О. Шмидт, И. Папанин, Э. Кренкель. Грамоты о присвоении высокого звания были вручены в Кремле бесстрашным женщинам-летчицам — П. Осипенко, М. Расковой, В. Гризодубовой.

Наши люди совершали подвиги во льдах Арктики и на пограничных заставах, в стратосфере и в районе озера Хасан, в Испании, где шла первая кровавая схватка с фашизмом, и в Великой Отечественной войне.

Уже 10 июля 1941 года в газетах был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза воинам, отличившимся в первых боях с гитлеровцами. Это были младшие лейтенанты С. Здоровцев, М. Жуков и П. Харитонов. Здоровцев преследовал на истребителе бомбардировщик «юнкерс». Когда иссякли снаряды, молодой летчик врезался стальным винтом в хвост вражеской машины. «Юнкерс» упал на землю.

Каждый день Отечественной войны приносил вести о великих подвигах советских воинов. Николай Гастелло, Александр Матросов, Юрий Смирнов, Яков Павлов, летчики Алексей Маресьев и Захар Сорокин, партизанский вожак Сидор Ковпак и шестнадцатилетний партизан Володя Куриленко — тысячи и тысячи героев вписали золотые страницы в боевую летопись нашего народа. Их имена стали символом мужества и отваги, непреклонной воли и бесстрашия.

Прислушиваясь к грому сражений, доносившемуся с фронта, простые люди мира пытались разгадать «тайну» массового героизма советских людей. Горячий патриотизм, пламенная любовь к Родине, беззаветная преданность народу и Коммунистической партии, верность военной присяге, мастерство и умение — вот что лежит в основе их замечательных подвигов.

Право носить на груди Золотую Звезду у нас получили около двенадцати тысяч человек, из них около ста женщин. Свыше ста граждан СССР удостоены звания дважды Героя Советского Союза. Два воина Советских Вооруженных Сил — ныне генералы А. Покрышкин и И. Кожедуб — стали трижды Героями Советского Союза.

Новую страницу мировой истории открыли наши славные соотечественники — летчики-космонавты Герои Советского Союза Юрий Гагарин, Герман Титов, Андриан Николаев, Павел Попович, Валерий Быковский, Валентина Николаева-Терешкова.

Мы живем в героическое время. Наша страна — поистине страна героев. Подвиг в Советском Союзе стал уделом миллионов, нормой поведения людей, замечательной чертой их характера.

У САМОГО КАРСКОГО МОРЯ...

Виталий ЧЕМЛЯКОВ

Есть у Арктики, матери наших северных морей, нелюбимый пасынок — Карское море. С давних-давних времен самые знаменитые исследователи этого края словно соревновались в том, какое бы этому морю прозвище выбрать пообиднее: «Ледяной погреб», «Мешок со льдом»... Карское море и впрямь одно из «трудных» морей мира.

На карте Арктики Обская губа — крупнейший залив Карского моря — выглядит драгоценной сапфировой серьгой. Самая вкусная рыба, самые дорогие меха — вот что идет отсюда. Наконец, не где-нибудь, а в Карском бассейне Урал «ногою твердой встал у моря»: здесь его морские порты.

Людям этого сурового края и посвящены очерки свердловского журналиста Виталия Чемлякова.

Хозяин бара

Каждое утро Александр Романович Ласточкин подходит к умывальнику. Умывальник — большая консервная банка, ловко пристроенная у входных дверей, — кланяется уточкой своему хозяину и легонько погромыхивает: доброе утро,

доброе утро. Он знает, этот веселый умывальник, что утро у Александра Романовича может быть и ночью, и даже днем. Ведь в вахтенный журнал, что всегда раскрыт у окна на самодельном столике, надо каждый час вносить уровень воды на баре.

И вот, когда уж сон становится назойливее комара, Александр Романович про-

гоняет его холодной водой из умывальника.

Должность Ласточкина — старшина водомерного поста. Живет он в старом домике на сваях. Кругом тундра. А вода — вот она, рядом, в каких-то десяти метрах, словно верный пес, погромыхивает цепью привязанного к свае моторного баркаса.

Зачем на узком кинжале материка, атакуемого водой, обосновался этот человек? Когда у него спрашивают, далеко ли до Большой Земли, он неторопливо подыскивает не очень обидную для постороннего фразу:

— Птичьей дорогой миль триста, а водой — водой побольше...

А попадись ему собеседник побойчей — и пойдет разговор.

— Этот ваш Ямсальский бар, он что?

— Бар-то? Он вроде бутылочной пробки. Обь — река щедрая. Немало несет к морю гостинцев: тут тебе и песок, и ил. А море отказывается: дескать, от такого добра и у меня амбары ломаются. Вот и выходит, что бар — это как бы склад, что ли, где всякий подводный товар копится. Только судам-то радости мало.

— А что, трудно им здесь проходить?

— Это как ветер задует. Если зюйд дежурит — в мелком месте хоть в сапогах из лодки прыгай.

Ямсальский бар — это такая небольшая мель, каждый метр которой находится под усиленной охраной. Сунься без разбору — пропадешь, все равно что рыба на песке. На памяти у Романыча не один случай, когда суда так лихо застревали на баре, что прямо под бортом матросы в футбол играли. Шутки плохи. Идешь в Карское море — адресуйся к хозяину бара.

Его позывные — «Рапу», позывные радиостанции в стареньком домике, перевитом толстыми жгутами проводов. Жди, капитан, «Рапу»! Вот-вот ты услышишь голос морзянки — слабый, нежный писк, будто там, в домике, вылупились цыплята и теперь спешат сообщить о себе всему миру: «Всем, всем, всем... глубина бара... температура воды... температура воздуха... давление... ветер...»

Романыч сам — человек неторопливый, но вокруг него всегда все в движении.

Каждый раз, когда он подносит к глазам бинокль и направляет его за окно на контрольную рейку, серо-голубые глаза серьезнеют, темнеют от напряженной мысли. И весь он, большой, в вязаном свитере, с висками, посоленными сединой, с мягкими молодыми прядями волос, озорно спадающими на глаза, становится похожим на настоящего морского волка.

Отметив уровень воды, Романыч надевает фуфайку, потом, сверху, резиновую робу и выходит на высокое, как капитанский мостик, крыльцо дома. Потом идет по тундре, которая, подобно упругому батуту, покачивается под ногами. Он садится на корму баркаса и направляет лодку к бакенам, которых не видно, но которые стоят где-то там, впереди, на суходоном русле. В эти минуты у Романыча, сидящего за рулем, соколиная поза. А из-под кормы, как крылья, расходятся пенные буруны, и кажется, что сила вот этих крыльев-бурунов, а не сила мотора мчит лодку так, что земля, оставшаяся за кормой, вытягивается в тонкую черную нитку.

За тринадцать лет работы на баре крепко сдружился с водой Романыч. Знает море и в штиль, когда по нему ходи, как по асфальту. Бывают на море волны не больше, чем на одеяле, когда его от пыли встряхивают. А бывает и...

Порой Романыч берет в руки книжку морских правил и, открыв на странице со «шкалой Бофорта», читает: «Шторм. Скорость ветра 18,3—21,5 метра в секунду. Срывает колпаки с труб, черепицу с крыш. Вырывает с корнями деревья».

Ему вспоминается одна из сентябрьских ночей пятьдесят восьмого года. Нет, тогда был не шторм. Ураган. В шкале Бофорта о нем сказано коротко: «Производит опустошения».

...Вот как это было. Еще днем, делая очередную запись в журнале, Романыч заметил, что залив ведет себя беспокойно. Волны росли на глазах, и ветер яростно срывал с их гребней клочковатую пену. Вскоре ураган приобрел скорость летящей стрелы. Лавина воды двинулась на дом. Уже ушли под воду сваи, уже лодка, словно раненая птица, забилась на привязи у крыльца. А в доме Романыч спокойно записывал в журнал: «Глубина бара пять метров двадцать сантиметров». Это рекорд. Ведь даже о половине этого зачастую мечтают здесь морские капитаны.

Позывные «Рапу» слышали суда, слышал берег. «Все в порядке», — передавал радист в эфир, а у самого под ногами уже хлюпала вода, просочившаяся сквозь пол. Прилив продолжался.

И только когда пошел снег и ветер усилился до того, что дом закачался, как лодка, радист с молчаливого согласия Романыча передал в эфир: «Уходим на спасательную вышку».

Белый снег, белая от ярости вода залива и двое людей в полушубках и дождевиках, перебирающихся по веревке на вышку.

Конечно, окруженная водой вышка — убежище условное. И секунды здесь отсчитываются, как на боксерском ринге.

С рассветом они не узнали окружающей тундры. Метровый слой выпавшего снега гигантским утюгом сгладил все кусты. Желтые бивни волн по-прежнему терзали тундру, но кризис миновал. Старшина и радист вернулись в дом и сообщили на спасательное судно, что до конца навигации поста не покинут.

Вот и сейчас, когда на севере наступает пора штормов, ясноглазый человек с просоленными сединой висками несет свою вахту на Ямсальском баре. Капитаны судов вслушиваются в звуки морзянки: «Всем, всем, всем... глубина бара... температура воды... температура возду-

ха... давление... ветер...» И, дав паузу, радист отобьет ключом: «73», что на языке всех радистов мира обозначает: «Наилучших пожеланий».

Курс — на Тазовское

Командир подразделения Салехардского аэропорта Георгий Михайлович Оскерко сидит за большим министерским столом, который, хотя и продолжает гордиться своими резными финтифлюшками, успел привыкнуть и к табачному дыму, и к соленым шуткам, и к твердым рукам молодых летчиков-полярников, склоняющихся над ним при получении летного задания.

В комнате людно, а Георгий Михайлович, высокий, чернявый, поводит короткими усиками и разговаривает с настенным динамиком.

— Когда рейс на Тазовское? — осведомляется динамик простуженным голосом.

— В шестнадцать ноль-ноль. Борт номер... — отвечает Георгий Михайлович, одновременно листая рабочий журнал и подписывая поданную кем-то справку. — Значит, так, — это он обращается ко мне. — Историю вам, конечно, подавай, чтоб была со всеми специями. А по ней возьмет какой-нибудь добрый человек и составит акт о нарушении требований по производству полетов.

Гася улыбку и сосредоточиваясь, командир смотрит сначала на маленький голубой глобус, исчерченный красными пунктирами авиалиний, потом глаза его останавливаются на побеленной известью скульптуре белого медведя за окном, что стоит у берегового обрыва на задних лапах, а передними указывает куда-то вперед, в сторону Карского моря.

— Впрочем, слушайте. Только тут все просто. Обыкновенный рейс.

* * *

Под самолетами проплывает Байдарцкая губа. Будто кастрюли с горячим черничным киселем, выставленным на мороз, дымятся под крыльями полынью. Где-то тут, на трехсотом километре от Салехарда, подготовлены к отправке мешки с навагой. Оба самолета летят за ры-

бой. На борту — каменный уголь. Так уж заведено на севере: задумали новый поселок ставить — топливом в первую голову запасаются. На месте его нет.

Георгий Михайлович сидит рядом с Иваном Гарковенко. Того только что назначили командиром, и сейчас Иван ведет АН-2 так старательно и величественно, словно в руках у него не потертый, изогнутый в форме турецкого ятагана штурвал, а по меньшей мере взаправдашний полумесяц. Стрелки приборов уверенно держат на своих крохотных остриях рабочий режим мотора. Оскерко время от времени поглядывает на эти стрелки, как тренер на силомер, измеряющий крепость мускулов своего ученика.

И это не удивительно: Георгий Михайлович сегодня проверяет молодого командира в рейсовых условиях. К слову сказать, и там, за штурвалом второго самолета, командир тоже молодой. Но рядом с пилотом Володей Ковылиным тоже опытный наставник — Иван Семенович Носырев.

Оба «Антон» — так ласково именуют пилоты свои машины — уже шли на посадку, резко теряя высоту.

— Не выключай мотор, — посоветовал Георгий Михайлович Ивану, выходя из самолета.

Все дружно приступили к выгрузке смерзшихся угольных глыб. А потом грузили мешки с навагой.

Мягко и плотно, как створка домашнего холодильника, захлопнулась самолетная дверца. Усевшись в удобное кресло, Оскерко весело подмигнул Ивану:

— Ну вот, как в таблице умножения. Дважды два. Два часа сюда, два обратно.

Гарковенко принялся опробовать управление перед взлетом.

Все подавалось легко. И вдруг рука встретила сопротивление.

— Что? — встревожился командир.

— Кажется, заело триммер.

Оскерко взглянул на самолет Носырева. Пропеллер его был неподвижен: значит, и у них что-то с мотором.

Еще час или два, и аэродром в Салехарде будет закрыт. По ларингофону Георгий Михайлович попробовал связаться с пролетающими пилотами. Солнечным желтком расплзлось в тучах. Колючие, как льняная пряжа, нити поземки стали опутывать самолетные лыжи.

— Надо крепить машины, — сказал Георгий Михайлович, — только...

И все поняли это «только»: чем? В лед клиньев не вобьешь, даже если бы они были.

— Говорят, цыган хитрый, — это прервал паузу голос Носырева. Он шагнул в сторону угольных глыбин. — Своей тяжестью они удержат, спасут самолеты в пургу.

Потом и рыбу пришлось выгрузить под плоскости машин.

Ветер усилился.

Снова сошлись в круг.

— Тут недалеко охотник, — сказал Носырев. — Только держитесь, как гуси-лебеди: ветер нешуточный.

Двинулись связкой, прикрывая лица от снежных бичей.

Хозяин встретил гостей приветливо.

— Ань торово¹. Летающий нарта при-был. Моя сам, однако, хотел послать, — и он указал на мешки, наполненные до хруста просушенной пушниной.

— Вот завтра и полетим! — сказал Носырев, стряхивая с себя снег.

Хозяин был одет в легкую малицу и то-боки, напоминающие двойные меховые чулки. Был он коренаст, широколиц. О его возрасте свидетельствовали морщинки во-круг узких глаз.

— С хороший человек без чум тепло, топить, однако, будем.

Пока прибывшие располагались на де-ревянных нарах, на раздумывавшейся от жары «железке» успел закипеть чайник.

Обжигающий чай пили по-северному — с шумным прихлебыванием. И в эти ми-нуты не было на свете ничего вкуснее, чем крошившийся в руках месячной выпечки хлеб.

...Наутро в домике гулял пробравшийся за ночь ветер. Над тундрой вставало солнце, но, казалось, тепла в нем не боль-ше, чем в угасшей железной печурке.

Направились к самолетам. Пришлось крепить тяги управления: ветер порвал их за ночь, будто балалаечные струны.

И тут в небе послышался рокот са-молета. Невидимый, он кружился над тундрой. Это был как раз случай наруше-ния требований по производству поле-тов — как выразился бы Оскерко.

— Это Несветаев. Черту на вилы прет, миллионер.

Закинув голову, прислушались к слабому шмелиному жужжанию, кото-рое минут через десять затихло. Несве-таев не сел. Не взлетели и они.

Назавтра снова собачий лай метели.

Хозяин избушки, оскорбленный в сво-

их лучших гостеприимных чувствах тем, что продукты нехстати вышли, в который раз помещивает варево из наваги и в ко-торый раз утешает себя:

— Из куропачий мяса, однако, сало топить не будешь.

Висят на стене бесполезные капканы. Хотя они, по ненецкой пословице, и под снегом воруют, но охотник не шайтан. В пургу и куропатки, и зайцы свой чум знают.

...Оскерко и Носырев вышли на крыль-цо. Ветер зло хлопнул за ними дверью, рванул полы летных курток. Снежинки щекотали лицо, напоминая о трехдневной щетине.

— Вот мороз!

— Так, значит, до фактории Яры де-сяток километров по льду, — отозвался Носырев. — Оттуда радируем в Салехард. Пусть шлют техника. Выходим сейчас, чтобы к вечеру вернуться.

И они отправились в путь. Ветер тол-кал и кружил, завывал по-шаманьи. Унты скользили на чуть припорошенном льду. Два часа шагали почти молча.

Ветер донес лай собак, и впереди про-ступили желтые, как волчьи глаза, огни фактории.

Только вечером собачья упряжка ум-чала их назад, к охотничьему домику.

...На другой день солнце осветило при-тихшую успокоенную тундру с белыми, тугими, как гуттаперчевые мячи, сугро-бами. Солнечные лучи скользнули по лох-матым от куржака плоскостям самоле-тов.

Наконец, прорвавшись сквозь воздуш-ные трамплины, прилетел Несветаев с техником на борту.

Хозяин избушки не упустил случая на-поить гостей крепким, как спирт, чаем. Потом он засобирался.

— Быстро надо. Антошка саво¹. Ле-тающий нарта саво.

Вскоре самолеты взяли старт на Сале-хард. В них сидели люди с лицами, оброс-шими, как еловые ветки. И в данную ми-нуту с их стороны это было, пожалуй, единственным нарушением требований по производству полетов.

¹ Ань торово — здравствуйте (ненецк.).

¹ Саво — хорошо (ненецк.).

В краю романтики

Журналист Борис Коробейников живет в Магадане. Он изъездил вдоль и поперек Чукотское побережье, побывал на островах Ледовитого океана и везде знакомился с жизнью полярников и жителей Крайнего Севера нашей Родины. О своих встречах он и рассказывает читателям журнала в присланных фотографиях.

Это — самая крайняя точка земли советской в Ледовитом океане — бухта Роджерса на острове Врангеля. Здесь находится полярная станция. Круглый год зимовщики ведут научные наблюдения. И всегда вместе с ними — их верные друзья собаки.

Хорошее настроение у Эттуви. Он давно признан лучшим пастухом в Чукотском районе, Магаданской области.

Угрюмы берега Охотского моря. Но и здесь трудятся люди. Работники светового маяка на мысе Таран указывают судам путь следования в голубой пустыне. А в свободные часы зимовщики идут на охоту в прибрежные торосы.

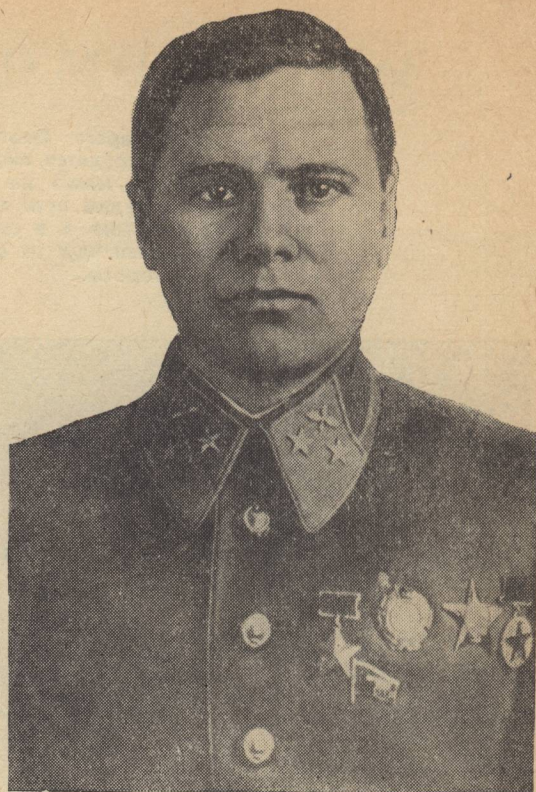

И снова Иван Хабаров вышел на охотничью тропу. В прошлом сезоне ученик Рассохинского интерната добыл сто белок. Нынче Иван собирается принести из тайги еще больше «мягкого золота».

Этому малышу не повезло: ему так хотелось уйти со взрослыми на пастбище.

ПАРЕНЬ ИЗ НАШЕГО ГОРОДА

В Нижнем Тагиле, на улице Бондина, стоит малоприметный деревянный домик. В течение нескольких лет перед Великой Отечественной войной на нем висел Государственный флаг страны. И каждый знал, что здесь родился, провел детские и юношеские годы депутат Верховного Совета СССР первого созыва Герой Советского Союза летчик-истребитель Сергей Александрович Черных.

Это был замечательный человек. Подвиги, за которые он первым из уральцев получил звание Героя, Сергей Черных совершил далеко от Родины.

...18 июля 1936 года одна из испанских радиостанций несколько раз передала в эфир фразу: «Над Испанией безоблачное небо». Это был сигнал к мятежу против законного республиканского правительства. Начались ожесточенные бои. Генералу Франко помогали гитлеровская Германия и Италия. Три года испанский народ вел героическую борьбу против фашизма, за свободу и независимость родины. К нему на помощь со всех концов земли шли бойцы-добровольцы: танкисты, лет-

чики, пехотинцы. В октябре 1936 года прибыл на аэродром около Мадрида тагильчанин летчик-истребитель Сергей Александрович Черных.

Перед отъездом в Испанию он был уже командиром истребительного звена, заслужил награду — орден Красной Звезды. Но здесь, на земле Гренады, Сергей снова стал рядовым летчиком. Так требовала обстановка.

После непродолжительных тренировок — бои. Жаркие, стремительные. Шесть-восемь вылетов в день, три-четыре боя за дежурство... Суровый экзамен на мастерство. И парень из нашего города выдержал его блестяще.

...В один из ноябрьских дней на аэродроме Алкала стояли замаскированные «чата» (курносые), как любовно называли истребители И-16 бойцы республиканской Испании. Техники и механики готовили машины к вылету. Вдруг завывли сирены. Группа «юнкеров» атаковала аэродром. Разрывы бомб и свист осколков. Но Сергей Черных не растерялся. Он быстро поднял истребитель в воздух, догнал

«юнкерс» и прошил его меткими пулеметными очередями.

В перекрестии прицела появился другой Ю-52. И этот ас, оставляя в небе дымный след, рухнул на землю.

Во многих операциях участвовал черноволосый летчик с Урала. Вскоре его назначили командиром авиационного звена. В декабре 1936 года, в числе других десяти летчиков, за мужество и отвагу ему присвоили звание Героя Советского Союза.

С гордостью встретили это известие тагильчане. Особенно железнодорожники: ведь до военного училища Черных работал слесарем в паровозном депо.

Декабрь вообще был для Сергея счастливым месяцем. В декабре 1930 года его зачислили в авиашколу. Ровно через три года (в декабре) он получил должность младшего летчика. В декабре 1936 стал Героем Советского Союза. В декабре 1937 Сергея Александровича избрали депутатом Верховного Совета СССР по Нижне-Тагильскому избирательному округу. Он был первым представителем трудящихся индустриального Тагила в Верховном органе власти страны.

За пять лет Сергей Черных прошел путь от младшего летчика до полковника авиации. А еще через два года, в июне 1940, ему в числе первых присвоили звание генерал-майора.

Черных был первоклассным пилотом. До того времени, как стать командиром авиационной дивизии, он освоил десять типов самолетов и налетал свыше 2000 часов. Не случайно в детстве любил Сережа Черных строить модели самолетов и не зря парнишки с Малой Кушвы звали его «Сережкой-аэропланчиком».

Сергею Александровичу не довелось участвовать в боях на фронтах Великой Отечественной войны. Его жизнь трагически оборвалась в июле 1941 года: он был необоснованно обвинен в тяжелом преступлении и погиб.

Его многочисленные ученики достойно пронесли через бои славу советских асов — летчиков высокого класса. А земляки свято чтут память первого Героя Советского Союза из уральцев — Сергея Александровича Черных.

А. ЦЫКИН,
полковник, кандидат
исторических наук
В. КОКУРКИН,
капитан 3-го
ранга запаса

Уральская марка

На доброе здоровье

Сентябрь прошлого года начался в Бразилии страшным бедствием. Северная и Центральная части штата Парана были объаты пламенем. Дым и пепел затмили солнце, скрыли землю. Огонь из джунглей со скоростью 35 километров в час мчался вперед, превращая одну из красивейших областей страны в выжженную пустыню. Горели поселения, гибли люди. Больницы городов Лондрина и Куртиба переполнили пострадавшие.

В эти трагические для Бразилии дни на Свердловском заводе медицинских препаратов раздался междугородный телефонный звонок:

— Будете говорить с Москвой!

— Срочно готовьте к отправке бальзам Шостаковского!

На следующий день большая партия флаконов с лекарством была отправлена с уральской земли в Южную Америку.

Бальзам Шостаковского — великолепное средство при ожогах, заболеваниях кожи, язве желудка. Единственное предприятие в мире, которое его выпускает, — это Свердловский завод медицинских препаратов. Широко известный в нашей стране, бальзам завоевал популярность и за рубежом.

Сейчас коллектив завода в содружестве с учеными продолжает работу над бальзамом, улучшает качество, вкус, внешний вид.

Много лечебных препаратов выпускает завод: теофиллин, эуфиллин, которые применяются при сердечно-сосудистых заболеваниях; атофан — средство от невралгии и ревматизма; дисульформин — против кишечных заболеваний.

Завод работает не только по готовым рецептам. Например, производство дипрофилина — новейшего сердечно-сосудистого средства освоено именно здесь.

По заказу Министерства сельского хозяйства коллектив готовит РОСК — для лечения кожных заболеваний крупного рогатого скота.

Большую помощь человеку в борьбе с воспалительными процессами оказывают антибиотики. Но они обладают одним минусом: организм к ним привыкает. Ученые стремятся создавать новые средства, более сильные. Несколько лет назад первые граммы эритромицина в заводских условиях получили в Свердловске. Лекарство это пользуется большим спросом, выпускает его теперь и завод в Красноярске. В последнее время центральной заводской лабораторией освоен новобиоцин. Выпущена пробная партия.

Какое бы лекарство ни выпускал Свердловский завод медицинских препаратов, сделано оно всегда на отлично. Недаром его ищущий, пытливый коллектив первым в области добился высокой чести назвать свой завод предприятием коммунистического труда.

Э. ЕРМАКОВА

• Победим ли третий раз?

После возвращения со Второго Всеуральского в прошлом году нас опять осаждали: «Победили? Молодцы! Как вам удалось?». Но мы не почивали на лаврах, а с первых же дней учебного года начали занятия кружка. Выработали программу и устав, стали готовить следопытский вечер. На нем представили выставку и показали сценки из походной жизни. Потом демонстрировали кинофильм о наших следопытских делах.

Сразу же после вечера, захватив с собой рюкзаки, мы отправились в Баландино. Переночевать хотели в старых забоях золотоискателей, похожих на пещеры. До них нужно было пройти километров двенадцать, но в темноте не заметили эти места. Утром нашли копи и собрали в них много интересных образцов. На заседании кружка приняли решение: каждое воскресенье куда-нибудь выезжать. Так мы побывали в Миасской средней школе, познакомились с работой краеведов и, конечно, прошли по берегу реки Миасс, просматривая все жилы и обнажения на пути. Посетили Коркинский угольный разрез. Спустились под землю на 300 метров. Из Коркино мы везли в школу отпечатки листьев древнего папоротника, который рос около 60 миллионов лет назад. Обследовали один из районов озера Тургойк. Из похода на реку Зюзелга принесли красивые поделочные камни.

Участвовали мы и в заседаниях Всероссийской конференции по краеведению. На ней выступали члены кружка, рассказывали о делах и планах, о Втором Всеуральском

слете следопытов. Очень обрадовались мы, когда нашего бессменного руководителя Олега Леонидовича Полякова наградили значком «Отличник Министерства просвещения».

По пятницам мы встречаемся с геологами. Они проводят занятия, дают нам темы.

Начали готовиться к летним походам. Опять будем помогать геологам. Хотим найти какое-нибудь химическое сырье и поработать так, чтобы снова привезти в Челябинск приз «Уральского следопыта». Победим ли третий раз? Постараемся.

Члены геологического кружка школы № 107

• Где паровоз?

Дорогие следопыты!

18 ноября 1920 года с поездом «Октябрьская революция» в Челябинск приезжал М. И. Калинин. В честь его приезда железнодорожники депо решили в неурочное время бесплатно отремонтировать неисправный паровоз ИЗ-78.

12 февраля 1921 года паровоз был готов и работал на железнодорожных путях, перевозил хлеб и топливо.

С тех пор прошло 42 года. Мы, члены исторического кружка Дворца пионеров Челябинска, решили отыскать этот паровоз и установить его около Дворца железнодорожников на вечное хранение.

Просим всех ребят посмотреть на ближайших путях, в тупиках, на ветках заводов, нет ли этого паровоза, и сообщить нам по адресу: г. Челябинск, Дворец пионеров, пионерский музей.

Ждем сообщений!

Гая Меркушева, Саша Сафронов, Нина Савина, Наташа Козлова, Нина Жидкова, Салават Фазылов, Катя Петрушкина, Валя Кашникова.

• Живые земснаряды

В устье речки Черемшанки, которая впадает в Исетское озеро (Свердловская область), энергетики сделали небольшой пруд. Весной из Подмосковья сюда переселят мальков белого амура и толстолобика. Раньше эти рыбы жили только на юго-востоке Азии. Недавно они акклиматизировались в прудах средней полосы европейской части нашей страны, а теперь прибывают к нам.

Почему вдруг энергетики занялись разведением рыб? Оказывается, белый амур и толстолобик могут сбереж от зарастания Исетское озеро — основной водоем Средне-Уральской электростанции.

Белый амур в пятилетнем возрасте достигает метровой длины и весит 50 килограммов. Он страшно прожорлив: за сутки пожирает столько водорослей, сколько весит сам, а за год — около двух тонн. Толстолобик поедает зеленую, которая затягивает пруды при так называемом цветении. В аппетите он не уступает белому амуру.

Как только эти рыбы подрастут, их из заповедника на Черемшанке выпустят в Исетское озеро. Они заменят земснаряд, содержание которого обходится ежегодно в 200 тысяч рублей. Кроме экономии, «живые земснаряды» обеспечат на озере богатый рыбный промысел.

А. МАЛЬЦЕВ

•Источник бодрости

Струйки серебристой воды искрятся на солнце. Это сероводородный источник — источник бодрости, как давно называют его люди. Находится он у Обуховского дома отдыха, около Камышлова, Свердловской области.

Фото Е. БИРЮКОВА

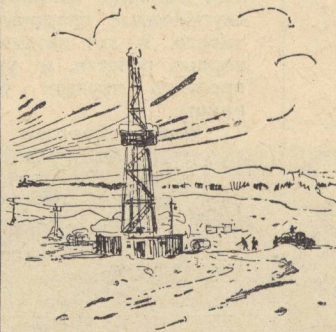
•Налим- аварийщик

Это было в Черемуховской геологоразведочной партии, которая ведет работы в районе Североуральских бокситовых рудников Свердловской области. Зимой на буровую вышку старшего мастера Ильи Ивановича Мироева не стала поступать вода. Начали искать причину аварии. Разобрали полкилометра труб и в одном из стыков обнаружили... замерзшего налима.

Неосторожная рыба близко подплыла к водоприемнику, и ее втянуло в водопровод. В одном из узких стыков труб толстый налим застрял. И невольно стал аварийщиком.

Теперь геологоразведчики устанавливают в водоприемниках храпки — металлические сетки.

А. ГЕОРГИЕВ

МУЗЕЙНЫЕ ДИКОВИНЫ

Обывательская городовая книга

Так называется хранящийся в Вольском филиале Саратовского областного государственного архива уникальный документ — рукописная, большого размера, толстая книга жителей города Вольска на 1786 год.

Она в кожаном переплете, в ней двести тридцать листов.

В книге подробно, в алфавитном порядке рассказывается о всех жителях города.

Портрет Пугачева

Этот памятник принадлежит Государственному историческому музею в Москве: живописный портрет Емельяна Пугачева. Написан он в 1774 году в Илецком городке неизвестным художником, участником восстания. При реставра-

ции портрета обнаружили, что изображение Е. И. Пугачева сделано поверх портрета императрицы Екатерины II.

Бронзовые скифы

В 1900 году при вспашке поля около деревни Сапоговой, Челябинской области, нашли уникальный клад бронзовых изображений воинов-скифов. Их привезли в Екатеринбург, в музей Уральского общества любителей естествознания и запросили за коллекцию огромную по тому времени сумму — 300 рублей. Основатель УОЛЕ и руководитель музея Онисим Егорович Клер дал владельцу бронзовых скифов адрес Императорской археологической комиссии, а сам попросил время на «размышление» и повез коллекцию к фотографу.

Ныне уникальная находка хранится в Государственном Эрмитаже, а снимки — в Свердловском областном краеведческом музее.

Печать вольного Пскова

В 1924 году в музей от семьи умершего крестьянина Говорухина поступила и вторая часть этой замечательной коллекции — литые бронзовые женские фигурки.

В Псковском областном краеведческом музее хранится свинцовая печать 1462 года. На ней надпись: «Печать псковской вольчины» (вогчины). На обратной стороне изображено, как и на древних псковских монетах, лицо человека без бороды и усов.

Д. ВЛАДИМИРСКИЙ.

О ЦЕЛИНЕ

Фоторассказ
Л. Большакова
и Б. Клипиницера

Родное, близкое сердцу Оренбуржье. С каждым годом сюда все чаще и чаще приезжают иностранные гости. Едут молодые болгары и чехи, будущие металлурги — юноши с Кубы, партийные работники из Монголии, инженеры из Индии, сельскохозяйственные деятели США во главе с министром земледелия...

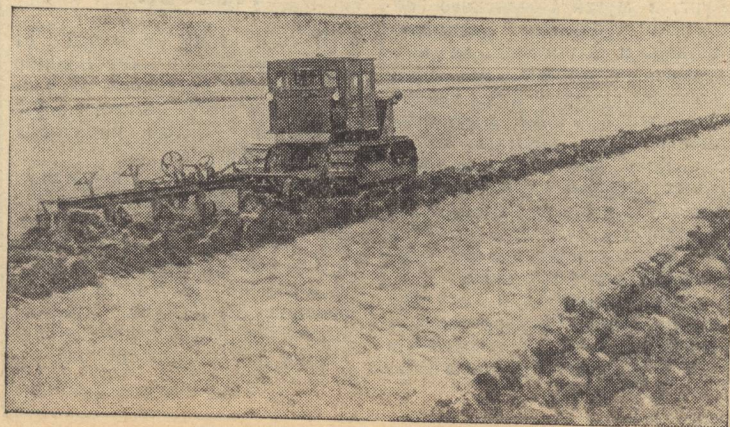
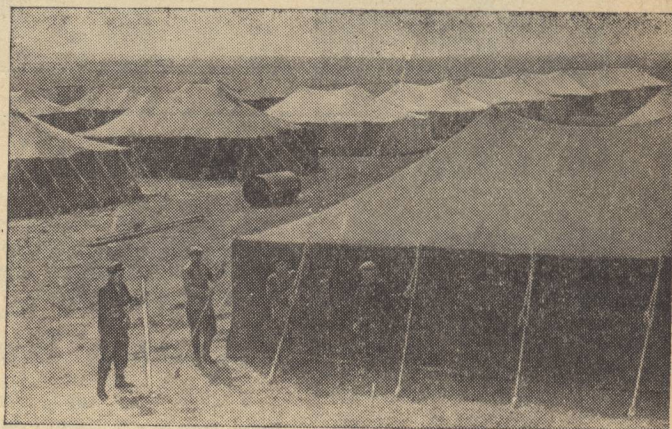
Их интересует многое. Но все — и друзья, и те, кому наши успехи «поперек горла», — непременно спрашивают о целине, хотят видеть сказочную землю своими глазами, попробовать на вкус литое зерно и, конечно, услышать и записать цифры.

О, это поистине грандиозные цифры! Но среди них есть «цифра цифр»: 1 миллион 700 тысяч гектаров. Именно столько новых земель освоено в Оренбургской области.

Мы хотим, читатель, чтобы ты зримо представил те изменения, которые произошли здесь в течение прошедшего десятилетия.

На неоглядные ковыльные просторы пришли молодые патриоты, неугомонные следопыты нового. И вот натянуты первые палатки, и уже пролегли первые борозды.

Первая борозда на целине... «Автором» ее в совхозе «Восточный» был орский рабочий, ныне Герой Социалистического Труда Сергей Лычагин.

На всю жизнь останется в памяти весна 1954-го. Днем и ночью шло наступление на вековую целину. В том году был поднят 1 миллион 130 тысяч гектаров. Это на 430 тысяч гектаров больше, чем предусматривалось государственным планом.

И там, где был ковыль, зашумела пшеница.

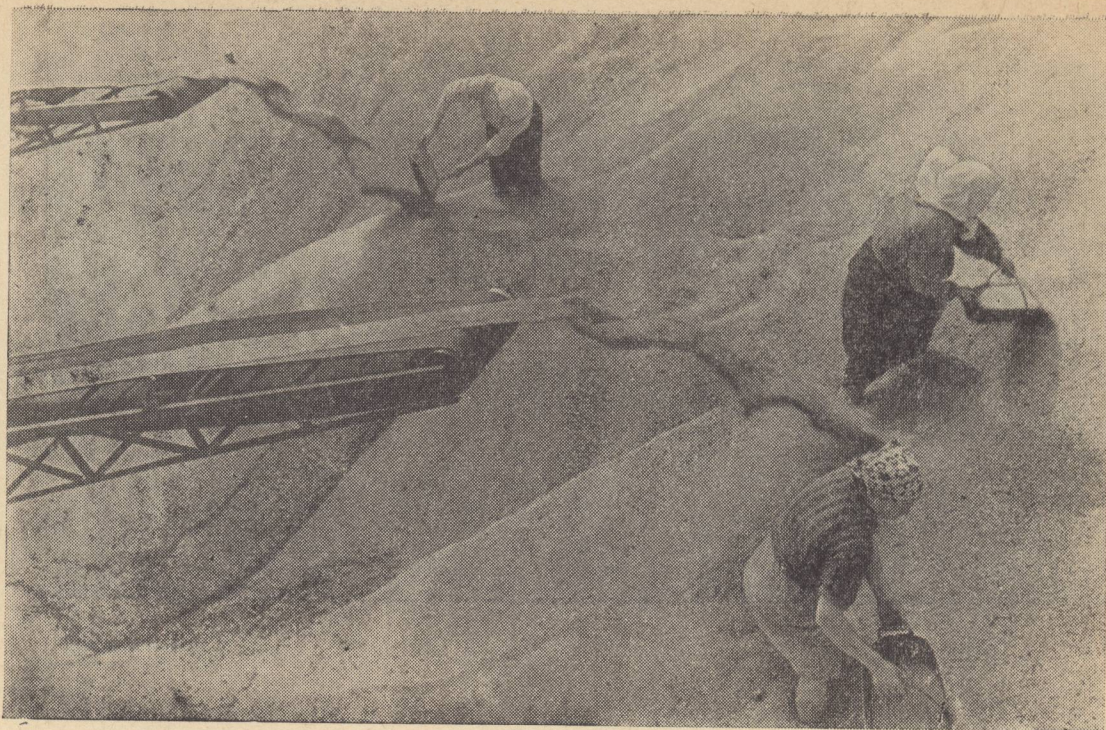

Ожила степь.

Вот они покорители целины.

Горами золотого зерна вознаградил целина труд первопроходцев.

— Молодцы, комсомольцы, хорошо поработали! Вы заслужили любовь и уважение всего народа! — сказал Никита Сергеевич Хрущев, побывав в Адамовском районе в 1956 году.

Прошло немного времени, и совхозы, созданные на целине, стали по-настоящему многоотраслевыми хозяйствами. В том же Адамовском районе сдача мяса за десять лет увеличилась в пять раз!

На целину пришла новая, десятая весна. В эти дни целинники держат серьезный экзамен перед Коммунистической партией, перед советским народом, выполняя исторические решения декабрьского и февральского Пленумов ЦК КПСС.

ИСКАТЕЛЬ БЛАГОРОДНЫХ МЕТАЛЛОВ

*К 100-летию
со дня рождения
Н. К. Высоцкого*

В 1919 году Советская власть поставила вопрос о восстановлении золото-платиновой промышленности на Урале. А дело это было трудное: прежние хозяева уничтожили или увезли основные геологические документы.

Известный геолог Николай Константинович Высоцкий, живший в те годы на Урале, тщательно и аккуратно в течение полутора-двух лет выполнил огромную работу. В результате ее уже вскоре уральские золото и платина потекли в кладовые нашего государства. Эти золото и платина и явились в основном той валютой, благодаря которой молодая Советская республика смогла в те годы приобрести за границей оборудование и материалы для индустриализации страны.

Н. К. Высоцкий был большим знатоком месторождений золота и платины. Он — один из составителей и редакторов первой геологической карты Урала, изданной в 1931 году. Еще в 1923 году он установил новый тип платиновых месторождений, названный норильским. Благодарные геологи назвали один из вновь найденных минералов «высоцкит».

Н. К. Высоцкий родился 23 апреля 1864 года в семье барнаульского учителя, потом учился в Екатеринбургской гимназии. В 1891 году он окончил Петербургский горный институт и стал работать на Урале.

Впервые я встретился с Николаем Константиновичем зимой 1921 года. Он был тогда представителем Геолкома на Урале и читал лекции в Уральском государственном университете.

Запомнилась его исключительная внимательность к студентам. Мне, как члену научного кружка, нередко приходилось встречаться с Высоцким и советоваться о наших планах и о предстоящих занятиях. Не без его влияния большая группа студентов летом 1922 года поехала на производственную практику именно в золото-платиновые районы, а я направился в Исовский район для изучения россыпей и коренных месторождений пла-

тины и почти на 30 лет связал свою судьбу с этой отраслью геологоразведок.

Перед началом работ я обратился к трудам Н. К. Высоцкого, который вел в этом районе детальные геологические съемки более пяти лет. Кажется, не было пункта, где бы ни побывал Николай Константинович, не было такой горной породы, которую бы оставил он без внимания, каждый мелкий ложок был обследован и нанесен на карту.

Труды Высоцкого помогали нам в те годы при изучении уральских золото-платиновых месторождений. Они и до сих пор еще служат отличным пособием. К ним обращались, например, при разведке Качканарских железных руд.

Особое положение среди трудов ученого занимают такие, как «Месторождения платины Исовского и Нижне-Тагильского районов на Урале» (вышедшей в 1913 г.) и пятитомник «Платина и районы ее добычи», изданный Академией наук СССР в 1923—1933 годах.

По отзывам лиц, работавших с Высоцким, он отличался высокой требовательностью к себе и другим, внутренней сосредоточенностью, большим уважением к людям. Кажется, не было ни одного десятичника, смотрителя приисков, разведчика, геолога, а нередко и учителя-краеведа, с кем бы он ни переговорил при обследовании района.

В последний раз я встретился с Н. К. Высоцким в феврале 1930 года в Ленинграде.

Николай Константинович был болен, но сидел в кресле, закутанный в плед, надсадно кашлял и работал. Он спешил подготовить к печати объяснительную записку к геологической карте Урала. Стол был завален книгами, бумагами.

В июле 1932 года давняя тяжелая болезнь обрвала жизнь этого замечательного человека.

Уральские геологи чтят память заслуженного деятеля науки. Они решили отметить столетие со дня его рождения конференцией и специально выпустить научный сборник, посвященный Николаю Константиновичу Высоцкому.

Профессор В. ТРИФОНОВ

С этюдником по «Крыше мира»

Заметки художника

Каждая поездка в невиданный тобою ранее край привлекает как непрочитанная книга, как начатая хорошим рассказчиком увлекательная история. Интерес возрастает по мере приближения к цели. Еще в самолете я очень волновался; через два часа буду в центре Средней Азии.

И вот Ташкент — столица Узбекистана. Жара. Загорелые лица и пестрые халаты узбеков, разноречивый говор, запах шашлыка. Все кажется интересным, новым, необычным. Даже беглый взгляд на театр имени Алишера Навои и сквер с фонтаном приводят в восторг — настолько прекрасна и своеобразна восточная архитектура.

Хочется обойти все музеи и улицы Ташкента, но время неумолимо, и нужно спешить в аэропорт, чтобы лететь дальше, в столицу солнечного Таджикистана — Душанбе.

Один день, проведенный здесь, тоже не дает права сказать: «Я знаю этот город», но мне уже никогда не забыть его тенистых, тихих улиц с журчащими арыками, свободных и легких площадей, красивых, светлых, не очень высоких домов, бесшумно плывущих по теплomu асфальту троллейбусов, не забыть и колхозного базара, где сидят живописными группами старики-таджики в чалмах и пестрых халатах. Какое разнообразие цветов и оттенков!

Все это осталось в рисунках и беглых набросках моего всегдашнего спутника — дорожного альбома.

* * *

Как только самолет поднялся над аэропортом Душанбе, вдаль стали видны горные хребты. Правда, мы еще долго летели над равниной, над зеленым ковром хлопковых полей, изрезанным прямыми линиями оросительных каналов.

Затем полет вдоль ущелья. Справа и слева снежные вершины беспорядочно громоздящихся гор. Далеко внизу извивается река.

Здесь проходит советско-афганская граница.

Самолет часто падает в воздушные ямы. Его бросает в стороны. Но он все же пробирается вдоль ущелья, огибая скалы.

Благополучно приземлились в Хороге — пограничном городке, столицы Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана. Он расположен в горном ущелье вдоль реки. Здесь много зелени, в основном пирамидальный тополь и тутовник. Но вновь приехавшему человеку все равно жарко, его мучает одышка, ощущается двухкилометровая высота над уровнем моря.

Устроившись в гостинице, пошел знакомиться с городком. Вот чайхана. Как не выпить с дороги одну-две пиалы густого зеленого чая и не съесть порцию шашлыка, который тут же ловко готовит расторопный чайханщик! «Фирменное» блюдо — это не только шашлык, но и лепешки, которые и служили мне основной пищей во время пребывания на Памире.

Разыскал народного артиста Наврузшо Курбонасеинова в школе-интернате, где он учит детей музыке. Был на уроке пения. Дети-памирцы очень музыкальны и играют на многих национальных инструментах.

* * *

Широко известно имя мастера поющего дерева — Муродали Сафоева. Сделанные его искусными руками музыкальные инструменты — рубобы поют в руках лучших гафизов горного края. Да и сам Муродали большой любитель спеть песню под звуки им самим сделанного рубоба.

Большую и славную жизнь прожил Муродали. Теперь он на пенсии. Но разве может спокойно отдыхать человек, чьи руки с детства привыкли трудиться.

Несколько дней работал я над портретом Муродали. Работал с большим увлечением.

Муродали сопровождал меня и в поездке по ущелью Дармарахт, где я писал этюды в кишлаках Пишь и Гожак, и по ущелью реки Гунд, где мы вместе с ним проехали много кишлаков и остановились в кишлаке Сижд, в котором живет 125-летний долгожитель Памира Саидалидод Саидмирзоев со своей громадной семьей.

Здесь работают 3 его сына, 4 дочери, 24 внука, 77 правнуков и праправнуков. Но не только своим долголетием знаменит старый памирец. Он вывел сорт озимой пшеницы, которая в народе называется «Бобило» (в переводе с шугнанского диалекта это значит «Дедушкина»). Зимой она хорошо переносит морозы, а летом — засуху. Теперь ее сеют на полях почти всех памирских колхозов, расположенных на высоте от 1500 до 330 метров над уровнем моря. Пшеница «Бобило» экспонируется на Выставке достижений народного хозяйства в Москве.

Старый селекционер-опытник еще читает без очков. Я так и написал его за древней книгой. Написал и портрет его сына Саиднурилло, стремясь выразить трудолюбие, доброту души и сердечность всех хороших людей Памира. С большим увлечением работал над портретами народного артиста Наврузшо Курбонасеинова и колхозника Саида Мурсы Саидбобыллоева.

В конце сентября погода была нелетной, и мне не пришлось проехать на машине от Хорога до Душанбе. Я вдоволь налюбовался суровыми красотоми Горного Памира.

В моей мастерской много сувениров, привезенных с Памира: подставка для книг, сделанная из цельного куска тутового дерева, глиняный кувшин, шерстяные мужские чулки с причудливым орнаментом, деревянные калоши... В свободную минуту, рассматривая сувениры, я вспоминаю суровые горы, застывшие в своем величии, и, главное, забываемых друзей — жителей «Крыши мира».

Вл. ИГОШЕВ,
заслуженный художник РСФСР

В. А. ИГОШЕВ

Заслуженный художник РСФСР

В ДОЛИНЕ КИШЛАКА СИЖД

ПОРТРЕТ 125-ЛЕТНЕГО ДОЛГОЖИТЕЛЯ ПАМИРА
САИДАЛИДОДА САИДМИРЗОВА

ПОРТРЕТ САИДАНУРИЛЛА САИДАЛИДОВА

В ЧАЙХАНЕ

Сегодня у следопытского костра — охотовед Григорий Бабаков.

Рисунки А. Гуссиса

ДВОЕ В ИЗБУШКЕ

«Вдвоем в избушке тесно!» — любит повторять мой приятель, старый охотник, сторож соболиного заказника Александр Матвеевич Орлов. Человек он пожилой и малообщительный. Ростом высок и на вид угрюм. Есть что-то медвежье в его большой сутуловатой фигуре, в крепкой шее и широком затылке.

Александр Матвеевич больше половины года проводит в тайге, один со своими собаками. Познакомился я с ним еще в те времена, когда студентом приезжал в заказник на практику. Тогда-то я и услышал от него впервые, что вдвоем в избушке тесно. В ту пору я не понял, какая мудрость таится в этой фразе.

— Много вашего брата, студентов, здесь перебивало, — говорил охотник, оценивающе оглядывая меня. — Всякого народа повидал. Иные и сейчас письма да телеграммы к праздникам шлют, а иных и позабыл давно.

ОБИДЕЛИ

Разные дороги людей в тайге сводят. Бывает, закадычные дружки в одной избушке сойдутся, а то совсем незнакомых служба сведет. По себе знаю, в лесу и в городе человеку разная цена. И словам, и делам его тоже.

— Вот-вот, — обрадовался я, думая, что сторож случайно сказал о тесноте в избушке. — В прошлом году наш преподаватель Петр Семенович у вас побывал. Он-то и посоветовал с вами в тайгу идти. Говорит, настоящий таежник! Привет передавал и кланяться велел.

— Помню такого, — улыбнулся краешками губ Орлов. — Вежливый мужчина, обходительный.

Слово «обходительный» прозвучало иронически. И я подумал, что рекомендация нашего доцента для человека ровным счетом ничего не значит.

Лишь позже, когда уж мы с Матвеечем стали друзьями, поведал он мне две поучительнейшие истории.

Несмотря на свою угрюмость, рассказывал Матвееч мастерски. В рассказах людей, близких к лесу, меня всегда поражает значение, которое они придают мельчайшим, пустячным деталям. Мне так не суметь. Расскажу, как запомнил.

Допустим, заходишь в городе к нашему директору в контору, а он тебе: «Здравствуйте, дорогой, — и по имени-отчеству. — Садитесь, пожалуйста, рад, что зашли. Как детишки, жена поживают?» — Сто спасибо тебе наговорит, сам до двери проводит. Уйдешь от него и думаешь: человек обходительный.

А в лесу тем спасибо да пожалуйста — грош цена. Тут своя вежливость, особая.

Приезжал ко мне этот самый доцент. Без «простите» да «пожалуйста» шагу не ступит. А какой прок от его вежливости, когда только и слышишь: «Александр Матвеевич, согрейте, пожалуйста, чайку. Будьте добры, дровец принесите. Спасибо большое. Мне бы еще валенки поставить просушить...»

Пожил я с ним недельку, да и решил в другую избушку перебраться — тесно вдвоем стало. Собрался уходить я, а он уговаривает, не пускает. Скучно, говорит, одному-то жить. А я в ответ: какая, мол, скука? Здесь урман, а не Дом культуры. У тебя — своя работа, у меня — своя. Не до веселья, брат!

Сам-то я ушел, а собаку одну все-таки уговорил он меня оставить. Оставил ему старика Пестряя, пусть, думаю, будет хоть с кем словом человеку перемолвиться. Да и птицу кобелишко славно ищет. Глядишь, и на суп чего добудут.

Ушел я от него. Дней восемь один прожил. Слышу, как-то под вечер собаки зашумели. Открыл дверь, а Пестряй стоит у порога, глаза отворотил и хвостом виновато вертит. Ругнул я его поначалу: зачем, такой-сякой, пришел, иди сей же час обратно! Не идет назад собака, к ногам жметесь, на брюхо ложится. Э, думаю, видать, обидел тебя гостенек-то наш. Впустил я Пестряя в избушку, а он голодный, на кусок хлеба жадными глазами глядит. Накормил собаку и стал утра дожидаться.

Утром, чуть свет, прибежал ваш доцент. За двенадцать километров прибежал. Я, говорит, боялся: в тайгу рано уйдете, дома не застану.

Усадил я его за стол, завтраком накормил, а про собаку-то молчу. Наконец сам он спросил:

— А Пестряй к вам вчера не прибежал?

— Куда ж ему деться, — отвечаю. — Вон, под нарами лежит, отсыпается.

Присел доцент на корточки, под нары заглядывает, а сам ласковенько так позывает:

— Пестряй, Пестряюшка, иди сюда, голубчик!.. — Только было руку хотел к нему протянуть, а Пестряй как рыкнет!

Тут уж мне все ясно сделалось.

— Поаккуратней, — говорю, — с собачкой-то. Укусить может! У ней тоже свой нрав есть. За что, — спрашиваю, — кобеля ударили?

Тут он мне и повинулся.

Загнал Пестряй соболя на кедру. Загнал и облаивает. Прибежал доцент на голос, обрадовался. Прицелился, стрелил в соболя, а тот как махнет с кедры-то! Тут уж мой Пестряй не прозевает, прямо к нему в зубы соболя попал. Пестряй жамкнул его пару раз, да и давай трясти. Доцент подскочил, испугался, что дорожную шкурку собаки испортит, закричал на Пестряя. А тот, знай, своим делом занимается. Схватил доцент соболя за хвост, а сам как вдарит кобеля сапогом под ребра! Взвыл Пестряй, отпустил соболя. Отскочил в сторонку, полизал бок ушибленный, да и подался от нового хозяина. Даже не оглянулся ни разу.

Вот тебе и вежливость городская. Кобелишко свою работу справляет, а он его сапогом под ребра.

Послушал я все это, да и говорю своему гостю:

— Вот что, мил человек! Избушка у тебя есть, продуктов хватит. Живи-ка ты сам по себе, а к нам не вяжись.

Обиделся он, надулся:

— Выходит, вам, Александр Матвеевич, собственная собака дороже человека?

— А что же,— отвечаю,— здесь особенного? У себя в институте вы собак, будто брюкву, режете. А я ни свою, ни чужую пальцем не трону.

Еще пуще мой гость рассердился: ничего вы, говорит, в науке не понимаете, не беритесь судить!

Если надо для науки, я это понимаю, но... в общем, не стал я с ним спорить.

Доцент подумал, да и говорит:

— Пожалуй, мне пора в город возвращаться. Завтра пойду. Вы не сможете проводить меня до первой деревни?

— Нет, не смогу,— отвечаю.— У меня работа. До деревни дорога одна, не заблудитесь, а я пойду — два дня потеряю.

— Я вам оплачу эти дни. Сколько вы в день зарабатываете?

— Да как удача. На круг рублей по десять обходится.

— Ого! — удивился доцент. — Я — кандидат наук, преподаватель, а столько не зарабатываю. Можно вам позавидовать.

— А чего же завидовать,— смеюсь я.— Поживите в тайге подольше, нашего хлебушка отведайте, может, и впрямь бросите свою науку. Человек вы еще молодой, здоровый...

Ни до чего мы с ним не договорились. Собрал он свою котомку, да и подался вон из тайги.

ЖЕНЬКА

А еще того чудней был случай. Прислали ко мне в заказник девчонку. Тоже, как тебя, на практику прислали. Сама она ко мне в избушку прибежала. В синих брюках, в телогреечке, на узеньких лыжах. Ну, что тот жуланчик, птичка, да и только. Я, по правде сказать, не шибко люблю, когда и ребят присылают, а тут девчонка...

Делать нечего.

— Заходи,— говорю,— птаха, гостьей будешь.

А она смеется.

— А я не в гости, а на практику.

Была б тогда вторая избушка, в тот же день бы в нее убежал. А не было. Вот и стали мы с птахой вместе жить. Женькой ее звали. Я перед ней все шибко сердитым представлялся. Не люблю, когда с расспросами пристают. Поначалу и Женька с того же начала, с чего все вы, студенты, начинаете: а много ли соболей? А как вы их добываете?

Я на нее раза два так зыркнул, что сразу отстала. На следующее утро в тайгу идти. Женька раньше меня поднялась, завтрак приготовила, поела, встала на свои узенькие лыжи да и убежала. Я на целый час позже ее из дома вышел. Иду по своей лыжне и черта поминаю: всю лыжню поломала девчонка окаянная. Куда своим старым следом ни сунусь, везде она уже побывать успела. Вечером в избушку вернулся, а Женька уж дома. Печка истоплена, обед сварен. Сидит девчонка у стола возле коптилоч-

ки, дневник свой пишет, а сама какую-то песенку напевает.

И, поверишь, стыдно мне стало. И чего, думаю, ты, старый, перед птахой этой из себя бирюка корчишь?

— Добрый вечер, — говорю, — Женя. Умаялась, поди, за день?

Услыхала она ласковые слова, аж расцвела вся.

— Что вы, Александр Матвеевич! У меня ж первый разряд по лыжам. Сегодня обошла я весь путик ваш, соболиные следы учитывала. Да раздевайтесь же вы скорее, у меня и так уже суп перебрел.

И такая тут жизнь у меня пошла, а тебе скажу! Будто солнышко закоптелые стены осветило. Ни минуты не сидит Женька на месте. То латку к моему ватнику пришивает, то пироги из черемухи стряпает, да все с песенкой, с шуткой.

Стал я ее и в тайгу брать с собою, свои ловушки показывать, охотничьей науке учить. Шустрая девчонка оказалась, на лету все схватывала. Не подумай, грешным делом, что я в свою птаху влюбился. Просто, дивно мне было смотреть, как она меня, будто малое дитя, обихаживает. Такой заботой мало меня жизнь баловала.

С недельку мы эдак с ней прожили, да тут беда и приключилась: порубила Женька ногу топором. И ранка-то небольшая, а жар у девчонки поднялся, ночью бредит. Лечил я ее, как мог. Лиственничного бальзаму к ране прикладывал, чаем с малиной поил. Двое суток от постели не отходил, на трети хворь-то ее отпустила. Встала Женька с постели,

а ходить-то не может. Я опять в тайгу на промысел бегать начал, а она сидит одна в избушке, тоскует, работа у нее стоит.

Стал я тогда потихоньку от Женьки сам за нее следы считать. Хоть грамотешки у меня и маловато, а с этой работой справлялся. Нехитрое дело — на бумажке отметить, где и какой соболик через лыжню перешел.

Вернусь домой, а Женька, будто синица нахохленная, сидит и песенки свои петь перестала.

Чем же, думаю, взвеселить девчонку? И придумал-таки. Поставил капкан на соболя, а дужки у него тряпочкой обернул. Наутро попался мне соболик, совсем целехонького я его Женьке принес. Вот радости-то было! С утра до ночи девчонка со зверьком занималась. Я сперва думал, что просто забавляется она с ним. А потом оказалось: опыты ставит. Когда зверь встает, когда спать ложится, какую пищу лучше уважает, а какую дальше чует. И все это в тетрадь записывает. И снова моя птаха песни запела, и снова весело в избушке стало. Потом и нога поджила у Женьки. Отдал я ей свои записи, она от радости даже плясать вздумала. До конца промысла мы с ней вместе прожили, вместе и домой пошли. Увезла Женька и соболика в институт свой. Говорила, большая польза от него науке будет. Восемь лет с тех пор грошло, а каждый праздник от нее телеграммы получаю.

Вот и суди теперь, как надо вдвоем в одной избушке жить и какая вежливость у нас в цене.

Тайна пруда раскрыта

Восьмом номере «Уральского следопыта», в прошлом году, была напечатана моя заметка «Тайна пруда». Я получил несколько писем, в которых читатели предполагали, что штрек сделан в то время, когда пруд еще не существовал, и никакой тайны в этом нет.

Я, признаться, тоже придерживался такого мнения, но все-таки не успокоился и стал разыскивать бывших старателей. Один из них, 86-летний Лифантий Григорьевич Пономарев, рассказал

— Не упомяну, в каком году это было. Дядя мой Яков Боровков начал сговаривать нас золото под прудом добывать: раз его около цехов в заводе находили, значит, оно должно быть и под плотной.

Зима была, когда он нас на золотишко сговаривать принялся. Отступили мы от плотины сажен на десять, лед выдолбили и давай в дно колья из бревен забивать. Чигень — называются колья-то. Сперва маленький квадрат из чигеня, а вокруг него другой, побольше. Пространство между стенками глиной завалили. Изнутри малого квадрата воду откачали, дно и оголилось. Туда спустили сруб, как в колодец. Саженей восемь прошли и добрались до песков, в которых золото было. Сделали штреки — один вдоль плотины, другой вдоль

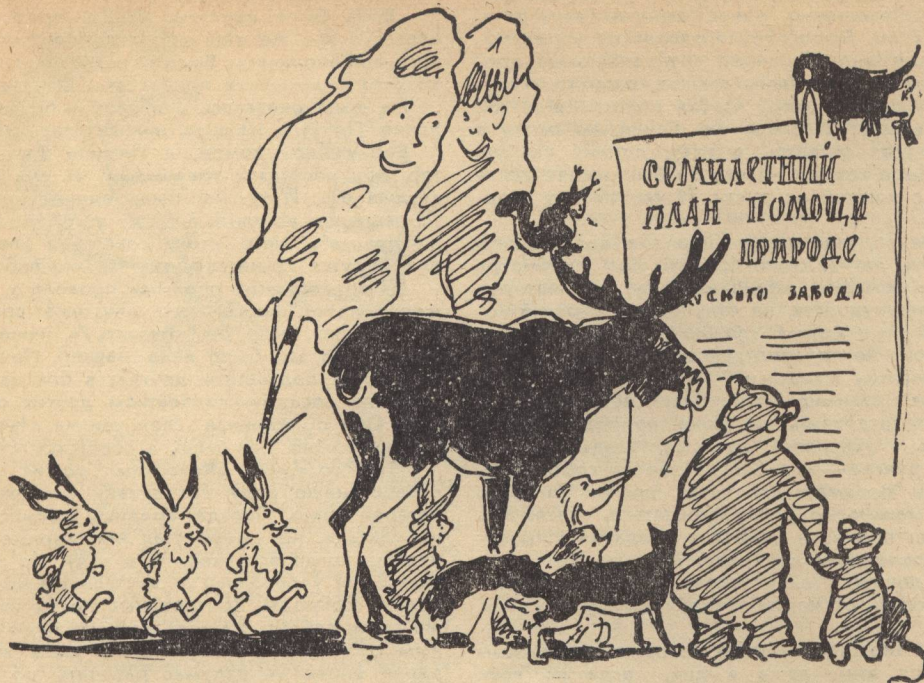
пруда. Закрепили их. Вода над нами просачивалась понемногу, но мы ее бадьей откачивали. Наверху вороток стоял, песок бадьей поднимали и промывали.

Всю зиму и работали. Как-то раз спустились в шахту я да Семен Козин, чтобы штрек подкрепить. Только начали крепить, вода быстро пошла. Крикнул я Семену: «Вылезай!». Вытащили его в бадью, а после меня. Затопило все. Видно, когда место для пруда готовили, лес вырубил, а корни от пней в землю ушли. По ним вода и просочилась...

Мне кажется, что рассказ старого золотоискателя приоткрывает давнюю тайну штреков под Верх-Нейвинским прудом.

С. ШИТОВ

НА ОСЕЛКЕ ПРИРОДЫ

Борис РЯБИНИН

Рисунки Ю. Ефимова,

Природа... Как часто мы повторяем это слово, не вдумываясь в его смысл! А что это такое — природа? Как ее понимать? Как относиться к ней?

Каково ее значение в нашей жизни? Материальное? Нравственное? Эстетическое?.. Ведь ее влияние поистине беспредельно!..

Для меня отношение к природе и «не умеющим говорить» существам — паспорт человека, его характеристика и, может быть, более точная, чем обычная служебная.

Человек — покоритель Вселенной. Он заглянул в межзвездные миры. Да, да, мы уже с полным правом можем говорить так, ибо, если сегодня стоим на пороге этого, то завтра самые дерзновенные, самые фантастические помыслы станут совершившимся фактом. Человек подчи-

нил себе природу. Но значит ли это, что он должен ее только «покорять»? И почему покорять? Неужели только в том его миссия?!

Слишком расточительно использовал человек ресурсы природы за тысячелетия своего владения ее богатствами. Он очень долго только брал, почти ничего не давая взамен.

Гражданин Земли обязан позаботиться о природе.

Пример должны подать мы — люди страны Советов.

А для нас вечным примером будет Ленин. Вспомним, как возмутился Владимир Ильич, узнав, что какой-то губначпрод губит рыбу в низовьях Дона, как был зол на этого не известного ему деятеля в худшем смысле слова, и приказал не только «снять» виновного, но проследить,

чтобы «господин» этот (выражение Владимира Ильича) обязательно понес строгое наказание.

А как он, Ленин, вознегодовал на управляющего санаторием Горки за срубленную на дрова ель (хотя время было тяжкое, разруха, и срубили-то ель для того, чтобы отопить его же, Ильича, комнату). И как он, Ленин, на охоте в лесу не стал стрелять в лису, потому что уж больно была хороша. И как он был заснят фотографом с кошкой на руках. И как ласкал дворняжку...

А как он, еще в годы царизма, возвращаясь из ссылки, не захотел бросить без присмотра собаку, с которой ходил на охоту, и, невзирая на тысячи неудобств, на свирепый сибирский мороз, пургу, на другие сложности пути, вез ее с собой, пока не подарил другому ссыльному, также любившему животных.

А как Владимир Ильич тушил лесной пожар!

Хотел отдохнуть на лоне природы (отдыхать-то ему удавалось нечасто), глядь: дымок! Засучил рукава — и в бой! Увлеч за собой других, весь перемазавшись, устал, прожег пиджак. Зато не дали огню распространиться, спасли лес.

Ленин подписал декрет о создании Ильменского заповедника на Урале. При нем были изданы и вошли в силу законы, благодаря которым спаслись от истребления и вымирания лось, сайгаки.

Владимир Ильич Ленин находил возможным заниматься этим даже в дни, когда по всей стране гремела гражданская война, когда, казалось бы, совсем не до того...

* * *

Особенно понимаешь негодование того представителя Общества охраны природы, который на заседании в стенах Свердловского облисполкома настойчиво требовал предания суду руководителей одного из крупнейших предприятий Урала — Нижне-Тагильского металлургического комбината. Стоя перед собранием, невысокий, круглолицый, плотный, он гневно потрясал пачкой бумаг: вот что гласят советские законы, вот чего они требуют от наших граждан! Почему же мы не воспользуемся правом, которое они нам дают, не пустим их в ход?

Что случилось в славном рабочем городе Нижнем Тагиле?

А вышло все так.

Директор Нижне-Тагильского завода пластмасс ездил на точно такое же предприятие в Голландию. Обошли все цеха, осмотрели производство, и тут вдруг наш директор возьми и спроси:

— А как у вас с водооборотом? Покажите ваши очистные сооружения...

Отвод и очистка промышленных вод — одна из главных и наиболее проблем в общей проблеме сбережения и охраны природы. Сколько погублено рек, озер! Загрязнены бассейны, на которых стоят крупные промышленные предприятия; погибла рыба, обезображена природа, нанесен ущерб народному хозяйству.

Главный инженер, голландец, сопровождавший нашего директора, любезно согласился:

— Пожалуйста.

Пришли к очистным сооружениям. Инженер попросил сотрудника принести ему стакан, зачерпнул отработанной воды из отстойника и полный до краев протянул гостю.

— Прошу вас. Попробуйте.

Вода была идеально чиста, прозрачна, как слеза. И все же наш директор поежился от такого предложения. Выпить воду, участвовавшую во всех химических процессах... Отравал!

Но вода оказалась отличной — прямо на удивление. Приятна на вкус, никаких запахов.

Вернувшись домой, в Нижний Тагил, директор все рассказал товарищам. И они краснели, слушая его. И тут же было единодушно принято решение: вступить в битву за природу, на деле доказать, чего стоят советские люди, если они берутся по-настоящему за что-либо!

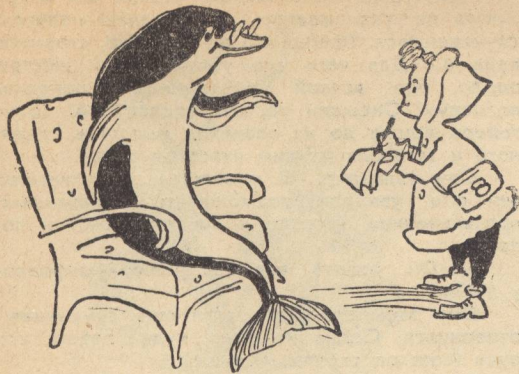
Пластмассовцы первыми провели у себя ряд мероприятий, после чего очистные сооружения не зазорно было бы показать и инженеру-голландцу. Но это было лишь начало. Почин пластмассовцев подхватили другие; в бой за природу вступили соседи — коллективы других предприятий. Они объединили свои усилия. Началось то, что возможно уже лишь в советской стране.

Так, соседний «Коксохим» решил обрабатывать отработанную воду на заливку выгруженного из батарей кокса. Правда, вредные примеси частично улетали, но ущерб стал неизмеримо меньше, нежели когда все уходило в воду. На предприятиях были учреждены общественные комитеты по охране природы. Контрольные посты из молодежи стали следить на всех узловых пунктах за точным соблюдением технологии, дабы кто-нибудь вдруг вновь не вздумал работать по старинке, отравлять воду, засорять воздух, губить растительность и живность. Взялись за это все как один.

Отличных результатов добился Уралвагонзавод. Директор этого предприятия — подлинный энтузиаст охраны природы — дал указание разработать свою, заводскую семилетку помощи природе: ныне сделать одно, на следующий год — другое и т. д.

Замечательное начинание! А почему бы так же не поступить всем предприятиям от мала до велика? Да не только в Нижнем Тагиле, не только на Урале, а повсеместно, во всех краях и областях, по всей необъятной нашей советской стране? Семилетка помощи природе... Как это прекрасно звучит! А потом другая такая же семилетка, за нею — третья... Начать движение! Мы призываем всех подумать над этим. (И, к слову, лично я убежден, что это не потребовало бы, или почти не потребовало, затраты дополнительных государственных средств: ведь у каждого предприятия есть неиспользованные внутренние резервы, надо только найти их — найти и пустить в действие!).

Город Нижний Тагил — старое «горное гнездо», как называл его Мамин-Сибиряк, город рабочей славы, стал, таким образом, застрельщиком движения за сбережение природы.

И вот (не перевелись еще несознательные!) в эту самую пору, когда уже были достигнуты первые заметные результаты, чище стало небо над Тагилом, снова запоблескивала чешуей, заходила рыба в городском пруду, Нижне-Тагильский металлургический стал сбрасывать отработанные воды в реку Тагил. В один день, в один час были сведены на нет усилия многих и многих, огромного количества людей... Да как можно без возмущения взирать на это?! Возможно, конечно, что там у них, на металлургическом, случилось что-нибудь: комбинат огромный, и все же нельзя до бесконечности оправдываться производственными трудностями. Захотели бы — не случилось бы!

Не знаю, как кто, но я был целиком на стороне того, кто настаивал наказать виновных в пренебрежении к общественным интересам... Другим не повадно будет!

Пора понять: в общем круговороте жизни каждому отведено свое место. Твой промах ощущается другими, от твоего недогляда или безразличия — беда для всех.

* * *

Как часто мы творим зло по недомыслию, причиняем беды природе (и самим себе!) легким, бездумным отношением к ней!

...Наша изыскательская партия работала в степях Прикаспия. Дела подвигались к концу, и каждый жил ожиданием скорой перемены обстановки. Всем уже достаточно надоел этот однообразный пейзаж: выжженная солнцем, чуть всхолм-

ленная равнина с редкими ежиками — «колками» леса, яркое синее небо над головой, желтая шуршащая трава, песок и зной, зной и песок...

Мы только что вернулись в лагерь, отпустив рабочих, и готовились принять «порцию пищи», как выразался общий любимец и балагур Сашка, исполнявший обязанности шеф-повара, как вдруг возглас нашего старшего, Петра, привлек общее внимание:

— Ребя, лось!..

И верно, лось. Откуда он взялся? Он медленно брел по палимой солнцем, пышущей жаром травянисто-желтой пустыне, время от времени вскидывая свою тяжелую горбоносую голову, увенчанную могучими рогами, и тяжело переставляя ноги. Вероятно, он увидел нас даже раньше, чем мы его, но это не вызвало у животного ни испуга, ни радости.

Вид зверя говорил о том, что он идет уже давно и измучен до последней степени. Бока подвело, шерсть приобрела какой-то тусклый оттенок. До сих пор не представляю, что могло привести его в местность, где лоси обычно не водились. Может быть, бескормица, может быть, что-либо другое... По всей видимости, он вышел из леса, темневшего на горизонте; вероятно, помимо голода, его томила жажда, и торопился достичь реки Урал или какого-либо озера, чтоб погрузить в его прохладные воды свою морду. Но озерки все пересохли, а до Урала было еще далеко...

— Хороший ужин получится!... — услышал я сладострастный Сашкин шепоток. Сашка дрожал от возбуждения, в черных глазах его зажегся плотоядный огонек.

— А рога можно в кабинете повесить...

Это сказал Петр. По рангу старшего он уже полагал, что рога должны достаться непременно ему.

Дальнейшее развивалось в стремительном темпе.

Петр с не свойственной ему живостью прыгнул в машину и запустил мотор, за ним последовал Сашка. Этому стихийному порыву поддавалась даже наиболее рассудительная и сдержанная из нас четверых Майя, сидевшая за дневными записями на пустой банке из-под бензина. Она каждый вечер приводила их в порядок.

Единственная женщина в нашей мужской компании, Майя была в наших глазах самым целомудренным, одухотворенным человеком. Она любила стихи, наизусть читала почти всего «Онегина» и внешне не была дурнушкой, и, если говорить честно, каждый из ее коллег-мужчин

тайком лелеял мечту понравиться ей больше других. Как ее увлекла идея погони за сохатым — не могу понять. Впрочем, вероятно, в ту минуту никто не думал о возможных последствиях.

Они позвали меня, но я медлил. Петр яростно выругался; машина взревела, выбросила комок вонючего ядовито-синего дыма и, взметая пыль, подсакивая, как тарантас на ухабах, понеслась по сухой степи.

«Куда вы? Зачем?!» — замерло у меня на губах.

Лось не сразу понял, что они направляются к нему. Некоторое время он еще продолжал идти с прежней скоростью и тем же курсом, и, только когда машина приблизилась, перешел с шага на рысь. Вездеход тоже прибавил газу. И началось...

Кто кого? Железный мотор — или живое, бьющееся сердце и мускулы из плоти и крови? Какое неравенство запаса, прочности сил!

Пробежав сотню метров, лось, чтобы избежать встречи с преследующим его тархтящим чудовищем, повернул под прямым углом. Машина на повернула тоже. Я бросился им наперерез.

— Не надо! Не надо, ребята!..

Я не думал о том, что охота на лосей запрещена и карается законом (кто в этой глуши мог изболочить нас, составить протокол?). Мы были обеспечены всем необходимым. Стоило ли из-за нескольких кусков мяса убивать взрослого лоса? А рога... Да пропади они пропадом! Можно ли ради сомнительного трофея губить такое прекрасное, крупное, живое существо?! Когда-то в Африке убивали слонов из-за бивней. В Северной Америке истребили начисто бизонов из-за их шкур. Шкуры обдирали, туши бросали на съедение воронам и койотам, и так было выбито все бизонье стадо — миллионы голов... Но, в конце концов, дело было даже не в этом, а в чем-то неизмеримо важнейшем...

Я видел, как азартно вращал туда-сюда баранку Петр, как подсакивала на сиденьи Майя и что-то кричал, размахивая руками, Сашка... Я страстно желал, чтобы машина попала в вымоину, сурчящую нору, чтоб лопнула камера или случилась поломка, но ГАЗ-67 продолжал упорно преследовать зверя. Он настигал его. Вот они поравнялись... Толчок! Я почти физически ощутил его. Лось упал и тотчас поднялся, побежал опять. Но теперь он бежал как-то странно, вприпрыжку, сгорбясь и поджав под себя заднюю ногу...

— Не надо! Остановитесь!..

Тщетно. Они не слышали.

Зверь и машина столкнулись еще раз. Теперь автомобиль буквально повалил животное. Сашка слетел с сиденья, взмахнул рукой, что-то блеснуло на солнце... Лезвие! Ну да! Сашка же носил нож у пояса и всегда пользовался им, когда надо было очинить карандаш, вырезать палку или вскрыть консервы...

Когда я добежал и перевел дух, все было кончено. Лось лежал на боку, откинув голову; одна нога, сломанная, была неестественно вывернута; песок уже успел впитать кровь. Агония прекратилась. Лишь, постепенно затихая, продолжала пульсировать жилка на шее, еще недавно так упруго поддерживавшей гордую голову...

Зверь лежал странно тихий, непонятно неподвижный, и только длинные борозды на земле, оставленные отростками рогов, говорили о предсмертных конвульсиях, о последней боли...

Притихшие, потрясенные, стояли мы вокруг. Как-то не укладывалась в сознании нелепость случившегося. Только что он был жив, стремился куда-то... Для чего его убили, убили жестоко, подло, без всякой необходимости переехали колесами? Онемели те, кто сделал это. Только теперь дошла до их сознания мерзость содеянного и затопила жгучим чувством стыда.

Они увлеклись. В неожиданном происшествии они увидели возможность поразвлечься; «развлечение» привело к преступлению, к подлости.

— Ой, ребята, как нехорошо! — вырвалось у Майи.

Она зарыдала. Петр стал еще сумрачнее и отвернулся. Сашка не знал, куда девать свои руки (нож он спрятал раньше).

Я не мог поднять на них глаза. Как все вышло? Почему они допустили это? Теперь они растеряны, им стыдно, но где они были раньше?

Они вдруг стали неприятны мне. Я не мог больше находиться рядом с ними, дышать одним с ними воздухом. Скорей закончить работу и разъехаться! Ни за что не приду я в кабинет Петра, не буду смотреть на рога над ковром. Больше не хотел и понравиться Майе...

* * *

Этот далекий по времени эпизод вспомнил мне еще раз недавно и вот по какому поводу. Вместе с комиссией Общества охраны природы мы побывали в виварии научно-исследовательского института. Институт готовил будущих ученых, деятелей медицинского мира, людей, у которых должно быть широко открытое для добрых деяний, щедрое и умное сердце. И что мы увидели там?

Во дворе, под открытым небом, в гипсе и повязках безропотно умирала собака, отслужившая свой срок на лабораторном столе.

— Почему вы не усыпите животное? — спросили мы у студента, равнодушно взиравшего на прооперированное животное.

— Это же мусор, — ответил он безразлично.

...Кто говорит, что опыты не нужны? Но ведь можно быть жрецом науки и сохранить сердце, человеческие чувства!

В конце концов, если животное стало не нужно, отслужило полностью, можно же усыпить его безболезненным способом, и для этого исследователь вооружен многими средствами!

Животное — мусор?! А завтра, быть может, таким же мусором в его глазах окажется умирающий человек.

* * *

...А что мы знаем об их уме и чувствах? Сеченов говорит, что все акты сознательной и бессознательной жизни, если рассматривать их с точки зрения их происхождения, суть рефлексы. А кто скажет, где кончается инстинкт и начинается мышление? Любим ссылаться на Павлова. Но ведь и Павлов, рассердившись на тех, кто, как попугай, повторял за ним, сказал однажды: «Затвердили: все рефлексы да рефлексы, а где же сообразительность, ум?».

Кстати, он же завещал быть бережливыми к живой материи, не допускать ненужной жестокости при осуществлении научных экспериментов. Это записано в его трудах как наказ будущим испытателям естества.

Временами я хожу с неотвязной мыслью: а может быть, они понимают то, что совершается над ними? Видели бы вы, как посмотрела на нас собака, в присутствии мыслящих человеческих существ погибавшая без присмотра и пищи, погибавшая после того, как отдала людям все, что могла... Мне никогда не забыть этот молчаливый укор.

Рассказывают, что в той же лаборатории Павлова был поставлен опыт: обезьяну приучали бояться красного сигнала. За синий она получала апельсин, за красный — удар током в руку. Экспериментатор наблюдал через прорезь клетки. Ошибившись несколько раз и получив вместо ожидаемого удовольствия неприятность, шимпанзе повернулась и с сердцем плюнула в прорезь. «Эх, друг, — сказал ее плевком, — уж не полагаешь ли ты, что я такая круглая дура?..»

Несомненные признаки какого-то ума можно обнаружить во многих поступках четвероруких. Не случайно их выбрали объектом постоянных физиологических исследований, не случайно нарекли человекообразными.

Наука шагает семимильными шагами. Что она скажет нам завтра? Давно ли считалось, что рыбы немые (даже поговорка была такая: нем, как рыба), а они, оказывается, «разговаривают», и глубины океана вовсе не безмолвны, как могила, а полны разнообразных звуков, выпускаемых его обитателями.

Как сообщило ТАСС, советские ученые сконструировали специальный аппарат для записывания голосов рыб и морских животных. Он очень портативен и напоминает репортерский магнитофон. С его помощью исследовав многие крупнейшие водоемы европейской части Советской России, удалось установить, что белуга, например, владеет четырьмя видами

звуков и, кроме того, своеобразной локационной «установкой», помогающей ей в пути.

По мысли исследователей, со временем это может пригодиться для привлечения косяков рыб при ловле (или, наоборот, для отпугивания ненужных); но, кто знает, может быть, в будущем послужит и для чего-нибудь совсем другого.

А как вы отнесетесь к такой фразе: «Я абсолютно убежден, что через двадцать лет люди смогут разговаривать с другими существами»? Поясню, что речь идет не только об обитателях других миров, которые могут подать голос из глубин Вселенной, но также и о существах нечеловека, населяющих Землю.

Фантазия? Бред сумасшедшего? Ничуть. Именно такими словами начинает американский ученый Джон Лилли свою статью, опубликованную в конце 1962 года московским журналом «Наука и жизнь».

За последнее время чудеса сообразительности обнаружили у дельфинов. Их показывают в цирках. За ними установлено круглосуточное наблюдение в лабораториях биологов. Эти морские млекопитающие проявляют поразительные успехи в дрессировке, приобретая нужные навыки несравненно быстрее обезьян и собак.

«Пять лет научных исследований, — сообщает Лилли, — убедили меня в том, что дельфин... способен вести беседу с человеком». Не больше и не меньше — беседу!

Может быть, профессор увлекается, как всякий одержимый идеей человек, но он уверяет, что дельфины способны петь хором, безошибочно повинаясь взмахам дирижерской палочки, что у них великолепная память, чрезвычайно веселый, приятный нрав и удивительный музыкальный слух, которому могли бы позавидовать многие.

Поезжайте к рыбакам, жителям прибрежных селений у теплых лагун, где водятся дельфины. Вы услышите много старинных преданий и поэтических легенд — как дельфины спасали тонущих детей, как выручали из беды, когда мореплавателям грозили кораблекрушение и гибель, внезапно приходили на помощь терпящим бедствие... Может быть, они имеют под собой реальную основу?

В древней Греции убийство дельфина приравнивалось к убийству человека. Может, тоже не случайно?

На Черном море, в советских водах, был эпизод. Дельфин поднырнул под тонущую женщину и, вытолкнув ее вверх, помог ей спастись. Около местечка Опонони, в заливе Хакянг-Харбор (Новая Зеландия), одно время ежедневно показывался дельфин-афалина, прозванный Опо-Джеком. Он безбоязненно подплывал к купающимся, играл с ними, брал пищу из рук. Ему на спину сажали ребятишек, и он катал их, никогда не ныряя.

На Средиземном море, близ местечка Бай-аз, что около Неаполя, дельфин подружился с одним мальчиком и в течение нескольких лет перевозил его на спине через залив, когда тот направлялся в школу.

«Интеллигенты морских пучин» назвал статью о дельфинах журнал Академии наук СССР «Природа», опубликованную в одном из номеров 1963 года в разделе «Загадки природы». И вправду — «интеллигенты», коли знают даже

правила обхождения с детьми, «помогают» ребятам посещать школу!

Доктор Лилли полагает, что со временем дельфины будут помогать нам находить косяки рыбы в океане во время лова, приносить образцы морского дна, указывать, куда упали капсулы ракет или где затонул корабль, заменив водолазов-людей...

И это еще не все. Любопытным читателям могла запомниться заметка в «Комсомольской правде» под интригующим названием: «Дельфины учатся космическому языку» (март, 1963). О чем идет там речь?

Прочитирую несколько строк: «Нет сомнения, — пишет газета, — что человек — не единственное разумное существо в бесконечных просторах Вселенной. Но если удастся наладить связь между нашей и инопланетной цивилизацией, то на каком языке будет вестись такой космический разговор? Одну из наиболее интересных систем общения разработал датский математик Ганс Фриденваль. Он исходил из предположения, что основные математические законы и математическая логика универсальны. Основываясь на этом, он разработал систему обмена информацией «Линкос» (космический язык).

Возможность передачи информации мыслящим существам внеземных цивилизаций, естественно, нуждается в экспериментальной проверке...» Как же это сделать? Оказывается, «в земных условиях проверку можно произвести только на животных»...

Чувствуете, куда клонится дело? Нужно средство общения, надобен язык не только всечеловеческий — нет, гораздо шире! — язык, который могло бы понять любое мыслящее существо. И вот оказалось, что лучше всего для подобных экспериментов подходят все те же дельфины. Ибо «они легко поддаются дрессировке как индивидуально, так и групповой (последнее особенно примечательно — Б. Р.), могут выполнять совместные действия, например, плавать по заданному сложному маршруту, совершать определенные упражнения с различными предметами» и т. д. и т. п.

Не чудесно ли это? И кто сможет отрицать, не явятся ли в будущем дельфины связующим звеном между людьми и другими, неземными, существами...

На нервную деятельность животных, на зоопсихологию, как на увлекательнейшую и совершенно неведомую пока еще область исследований (изучены лишь только самые общие механизмы; а пропасть частных — совершенно «не поднятая целина»!), область, где могут таиться всякие неожиданности, самые потрясающие открытия, указывают все физиологи.

* * *

Растения, в отличие от животных, не имеют нервов, не могут страдать, тосковать, огорчаться, хотя в последнее время ученые открыли и у них «условные рефлексy». Индийские ученые утверждают, что растения реагируют на музыку и подбором соответствующих мелодий можно заставить ускорить или замедлить их рост.

Растение порой постигает та же участь, что и животное...

...Жгучее чувство стыда (увы, увy) должна была испытывать женщина, которая сплила тополь под окнами квартиры моих московских знакомых. Тополь рос давно. Весной, когда открывали окна, он наполнял запахом свежей зелени и шорохами листья комнату, в его гуще кричали воробьи, прилетали и пели какие-то другие пернатые певцы. Пичужки «беспокоили» эту даму.

Убежден, что с той же легкой душой, не моргнув и глазом, она могла бы (если бы только это зависело от нее!) снести целую корабельную рощу, уничтожить походя великолепный сосновый бор, парк с вековыми деревьями... Что ей до земной красоты, до людей, которые радуются ей! Такие, как она, способны причинить еще и не такой ущерб.

Подобную же неприязнь вызвал у меня парень (хотя он руководствовался и другими побуждениями), который залез в общественный сад в пору весеннего цветения и варварски выломал всю сирень.

Он, видите ли, собирался на свидание к милой. И, кроме нее, значит, ему не было ни до кого дела, абсолютно наплевать на всех. Другие могут поторчать и около обломанных кустов. А если даже кусты засохнут совсем, тоже не беда... Стремился к красоте, казалось бы, руководствовался прекрасными чувствами, а творил безобразие. Вот ведь как получается иногда!

Ограниченность и эгоизм не имеют удержу, если перед ними не воздвигнуть надежную преграду.

Сегодня сирень, тополь, завтра — птицы...

* * *

...Значит ли, что все это относится лишь к области эмоций, к той тонкой, деликатной сфере, где все зыбко и многое может быть подвергнуто сомнению, оспорено (хотя жестокость всегда остается жестокостью), или, в лучшем случае, к делам какого-то отдаленного будущего (вроде надобности в «космическом языке»)¹, не имея никакого, хотя бы отраженного влияния на нынешние людские дела, никакого практического значения и смысла?

Если бы!...

Чувствование природы, понимание ее языка и потребностей имеет самое наипрямее отношение к повседневным проблемам жизни, к тому, как нам хозяйствовать на своей земле.

Мы показали это на примере с Нижним Тагилом, Уралвагонзаводом.

А вот еще один из злейших видов хищничества — глушить рыбу взрывчаткой. При взрыве погибает все живое в воде, и поэтому сие запрещено категорически.

И тем не менее...

Есть такая сейсмическая разведка. На определенном расстоянии производятся взрывы. В различных горных породах звук распространяется различно. Ударившись о толщу земли, он возвращается назад и приносит сведения о том, что скрыто в глубине.

Великолепным проводником ударной волны, как известно, является вода. И вот кой-кто

¹ Хотя не известно, когда он может понадобиться нам. Может быть, очень скоро!

из геологов додумался производить сейсмическую разведку в воде.

— Дешевле и проще, — объяснил мне один из них.

Да, возможно, проще. Но дешевле ли? Товарищ не подумал о том, что взрывом губится все живое в воде, река или озеро на большом протяжении превращаются в кладбище, и конечный государственный ущерб от этого намного превосходит ту частную, временную выгоду, которая достигалась геологами.

Помню, как возмущался один знакомый разведчик, когда ему не разрешили поступить так в одном из районов Свердловской области.

— Вот, понимаешь, бюрократ тоже!.. — ругал он на чем свет стоит председателя райисполкома, который упорно стоял на своем, ревностно оберегая природные богатства своего района и не соглашаясь с доводами геологов. — То ли дело, мы в Сибири работали... Вот раздолье! Просторы большие, никто за тобой не смотрит...

Он оставлял за собой пустыню, умерщвлял озера — и был горд этим! Наверное, если бы он был больше проникнут чувством природы, понимал, что ее тоже надо жалеть, он не делал бы так.

Для разведок в воде можно ведь изыскать и другие способы. Да они, возможно, и существуют. А если нет, разве это уж такая трудная задача при современном уровне развития науки, техники? Убежден, нужно лишь доброе желание.

Равнодушие к природе может иметь и многие другие последствия. Мой родной город Свердловск и другие уральские города быстро растут. Им нужна вода — питьевая, техническая. Воды не хватает. Воду приходится искать, подводить издалека. И в то же самое время в план очередных лесозаготовок включаются замечательные сосновые боры по реке Пышме, входящие в водоохранную зону. Лесозаготовителям проще рубить здесь. Опять «дешевка». А то, что завтра придется вкладывать крупные средства, чтоб дать воду заводам Свердловска, другим индустриальным гигантам, — их, видимо, не касается.

* * *

А вот в другом краю советской земли, в Ялте. Я не бывал там с довоенных лет. Приехал и поразился: а где же пляжи?

— Да, с пляжами у нас туговато, — отвечали местные товарищи.

Бесспорно, отдыхающих на Южном берегу Крыма год от года становится все больше. Однако дело не только в этом.

Виноваты строители: они выбирают песок со дна моря, неподалеку от пляжей, а это ведет к весьма нежелательным последствиям: к сползанию берега в море, берег обваливается...

Близко от Ялты, этой жемчужины советского знойного Юга, залежей песка нет. Решили позаимствовать у моря, в прибрежной полосе. Может быть, это в какой-то мере было оправдано тогда, когда требовалось срочно восстановить в Ялте разрушенное войной. Но этому нет оправдания сейчас. А меж тем рефутерная баржа и поныне болтается в море близ городских пляжей. Она сосет песок с черноморского дна, и с каждой тонной этого «выгодного» стро-

ительного материала (выгодного строителям и портовикам, но отнюдь не народному хозяйству в целом) продолжают уходить под воду чудесные ялтинские пляжи.

Море коварно. Если оно что-то дает, так оно стремится и взять за это. А Крым — оползневой район. Нарушилась структура дна близ берегов — начался необратимый процесс.

Ушла под воду часть новой набережной в Алуште. Новой, я подчеркиваю, построенной после войны. На восстановление ассигнованы крупные суммы. И построят, восстановят. И опять набережную слижет волнами в шторм. Зато — «экономия» на песке...

Мне сказали, сколько потребуется вложить на восстановление пляжей. У меня волосы зашевелились на голове. Миллионы!

Хороший хозяин так не поступает. Он взвесит и подсчитает все. Простой арифметический расчет говорит за то, что лучше, дешевле привезти песок из Симферополя или еще откуда. Был бы сбережен и чудесный крымский пейзаж.

* *

Славное море, священный Байкал...

Сколько лет этой песне? А сколько лет самому Байкалу? Много. Очень много. Давно он украшает нашу землю, давно служит человеку. И вот теперь, думая о нем, я испытываю жгучую тревогу: не приходит ли конец его существованию?..

Дело в следующем. Мы взялись осваивать богатства Прибайкалья. Вокруг Байкала — лес, огромные неиспользованные запасы его. Лес на Ангаре, в районе строительства Братской ГЭС. Вывозить сырую древесину дорого. Выгоднее обрабатывать на месте. Так родился проект большого деревоперерабатывающего комбината на Байкале. Но куда девать отходы? И вот проектировщики постановили: спускать в Байкал. Озеро большое, все вытерпит.

А оно не вытерпит. Надо вам знать, что отходы деревоперерабатывающей промышленности — самые опасные для воды, самые убийственные (начинается брожение древесины, выделяются ядовитые кислоты). И хотя Байкал — озеро проточное, но оно очень глубокое (до тысячи семисот метров!), в глубине вода стоячая; отбросы будут оседать там и быстро насмерть отравят все.

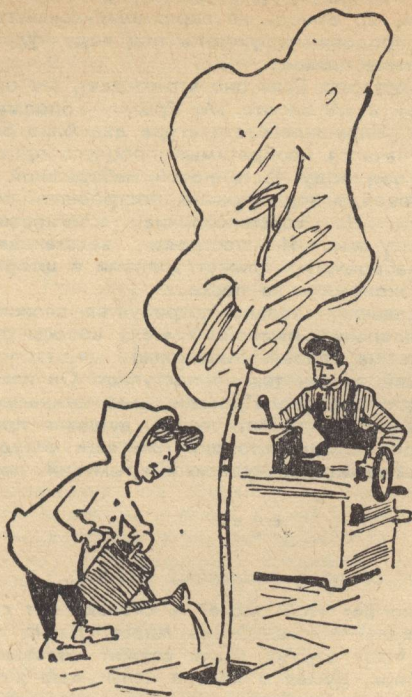
Отравить Байкал! Обречь на гибель единственный в своем роде на земном шаре пресноводный бассейн, погубить многочисленные реликтовые¹ растительные и животные виды, не встречающиеся больше нигде! Байкал — это тюлень, знаменитый байкальский омуль... Казалось бы, и разговора быть не может никакого, никаких двух мнений — и вот находятся же люди!..²

А всего-то и нужно, чтобы избежать несчастья, сохранить озеро — протянуть трубу длиной в несколько километров. Тогда все от-

¹ Реликтовый — оставшийся от прежних эпох.

² К слову, это не единственный план использования ресурсов Байкала, связанный с нарушением его режима. Энергетики предлагают свой: понизив уровень озера, употребить часть его вод на выработку электроэнергии. А пример Севана, где теперь приходится возводить дорогостоящие гидротехнические сооружения, чтобы вновь поднять зеркало воды, их ничему не научил?

ходы пойдут в другую сторону. Но это же «лишний расход», он удорожит проект!.. Так рассудили проектировщики.

Вмешалось Общество охраны природы. Казалось, добились результата: труба будет. Но прошло немного времени, и вдруг в печати вновь промелькнуло сообщение: комбинат сооружается, чуть ли не достраивается, вот-вот пуск, а спор, куда спускать отходы, оказывается, все еще не решен...

Спора могло не быть, если бы люди, проектировавшие комбинат, любили и лучше понимали природу, видели, что скрывается порой за мнимой «экономией», скажем, в виде той же трубы, которая, по нашим нынешним возможностям, — ну, право же, мелочь, сущая безделица... Озеро и труба! Даже сравнивать нельзя! К этому надо добавить и следующее.

Товарищи целлюлозники, химики! Мы сейчас создаем Большую химию, воздвигаем новые могучие химические предприятия, чтобы в короткие исторические сроки резко увеличить производство различных химических веществ для страны. Вы выбрасываете в воду отходы, но ведь это — тоже богатство, тоже «химия». На передовых предприятиях уже извлекают из таких «отходов» немало полезного. Может быть, не потребуются строить многие крупные заводы, если до конца извлекать то, что сейчас уходит в шламы, в сбросы, в отвал?

И еще одно замечание. Экономисты подсчитали, что мы могли бы удовлетворить 40% потребности страны в мясе за счет рыбы, вылавливаемой во внутренних водоемах, если бы получше сохраняли эти водоемы... Сорок процентов — почти половина! А сколько надо затратить труда, средств, чтобы произвести эти

сорок процентов на фермах колхозов и совхозов? Тоже следует задуматься.

В этой связи такая характерная деталь. Вот в Дегтярке недавно рабочие своими силами устроили водоем, где можно купаться, ловить рыбу. Хорошее дело? Да. Но... На Урале триста с лишним водоемов, оставшихся еще от демидовских времен, устроенных нашими дедами и прадедами. Многие из них в самом плачевном состоянии. Что же получается? Новое создаем, старое не бережем. Чем гордиться?

* * *

Недавно жаркая дискуссия разгорелась вокруг проекта строительства Нижне-Обской ГЭС. Меня, как уральца, особенно затрагивает и волнует окончательное решение этого вопроса. Хозяйство Тюменской области с некоторыми пор объединилось с хозяйством Свердловской области в едином Средне-Уральском совнархозе. С великой западно-сибирской рекой Обью Урал связан тесными узами.

В чем суть дискуссии?

Все мы заинтересованы как можно более быстрыми темпами наращивать энергетические мощности. Обь — могучая река с неисчерпаемыми запасами «белого угля», дающего, как известно, самую дешевую электроэнергию. Кажется, все ясно... Нет, не все.

Схема энергетического освоения Оби, составленная Гидропроектом, вызвала бурные протесты многих видных советских ученых и ряда организаций. Дебаты выплеснулись на страницы периодической печати. С анализом проекта, с доводами «за» и «против» выступили журналы «Коммунист», «Природа», «Литературная газета». Дважды выступил на эту тему писатель-природолюб Сергей Залыгин. Рассказывал об этом и журнал «Уральский следопыт».

«За» — ну, тут все понятно. А вот «против»... Тут возникает тысяча сомнений. Ведь при создании всякого искусственного «моря» уходят под воду большие пространства земли, уходит лес, уходят сельскохозяйственные угодья... Да ведь тем, что есть на поверхности, еще не определяется истинная стоимость земли. А сколько может лежать в ней, в недрах, скрыто от дневного света! А из бассейна Оби что ни день, то приходят все новые и новые вести: там нашли газ, там ударила из новой буровой скважины нефть... С Оби горячий газ пойдет по трубомагистралям в Свердловск, в другие промышленные центры Урала. Он даст дешевое топливо доменным и мартеновским печам, обогреет многие рабочие поселки. Утверждают, что понадобится пятьсот лет, чтобы Нижне-Обская ГЭС, несмотря на всю ее сказочную мощность, могла выработать такое количество энергии, какое способны дать недра Приобья. А если все нефтеносные и газоносные площади зальет водой, попробуй-ка, добудь! Или строить «морские» нефтяные города по типу Нефтяных Камней на Каспии? Так ведь это не юг, и они тоже вскакивают в копеечку! Это подороже байкальской трубы. Да ведь еще не все разведано. А как вести дальнейшие геологические поиски? Невольно задумаешься и начнешь колебаться: стоит ли огород городить?

Да это еще не все. Площадь затопления при создании Нижне-Обской ГЭС грандиозна, она намного превосходит все известные ранее. Так, по некоторым данным, удельные показа-

тели затопления земель здесь в 30 раз больше, чем в США, и в шесть-семь раз превосходят средние по РСФСР. Без малого в семьдесят раз больше, чем на Енисее. В семьдесят! А ведь земля наша советская, при всей ее величине, тоже не бесконечна, и пора ее тоже жалеть!

С появлением такого большого пресноводного бассейна изменится здешний климат, в низинах появится много новых болот.

Нет, надо очень вдумчиво решать судьбы родной земли. И когда прикинули все это, подумали — ужаснулись!

А Гидропроект упрямится, по его соображениям выходит, что ничего не страшно, плакать и печалиться не о чем, ему важно одно: подавай электроэнергию, скрытую в воде. Упорство, прямо скажем, не совсем похвальное. А вдруг и впрямь выгоднее поискать другое место для станции?

Ведь уже получилось так однажды с озером Севан в Армении. Я помню, сколько восторгов высказано было в прессе по поводу создания Севанского каскада: из высокогорного озера Севан вода по трубам устремляется сперва к одной гидростанции, потом к другой... Кажется, лучшего желать нечего! Но много ли времени прошло, и начал понижаться уровень Севана. Это в свою очередь влечет столько других тяжелых последствий, что теперь инженеры ломают головы над тем, как вновь наполнить севанскую каменную чашу, стиснутую со всех сторон горами, откуда перепустить туда воду? Придется возводить дорогостоящие сложные сооружения... Вот вам и «дешевая» севанская электроэнергия!

Я не специалист и, естественно, не могу судить обо всех тонкостях дела. Но мне ясно одно: самая соблазнительная дешевизна может обернуться неслыханными затратами, если действовать опрометчиво. Энергия превратится в абсолютно невыгодную, если вместе с водой бросить на лопасти турбин остальные богатства природы. Семь раз примерь, один раз отрежь — гласит старая мудрая народная пословица.

Дорогие товарищи противники и защитники пресекта! Сядьте-ка за круглый стол и без лишних обид, без ненужной запальчивости и взаимных оскорблений, а глядя в корень дела, договоритесь, решите все вопросы, решите так, чтобы действительно была только польза всеобщая.

Так природа проверяет не только душевный склад человека, его эмоциональность, но и деловые способности.

Надо ли рубить лес? Надо ли заготавливать песок? Надо ли эксплуатировать богатства озер, морей, рек? Надо, надо, надо! Конечно же, надо! Но весь вопрос в том — как и где.

Триединая задача сбережения природы — использование, охрана, возобновление — будет решена только тогда, когда мы будем проникать глубоко в суть явлений, мыслить широко и видеть далеко. Тогда не будет конца богатствам земли нашей.

* *

Однажды наш земляк, замечательный уральский сказочник Павел Петрович Бажов обронил примечательную мысль: есть люди широкоглазые и узкоглазые, которые видят только

около себя, да и то плохо, а что дальше, с боков, — не видят...

Определенную ограниченность, узость взглядов проявили архитекторы, взявшиеся реконструировать главную магистраль Свердловска — проспект Ленина.

Как-то редакция газеты «Вечерний Свердловск» пригласила меня принять участие в публичном обсуждении проекта реконструкции части проспекта Ленина, точнее — пока что лишь черновых набросков. Большой зал клуба рабкоров в Доме печати был полон.

В общих чертах замысел авторов проекта сводился к следующему: убрать всю зелень с центральной оси проспекта. Кто бывал в Свердловске, тот знает, что почти на всем протяжении главной улицы — дорога, посередине идет сквер. Вот на него-то в первую очередь и покушались архитекторы.

— Бродвей им понадобился, — вездливо сказал пожилой представительный мужчина, сидевший рядом со мной, и я почувствовал в его словах плохо скрытую иронию.

Да, именно Бродвей — это он подметил очень точно. Никакой зелени, каменные плиты да асфальт.

Поняв, к чему клонится дело, зал неодобрительно зашумел.

— А чем вам не нравится сейчас проспект Ленина? — выкрикнул кто-то из рядов.

— Видите ли, — начал объяснять архитектор, — сейчас улица разделена на пять коридоров: тротуар и полоса газона с кустарниками и деревьями, проезжая часть — мостовая, центральный сквер, опять проезжая часть и опять газон и тротуар... Это лишает перспективы, придает провинциальный вид...

На память пришло одно из выступлений «Правды»: «Как сады помешали «архитектурному ансамблю», направленное против тех, кому не жаль зелени, выращиваемой долгими годами труда. Ох, как выстегал тогда центральный печатный орган нашей партии вот таких быстрых на расправу с зелеными насаждениями!

В зале присутствовал еще один архитектор. Почувствовав отрицательную реакцию аудитории и видя, что проект начинает пускать пузыри, он тут же бросил докладчику спасательный конец.

— Я только что вернулся из Бразилии, — сказал он. — Был в Рио-де-Жанейро. И я должен сказать, что там тоже нет зелени в центре города...

Это был, я бы сказал, запрещенный прием. В Рио-де-Жанейро, видите ли, нет, так почему бы и нам не сделать так же?..

А почему мы должны слепо преклоняться перед Рио-де-Жанейро? Магическое слово Рио-де-Жанейро! Комбинатор Остап Бендер когда-то благоговел перед ним. А нам, советским людям второй половины XX столетия, пожалуй, и не обязательно (хотя и мы признаем своеобразную, по-южному яркую и броскую красоту бывшей бразильской столицы).

Хорошее возражение привел один из присутствующих:

— Так капиталисты же не живут в деловом центре города! Они побудут там в своих конторах, а потом уезжают к себе на виллу, за город, где у них и пальмы и все такое прочее. А в центре им, конечно, зелень ни к чему. А нам она нужна везде...

В Рио-де-Жанейро нет зелени! А вот когда к нам приезжал Фидель Кастро, так он как раз обратил внимание на то, как зелены наши города, каким кудрявым, веселым убранством одет Свердловск!

В статье «Правды» («Как сады помешали архитектурному ансамблю») приводилось письмо фронтовика С. Казакова из города Глазова, Удмуртской АССР. В сорок третьем году он воевал под Мелитополем. «Форсировав реку Молочную, — пишет он, — мы вошли в сады пригорода. Нам необходимо было закрепиться на новом рубеже, замаскировать танки, орудия, сделать окопы. И в это тяжелое для нас время мы старались сберечь фруктовые сады, копали окопы, не повреждая корней деревьев. Мы строго запретили рубить деревья для устройства перекрытий окопов, хотя эти перекрытия повысили бы надежность оборонительных сооружений. Но мы знали, что это — наши сады, и на следующий год они принесут урожай нам. Мы деревья берегли. И вот теперь... нашлись люди, которые с легким сердцем губят то, что мы сохраняли ценой своих жизней в годы войны. Они заслуживают строгого наказания».

Следует задуматься над этим письмом. Надо понять, почему люди иной раз рискуют многим, но спасают дерево.

Стоит задуматься над таким характерным штрихом в биографии одного из выдающихся военачальников Советской Армии, генерала В. Петрова. «Человек-легенда» — нарекли его за подвиги и мужество. В боях за свободу Родины он лишился обеих рук. Но и тяжело изувеченный, после того как отгнемели пушки, он неутомимо продолжал сражаться за будущее Отчизны. По его приказу солдатами и сержантами вверенной ему части к 1962 году было посажено 7000 деревьев взамен срубленных во время войны.

Нет, виды этих людей на природу и деревья были диаметрально противоположны воззрениям тех, кто с лихостью, достойной лишь извозчиков, возивших в старину пьяных купцов, сокрушал столетние липы и дубы в мемориальном парке, тщился убрать зелень с проспекта, носящего имя самого дорогого для нас человека...

Перед глазами встает павильон «Березка», построенный недавно в Сочи. Вот где сочетались изящный вкус и бережливое отношение к природным аксессуарам! Огромное дерево пропущено сквозь козырек, нависший над входом в павильон. Оно как бы проросло сквозь строение. И до чего хорошо получилось!..

А «березка в цехе»? Я уже писал однажды в «Уральском следопыте», как рабочие, строившие цех игрушки на Верхне-Пышминском заводе металлоизделий, пожалели березку и не стали ее рубить. Для нее сделали гнездо в полу, обиходили его, и березка осталась жить в цехе, в зимнее время радуя своей молодой кроной работающих слесарей, токарей... Вот пример нового отношения к зеленой красе земли!

* *

Я хотел бы напомнить тем, кто тешит себя мыслью переделать проспект Ленина в американизированный «бродвей» без зелени, о том, как было уничтожено Садовое кольцо в Москве — единственное в своем роде в мире. Оно

было уничтожено в угоду вкусам одного человека. А теперь благоустроители столицы гадают: не восстановить ли его? А сохранили бы в свое время — не надо было бы и гадать.

Зато на какие хорошие мысли наводит эпизод, разыгравшийся весной на Свердловской электростанции.

Сперва было тепло, и природа ожила. Птицы уже выпаривали птенцов. И вдруг лютая стужа, резкое, сильное похолодание; потом снегопад — мокрый, противный, с ветром.

Голодная смерть нависла над черными стрижами. Кормятся они насекомыми, а где взять пищу, когда не отыщешь и мухи. Не будь птенцов, взмыли бы вверх со свистящим шелестом крыльев, сбились в стаю — и прощай, Урал, даешь Юг! До новых встреч здесь, пока не вернутся теплые деньки!

От стрижей стало темно на Верх-Исетском пруду. Рядом городская электростанция, около нее тепло, может, больше повезет и на добычу. Вероятно, так рассуждали быстрокрылые слабые создания. А холод усиливался.

И тогда сотни птичек стали залетать в громадный каменный корпус электростанции. Они залетали и падали.

И вот тут-то к ним на помощь пришли люди в серых спецовках — рабочие.

Старший мастер Новгородцев, потомственный визовец, первый подал команду. Птиц собирали и обогревали. Кто-то было начал совать их за пазуху, поближе к теплу живого тела. Да никаких пазух не хватило бы, чтобы обогреть столько зазябших птичек.

Оживляли на калориферах, везде, где только можно было.

Взволнованный телефонный звонок раздался в Институте биологии Уральского филиала Академии наук СССР: пожилой рабочий Колобов торопливо сообщал о стихийном бедствии, постигшем пернатую братию. На электростанцию немедленно приехал научный сотрудник Добринский. Он стал помогать рабочим. Около сотни обессилевших стрижей он привез домой и потом всю ночь напролет кормил их с пипетки сахаром, растроанным в воде.

Птички залетали через форточки в квартиры Верх-Исетского поселка. И там всю ночь шла борьба за спасение стрижиных жизней. Птиц подбирали на чердаках, сеновалах, во дворах, огородах.

Люди самоотверженно помогали нежным крылатым созданиям. Добрые, хорошие, простые советские люди — механики, электрики, кочегары, инженеры и техники — истинные друзья природы!

Иная птаха почти уж не дышит, не надо ей, вроде, уж ничего. А он, ее спаситель, и подует-то на нее, и в ладонях покачает, и прижмет к лицу, пустит слюны в клювик — и глядь, вновь открыла глаза-бисеринки, ожила!

Бедствие началось в понедельник. А уже во вторник вновь засияло солнце, жаркие лучи его прогнали стужу и непогоду, и вместе с первыми огненными стрелами, брызнувшими с вышины, были выпущены на волю и сотни спасенных красивых птичек. Как бы благодаря своим покровителей, они с радостными криками долго кружились над крышами домов, над трубами электростанции, резали воздух острыми крыльями, затем рассыпались — каждая к своему домику. А, как напоминание об этом событии, на лапках у них остались блестящие алюминиевые колечки...

Забота о природе очень часто начинается с самого малого, с незаметного подчас.

Как-то на Свердловском аэродроме приземлился быстроходный серебристый красавец-лайнер ТУ-104, шедший транзитом через Урал. Пассажиры направились в ресторан, а один мужчина поспешно побежал в багажное отделение самолета и стал заботливо осматривать какие-то странные ящики с дырочками.

— Ну как? Все в порядке? Не утрясло пуче-глазок? — с улыбкой осведомился проходивший к трапу командир корабля.

— Да вроде ничего! Летят!

Оказалось, в ящиках лягушки. Три тысячи лягушек!

Помните сказку про лягушку-путешественницу, поднявшуюся на чужих крыльях высоко над землей и родным болотом, где истари квакали миллионы ее предков? Сказка стала былью!

А чему удивляться? Лягушек уже давно перевозят на самолетах, они совершают рейсы за тысячи километров. В Польше создана специальная торговая фирма, которая занимается поставками и расселением квакушек. Перевозят живых муравьев.

Малых созданий этих тоже никак нельзя сбрасывать со счета в общем балансе природы. От них тоже зависит многое.

Однажды в лесу, под Верхней Сысертью, мне с друзьями довелось наблюдать интересное явление: войну муравьев. Ох, и битва шла, если бы вы видели! Битва не на жизнь, а на смерть! Муравьи одной породы вторглись во владения другой.

Происходила трагедия целого народа — муравьиного народа, древнейшего населения земли.

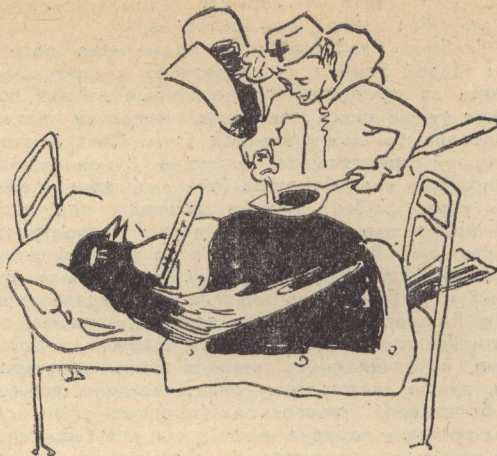
А после вдруг муравьи исчезли. Когда мы через несколько дней вновь побывали на этом месте, вокруг не оказалось ни одного членистого. Все было безжизненно, тихо. Куда они подевались? Привела ли их к этому опустошительная война, или в чем-то внезапно изменились условия, необходимые для их существования, — я не знаю. Но муравьи исчезли. Опустился муравейник. Не двигалось ни одного усатого рабочего или вооруженного мощными челюстями-жвалами солдата по протоптаным дорожкам.

В конце лета я снова пришел сюда и... подивился переменам, происшедшим за столь короткий период. Лес стал неузнаваем. Нет, дело было не в том, что приближалась осень — пора увядания. Деревья были облеплены тлями, они задыхались под мириадами этих крохотных существ. Листья свернулись и почернели. Поникла трава. «Зеленый друг» погибал без муравьев.

Бледно-зеленая тля — дойная корова муравья. Ничтожная и абсолютно немощная сама по себе, она превращается в грозного врага растений, когда исчезают силы, сдерживающие ее размножение (а размножаться она может с астрономической быстротой!). Вот почему в ГДР, например, сейчас целые муравейники привозят издалека и расселяют там, где они перезелили. Так же стараются развести лягушек, некоторых других земноводных, регулирующих размножение насекомых. Кроме того, лягушки нужны для опытов.

* * *

Уместно замолвить слово и за хищных. Пора нам пересмотреть свое отношение к ним. Пора заступиться за зубастых и когтистых, крепкие

длинные клыки и острые твердые клювы которых давно уже перестали утрачивать человека.

Сердце болит за них, когда знакомишься с «рапортами» ретивых истребителей хищных зверей и птиц, узнаешь о трофеях разных бойких не по возрасту старичков-пенсионеров, вооруженных современными дальнобойными ружьями, или просто выжиг и хапуг, преследующих за счет убытков природы свою личную корысть.

В газетах частенько появляются сводки «побед» с этого фронта, настоящих побойц, за которые, право же, должно быть стыдно цивилизованному человеку: там перебили столько-то ворон, там «под корень вырубил» лисицу, там одержали верх над добродушным бурым толстяком-топыгиным. Объявляются конкурсы на истребление того или другого вида хищника... Зачем?!

Журнал «Охота и охотничье хозяйство» уже не раз выступал с предложением прекратить эту слепую стихию уничтожения. На его страницах прошла не одна дискуссия по этому поводу. Увы, воз и ныне там. И поныне гремят залпы, добывающие последних орлов, ястребов, луней. И нередко печать живописует подобные «подвиги», совершенно не вдумываясь в их истинный смысл и значение.

«Редкий гость южных степей» — такую заметку прочитал я недавно в газете «Уральский рабочий»: О чем говорится в ней?

«Кушва (от соб. корр.). Охотясь у Липовой горы, А. Уваров и Е. Еловских заметили на дереве огромную птицу. Это был гигант-орел, которого даже бывалые охотники никогда не видели в этих краях. Прогремел выстрел — и птица, ломая ветви, рухнула на землю.

Незнакомец оказался орлом из породы беркутов. Весил он более семи килограммов, размах крыльев достигал двух метров. Редкий гость из южных степей на Урале».

Значит, «редкий гость»? Понаблюдать бы за этим редким гостем, может, даже помочь чем-нибудь. А вместо этого взяли и всадили ему в бок заряд картечи! Гостю!

Во многих местах орлы уже истреблены, год от года они становятся все более редкими. Кой-где их уже начинают охранять. Осудить надо было А. Уварова и Е. Еловских, но не прослав-

лять их! А газета, не моргнув глазом, напечатала заметку без всяких комментариев.

Глубокое заблуждение — примитивно делить всех тварей земных на «полезных» и «вредных», исходя из принципа, что некоторые из них поедают ту же пищу, что и мы. Человеку давно следовало бы подняться над этим. Следуя этой неверной предпосылке, в устье Дуная как-то уничтожили всех бакланов (они «мешали» увеличить уловы рыбы!). Так же однажды поступили на побережье Скандинавского полуострова. И что же? Вспыхнувшие вскоре беспощадные эпизоотии погубили такую массу «полезных» пернатых и рыб, сколько никогда не съедали хищники. Вот тогда-то и выяснилось, что хищники-то охотились главным образом за слабыми и больными, исполняя очень важную роль санитаров или, лучше сказать, пожарных, гасивших вспышки болезни. И пришлось их (хищников-то!) в самом срочном порядке и на Дунае, и в Скандинавии разводить искусственно. Вот вам и «вредные»!

Деление на полезных и вредных прежде всего ненаучно, очень часто неверно по существу и, внося путаницу в умы, только мешает правильно решать задачи сбережения и воспроизводства природных ресурсов. Уже давно, например, категорически запрещена охота на белых медведей. Подписана международная конвенция об охране крокодила, леопарда.

В природе все взвешено, все пригнано друг к другу, как на хорошем корабле, отправляющемся в дальнее плавание. И, стало быть, нужна крайняя осторожность, чтобы одна какая-либо выпавшая заклепка не привела к крену всего судна...

* * *

Обращаешься мыслью к Ленину и видишь, каким должен быть человек. Ясней становятся и просчеты, изъяны в воспитании иных людей. Ленинский взгляд на природу присутствует

там, где есть глубокое понимание и настоящая, непреходящая забота об ее нуждах.

Стыдно сломать цветок или дерево, посаженные чьими-то заботливыми руками, варварски обломать куст сирени, даже если букет предназначен любимой девушке. Еще стыднее просто так убить, искалечить живое существо, которое не причинило тебе никакого вреда.

Ты погасил жизнь... За что? По какому праву? А не сделал ли ты этим беднее и окружающий мир, и самого себя?

Хотелось бы крикнуть громко-громко, во весь голос, чтобы услышали все-все, кто еще не понял этого: «Вы расхищаете арсенал добрых чувств, транжирите самое большое богатство, заложенное в вас природой!».

Природа не терпит вакуума. Есть такое выражение: «равновесие в природе».

Подобно равновесию в природе, такое же равновесие, гармония, целостность чувств должны быть в человеческой душе. Получилась пустота — обязательно заползет какая-нибудь гадость.

Как передать, что я чувствую, когда ласкаю животное, люблюю им или когда оно доверчиво жмется ко мне?

Что может сказать в свое «оправдание» знатный строитель газопровода Газли — Урал, бригадир Искандер Данияр Хаджаев, повсюду возивший с собой в пустыне голубей?

* * *

Что должен сказать житель Баку автокрановщик Нефтяных Камней В. С. Заудольский, обладающий «живой коллекцией» из полсотни птиц сорока пород? Квартиру Заудольского в доме по Четвертой Баиловской улице издали узнаешь по разноголосому гомону и шуму. Поклонники птиц и товарищи Заудольского — нефтяники необыкновенного рабочего городка на металлических сваях, выросшего на Каспии. Заразившись его страстью, они принялись строить большую вольеру на эстакадах, над морскими волнами. Заудольский подарил друзьям часть своей коллекции. И, когда вольера была готова, птицы перебрались туда...

Как растолковать некоторым недомыслящим, почему ударники инструментального цеха Уралмашзавода захотели иметь аквариум у себя на работе? И они в свободное время смастерили его, громадный, емкостью в триста литров с лишним, пустили туда сотни рыбок, которых принесли два слесаря-аквариумиста Куликов и Безматерных, и очень довольны этим.

— Мы хотим, — заявляют они, — чтобы наш цех был как родной дом.

Как родной дом! Значит, в представление о родном доме входят и красивые декоративные рыбки, и воркующие голуби, и кошки...

Как объяснить, если человек не понял этого сам раньше, почему металлурги Верх-Исетского завода — старейшего промышленного предприятия Свердловска, рабочие которого в прошлом извлекли и гнет капиталистической эксплуатации, и крепостное право — в выходной день едут в лес и закладывают солонцы для лосей, зайцев, коз, устраивают искусственные гнездовья для уток, гусей? А в Будапеште пытаются акклиматизировать попугаев... Не может ли красивый пестрый южно-американский попугай стать украше-

нием парков венгерской столицы? Полсотни попугаев выпустили из зоопарка, и вот они свободно порхают по деревьям... Для чего?

Почему, когда в Свердловске, на старой Обсерваторской горке, давно уже лишившейся своего прежнего наряда — сосен, взамен которых закуривались посаженный кустарник, вдруг однажды запел, засвистал соловей, послушать трели и рулады серенького крылатого вокалиста сбежалось чуть ли не все население ближних кварталов? Когда-то это была окраина города, и тогда соловьи здесь были не диво. Но почему же так обрадовались люди, такой счастливый был у них вид, когда вдруг пожаловал редкий гость?

Есть вещи, доступные только миру наших чувств, и к ним относится чувство нерасторжимой связи с природой.

Ощущение родства, единства с природой заложено в человеке от рождения. Оно неистребимо как неистребима сама жизнь. Вот почему-то горожанин, утративший многие связи с природой, стремится внести в свой дом хотя бы малую толику ее — былинку, кустик, навешивает цветочные ящики на балконах, устраивает аквариумы и террариумы, голубятни. Все это частица природы. И домашние животные — тоже часть природы. Животные, как сказал кто-то, — наши земные корни.

Но чувство близости к природе нужно тоже развивать, как развивают музыкальные способности, любовь к литературе, искусству. И начинать это надо с детства, непременно с детства. Для этого мы вводим преподавание основ охраны природы в школах, в высших учебных заведениях. Для этого издаем книги, воспитывающие в детях любовь к природе и животным, организуем кружки юных натуралистов, устраиваем походы в лес, в горы.

Природа учит, природа облагораживает. Она наполняет нас ощущением прекрасного, слитности со страной и народом, сыном которого ты рожден, дает силу.

Есть люди — пускаются в рассуждения: голубь — толстая, жирная, ленивая птица, мошек не ловит, яиц не несет. На что она! А вот Искандеру Хаджаеву достаточно, что эта птица живет около него, доверилась человеку, берет корм из его рук...

Природу надо уметь понимать (чувствам люди тоже учатся). Золя отмечал, что любовь к животным — это любовь совсем особенная, она не подменяет ни материнскую любовь, никакую другую. Маяковский не случайно написал про «хорошее отношение к лошадям».

Уральская природа оказала благотворное влияние на творчество такого выдающегося мастера художественного слова, как Бажов. Русский пейзаж, говоря словами К. Паустовского (сборник «Дороже золота»), «сыграл и играет огромную роль в формировании характера русского народа, в том, что этот народ бесконечно талантлив и мужествен. Природа сыграла огромную роль не только в формировании народного характера, но и в создании русской культуры и великого нашего искусства».

* *

Труднее всего возвращается культура. В понятие культурности входит и правильное отношение к природе и ее обитателям.

Советскому человеку вовсе недостаточно,

скажем, быть образованным политехнически, до тонкостей знать свою профессию. Человек коммунизма должен иметь богатый внутренний мир, быть гуманистом в подлинном и широчайшем смысле этого слова.

Браконьер, тайком убивающий утку, причиняет не только материальный ущерб — он наносит и нравственный вред. Огромный моральный урон наносят уличные ловцы, в присутствии ребенка убивающие кошку или щенка. Карьерист и деляга, способный обречь на уничтожение красу родного края ради того лишь, чтобы выдвинуться самому, чтобы «мир его заметил», недостойн называться гражданином своего Отечества.

Мне понравилось, как жильцы одного дома проучили соседа, который никак не желал считаться с правилами социалистического общежития, с коллективом и не выходил на субботники по озеленению двора. Они нашли способ — воздействовать на него, не делая никаких выговоров, никаких «проработок». Взяли и посадили яблоньку, а на яблоньке привесили табличку с его фамилией. Только и всего. Не может человек, ну, что ж, мы сделаем за него, от нас не убудет... Мелочь как будто! Никто ничего не говорил ему. Но это наказание добротой оказалось столь действенным, столь чувствительным, что упрямец не знал, куда спрятать глаза от стыда... Яблонькой перевоспитали человека!

«На оселке природы я оттачиваю душу»

пишет советский поэт Василий Федоров, прошедший огонь сражений Великой Отечественной войны. На оселке природы...

Бесспорно: понимание природы и гуманное, бережное отношение к ней — один из элементов нравственности, частица мировоззрения, без которого люди не смогут прийти к коммунизму.

* *

Смертельной угрозой человечеству, всему живущему встал над земным шаром отравленный атомный гриб — жуткий свидетель испытаний атомного и термоядерного оружия. Иностранные журналисты, побывавшие на одном из островов Тихого океана, где проводили свои испытания американские военные, поведали миру, что они увидели там. Слепые черепахи, ползущие от моря в глубь суши, хотя их ждет там мучительная гибель. Кости погибших животных. Опаленные, изуродованные, склонившиеся к земле пальмы, страшная, обезображенная природа...

Они, американцы, убили 35 000 альбатросов на острове, где испытывались новые радарные установки; а другой остров после их испытаний вообще испарился, исчез с лица Земли вместе со всеми населявшими его животными и растениями...

По инициативе Советского правительства в 1963 году был подписан договор о запрещении испытаний атомного оружия в трех сферах: на земле, на воде, в воздухе. В короткий срок к этому договору, скрепленному первоначально подписями представителей трех великих держав — Советского Союза, США и Англии, — присоединилось около сотни государств.

Это — великая победа разума, торжество Человека с большой буквы, и этот Человек — мы с вами, дорогие читатели.

Советские люди дают пример сыновней любви к матери-Земле, вынянчившей нас, к матери-Природе, без которой не было бы нас, не было бы красоты Жизни, не было бы ничего. Вот это и есть ленинское отношение к природе, к красе и судьбам родного края.

Заканчивая разговор, хочется еще раз напомнить о хорошем, важном начинании, родившемся в славном рабочем городе Нижнем Тагиле, — о семилетке охраны природы Уральского вагоностроительного завода.

Такую семилетку — всем! Колхозам, совхозам. Рудникам, шахтам. Пусть каждый составит свою индивидуальную семилетку. Великое складывается из малого. Это будет практическим решением наинужнейшей, наиблагороднейшей, наичеловечнейшей проблемы. Нельзя откладывать. Не надо медлить ни одного дня. Мы решили много сложнейших, невероятно трудных, поистине исторических задач. Решим и эту. Если навалиться всем народом — гора сдвинется с места...

* *

«Мы любим свою страну сыновней любовью, — говорит советский писатель Константин Паустовский, — не только за то, что она богата и благополучна. Мы любим ее еще и за то, что она прекрасна и с первых же лет нашей сознательной жизни завладела нашими сердцами. Мы ее любим полную великой красоты народного духа и красоты русской природы. Нет в мире ничего равного этой природе по щемящей сердце силе, по лиричности, по ее бескрайности и умиротворяющей прелести.

...Нам нужны корабельные леса, полноводные реки, океаны целебного воздуха, богатые сады и цветущие луга. Нам нужны свежие озера, звонкие родники, птичьи стаи, тянущиеся в туманном небе над золотеющими осенними рощами, пересвист птиц, сияние ночных созвездий в бездымном небе и широкие яркие радуги — предвестницы тучных урожаев.

Нам нужна великолепная земля — единственно приемлемый приют для человека. Мы должны непримиримо бороться об руку с партией и правительством за создание такой земли, бороться со всеми, кто пытается изуродовать нашу землю и превратить ее по недомыслию или невежеству в сухой бесплодный пустырь».

Будем, будем бороться за это, друзья!

Евгений Фейерабэнд

Имя свердловского поэта Евгения Фейерабэнда известно далеко за пределами Уральского края. Около десяти сборников стихов издал он в Москве, Свердловске, Челябинске, Тюмени.

Герои его стихов — влюбленные в жизнь и труд советские люди, безраздельно преданные своей чудесной Родине, отдающей ей силы и знания и непоколебимо верящие в ее великолепное Завтра.

Один из сборников поэта, вышедший в Москве в 1957 году, совсем не случайно назван «Зов непройденных дорог», ибо главный герой большинства его стихов — это разведчик будущего. Это — геолог, раскрывающий богатства наших недр, это — сталевар, вдохновенно выплавляющий для Родины первоклассную сталь, это — строитель, воздвигающий новые заводы и города, это — советский юноша, устремленный в космос.

Пишет Евгений Фейерабэнд и стихи для детей.

Стихи эти пронизаны романтикой, любовью к природе, мягким юмором, который вызывает добрую, светлую улыбку.

Удивительное дерево

Летит листва с берез и лип
Осеннюю порою.
Но южный модник эвкалипт
Весь год мудрит с корою,
Березе белой для чего
Менять свою бересту?
А вот ему костюм его
Все время не по росту.
Не знаю, слышите ли вы
Сквозь лепет листьев нежных,

Как он распарывает швы
И в клочья рвет одежду.
Она давно ему тесна,
Ему бы братъ на вырост!
Дивятся пальма и сосна:
— Ах, как он за год вырос!..
Он — как зеленая гора!
Всех выше чуть не с детства...
И вновь по швам трещит кора:
Пора переодеться!

Летучая рыба

Бывает, охотится щука —
И выскочит вдруг из реки.
Вот-вот и взлетела б..
А ну-ка!..
Но слишком малы плавники.

Казалось, что чудо свершится!
Но так уж ведется везде,
Что в воздухе плавают птицы,
А рыбы летают в воде.

Бывает, что вынырнет окунь,
Пытаясь спастись от врага.

И круглое красное око
На миг отразит берега.

И снова серебряной глыбой
Ко дну он идет поскорей...
Но в воздухе летучая рыба
Взлетает из южных морей.

Она в океан возвратится,
Сожмнется над нею вода...
Секунды живет, будто птица,
А помнит об этом всегда!

Краб

Норд-ост назерху ничуть не ослаб,
Он гонит и бьет волну.
А краб, состоящий только из лап,
Спокойно бредет по дну.

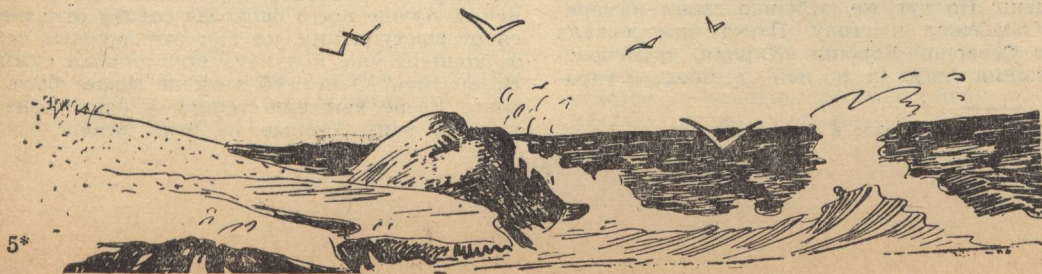
Вот перед ним затонувший корабль,
И, словно его капитан,
На мостик взобрался бродяга-краб
И молча гуляет там.

По палубе боком идет, угрюм,
С мечтой обрести уют.
Сначала ныряет в угольный трюм,
А после — в двери кают.

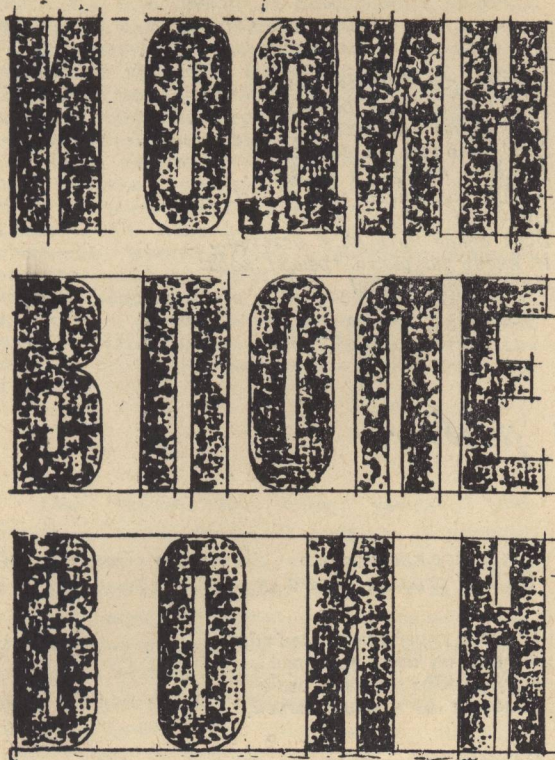
Там — карты неведомых нам земель,
Записки и дневники.
Куда вы стремились?
Какая цель
Манила вас, моряки?

Но краб, состоящий только из лап,
Ничего не сумел прочесть.
Без пользы, без толку о ржавый трап
Скрежещут клешни, как жесть.

Ах, мне бы спуститься под пенный вал
И так же пройти по дну.
Наверное, тайну б я там узнал,
И, может быть, не одну!

Приключенческий роман

КНИГА ВТОРАЯ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЯТАЯ

Неожиданная женитьба

Артура Шредера

Артур Шредер проснулся в прекрасном настроении. Отбросив шелковое одеяло, он мгновенно вскочил с кровати, чтобы сделать зарядку, с которой, как правило, начинался его день. Но тут же, забыв о своем намерении, подбежал к столу. Перед ним лежала карта Северной Европы. Жирная, ярко-красная линия тянулась по ней от города к горо-

ду. Да, это не сон: Москва — Ленинград — Хельсинки — Стокгольм — Осло — Копенгаген... Вот это гастролы! Ведь обозначены только столицы, а если прибавить к ним все пункты, куда можно завернуть по пути, чтобы выступить с несколькими дополнительными концертами...

И кто бы мог подумать, что все обернется так хорошо. Нечего скрывать: Артур Шредер, дирижер венского джаз-оркестра, долго колебался, прежде чем решился на поездку в Москву. Времени для размышлений у него было достаточно: предстояли гастролы в Испании. Он уехал в Мадрид. Сомнения и там не покидали его. Ехать, конечно, страшно, но если поразмыслить... И, поддавшись настоячивым уговорам своего импрессарио, который слал телеграмму за телеграммой, Артур Шредер дал согласие подписать контракт.

Через несколько дней сообщение об их, казалось бы, частной переписке появилось в мадридских газетах. Как пронюхали и почему заинтересовались ею репортеры — осталось тайной: и в телеграммах импрессарио, и в ответе Шредера слова «Россия», «Москва», «Ленинград» даже не упоминались.

Боже, какой поднялся крик! Чего только не писали тогда про Артура Шредера, в чем только не обвиняли его!

Пришлось молча глотать оскорбления, переносить грубую брань прессы, утешая себя лишь тем, что любой скандал содействует рекламе. Но, когда одна из самых влиятельных мадридских газет назвала Артура Шредера большевистским агентом, он просто перепугался.

Бог мой! Артур Шредер — и большевистский агент!

В других условиях он от души посмеялся бы — и только. Но сейчас было не до смеха. Отменив утренние репетиции, он заперся в номере гостиницы.

Шредер уже проклинал тот день и час, когда согласился на поездку в Москву. Первой мыслью его было телеграфировать импрессарио, чтобы тот разорвал этот проклятый контракт. Но убытки... Как покрыть убытки? Заплатив неустойку, он с оркестром сядет на мель.

Вечером того дня, когда газета бесстыдно оклеветала его, назвав большевистским агентом, — этакое неприятное совпадение! — оркестр должен был давать концерт в клубе офицеров мадридского гарнизона. Шредер растерялся.

Может быть, не ехать на концерт? Позвонить, что заболел, например? Дирижировать сможет ассистент... А чтобы офицеры не подняли скандала, надо поручить ему сказать несколько вступительных слов. Пусть объявит, что сообщения о гастролях оркестра в России не соответствуют действительности и что поместили их газеты просто в погоне за сенсацией.

Весь день, не выходя из номера, Артур Шредер ломал голову в поисках выхода. Конечно, лучше всего было бы совсем отказаться от выступления, но как откажешься, если за концерт уже получена кругленькая сумма. Возвратить? О нет, об этом не может быть и речи. Разве вырвешь теперь у оркестрантов авансы, выплаченные из этих денег?!

Продолжение. Начало в № 8 за 1963 год.

Солнце клонилось к закату, а решение не приходило. Но незадолго до концерта вопрос решился без участия Артура. Офицерский клуб Мадрида прислал уведомление о том, что он отказывается от концерта и требует возвратить, как это обусловлено договором, половину выплаченной суммы.

Впервые в жизни Шредер так охотно и притом собственноручно выплатил довольно-таки солидную сумму за то, что не выступит перед слушателями.

Понятно, что после такого скандала оставаться в Мадриде не было смысла. Предполагалось, что они дадут концерты в Барселоне, и Шредер со своим оркестром отправился туда. Но прошло три — четыре дня, и мадридская история повторилась. Будто один и тот же режиссер руководил заранее продуманными спектаклями. Шум в прессе, ливень обвинений, разорванные контракты...

Артур Шредер сел на мель. Крепко и почти безнадежно. Правда, три четверти взятого авансом гонорара были предусмотрительно переведены на текущий счет Артура в Вене. Но об этом знает только он. В кассе же оркестра лежит мизерная сумма, которую он собирался пополнить, дав несколько дополнительных концертов в клубах Барселоны. А оказалось, что не только дополнительных, но и обусловленных договорами он дать не смог. Правда, можно было попытаться получить по контрактам неустойку, но для этого надо подавать в суд. Новые расходы, новые долги! Потому что в суд франкискской Испании без хорошей взятки, говорят, и носа не показывай.

Было от чего нервничать, злиться, бегать из угла в угол по номеру гостиницы, проклиная Испанию, Барселону, Мадрид.

Помощь пришла неожиданно: хозяин ресторана в небольшом городке Фигерасе предложил Артуру Шредеру выступить на его эстраде. Правда, синьор де Гомес платил значительно меньше, чем до сих пор получал оркестр. Что ж, хоть синица, зато в руках!

Но, уже дав согласие, Артур спохватился: а что, если и в Фигерасе им объявят бойкот? Стоит ли унижаться до выступления в каком-то ресторане, не обусловив заранее, что при любых обстоятельствах он должен получить гонорар полностью.

— Синьор Гомес, — твердо заявил Шредер, когда они встретились, за ужином, чтобы окончательно договориться, — я могу рисковать собой, но не судьбой моих оркестрантов. Моих, так сказать, первых друзей и помощников. Я считал бы себя негодяем, если бы не побеспокоился о какой-то гарантии для них. Такой гарантией может служить оплата авансом хотя бы... половины суммы. Вы, наверное, знаете, какой шум подняли вокруг моего имени ваши газеты, поэтому...

В ответ на слова Шредера его собеседник ответил коротко:

— Плевал я на газеты. Не читаю! Гадость!

Бросив в рот огромный кусок мяса, Гомес весь отдался наслаждению. И Шредер воспользовался этой паузой.

— О, какая независимость мнения! Склоняюсь перед вами, честное слово, склоняюсь. Понимаю, что для этого надо иметь много благородства и мужества... Если бы речь шла

только обо мне... Но оркестранты! Эти несчастные, попав в чужую страну, растерялись, как дети! Если мы обусловим в контракте, что вы обязуетесь уплатить авансом... скажем, семьсот пятьдесят долларов...

Гомес в этот момент проглотил свою жвачку, но отвечать не торопился. Медленно, примокивая, он отхлебывал из стакана вино, перегоняя хмельной напиток от щеки к щеке, будто и его жевал. И только сделав последний глоток и протягивая вилку к тарелке с новым блюдом, бросил:

— Пишите: полторы тысячи долларов!

Все уладилось, и джаз-оркестр Артура Шредера, правда, не в полном составе, прибыл в Фигерас.

А вчера дирижер получил своеобразную компенсацию за все свои неудачи в Испании.

Приехал импрессарио. Он привез огромное количество газет: французских, итальянских, английских, немецких... Не было, кажется, страны в Европе, куда ни донеслась бы весть о злополучном гастрольном турне оркестра. Одни хвалили Шредера, другие ругали, но и в первом и во втором случаях перед его малоизвестной фамилией неизменно появлялось слово «маэстро». Как-никак, это уже было нечто похожее на признание.

Но самое неожиданное заключалось в целой стопке контрактов, подписанных импрессарио.

Маленький, кругленький, как бочоночек, Адам Розенберг просто сиял от удовольствия.

— И знаете, маэстро, кого вы должны благодарить? Ручаюсь, не догадаетесь. Большевик! Ведь только благодаря их приглашению поднялся весь этот шум, создавший нам такую популярность, о которой мы и мечтать не могли. Теперь условия ставлю я! Заканчивайте свои дела в Фигерасе, и едем в Вену за визами!

В тот же вечер Шредер предупредил Гомеса, что завтра в его ресторане он дает десятый и последний концерт. Бедняга ресторатор от неожиданности чуть не подавился ножкой петуха, которую жевал в это время. Еще бы! Слава венского оркестра привлекла в его ресторан такое количество посетителей, которое и не снилось ему даже по большим праздникам. Если дела пойдут так, как шли до сих пор...

— Побойтесь бога, синьор Шредер! Ведь вы меня без ножа зарежете! Может быть, вас не устраивает оплата? Прибавлю! Э, где мое не пропадало! Беру на свой счет трехразовое питание всех ваших ребят... Учтите: с вином! Что же касается вас...

Но Шредер был неумолим. Теперь он мог быть неумолимым.

Итак, сегодня последний концерт и — прощай, Испания! Глаза бы на тебя больше не смотрели! Его, талантливого музыканта, какой-то Гомес пытался соблазнить трехразовым питанием! Хам! Такие за чечевичную похлебку готовы и брата родного продать! Где уж им понять высокое призвание!..

Воспоминание о Гомесе с его неумолимыми челюстями несколько умирало воинственным пыл Артура. Набрал номер ресторана, он заказал привычный утренний кофе и предупредил старшего официанта;

— Завтракать буду, как всегда, в двенадцать!

Пригладив шевелюру, Артур подошел к большому трюмо и только теперь заметил, что до сих пор не надел даже халата. Несколько минут он любовался своей фигурой, придиричливо всматривался в каждую черточку смуглой физиономии.

Что ж, для своих сорока лет он выглядит неплохо: в волосах нет и намека на седину, лицо чистое, без морщин. И все это благодаря мадам Лебек. Это она возвратила ему по крайней мере лет десять. А регулярные физкультурные упражнения закалили тело. Мышцы эластичны, фигура гибка, и, главное, никаких признаков ожирения.

В дверь постучали.

— Войдите! — воскликнул Шредер, поспешно натягивая халат.

— Доброе утро, маэстро, — прошептала официантка, направляясь к маленькому столику в углу комнаты. — Кроме заказанного, я захватила парочку апельсинов. Не возражаете? Ведь вы привыкли съедать их натошак до утреннего кофе...

— Очень мило с твоей стороны, крошка! Я просто забыл о них.

— Я слышала, вы уезжаете?

— Да. Сегодня — последний концерт. Мы, музыканты, подобны птицам перелетным: никогда не засиживаемся на одном месте.

— Жаль, что в нашем саду вы пели так недолго. Наверное, скучаете без семьи?

— У меня нет семьи. К сожалению, а может быть, и к счастью.

— И даже невесты?

— Представь себе, нет. Наверное, потому, что до сих пор я не встречал такой красавицы, как ты.

— О, синьор, что же в таком случае мешает вам остаться!

— А ты этого хотела бы? А? Ну, что же ты! Я ведь не съем тебя...

Громкая пощечина прозвучала одновременно с телефонным звонком, и маэстро, попав впросак, сразу же опомнился.

— Вы, испанки, плохо понимаете шутки, — пробормотал он, потирая покрасневшую щеку.

— Испанки? Выходит, вы уже имели возможность сами убедиться в этом? — и хорошенькая официантка, смеясь, исчезла за дверью. Шредер сердито схватил телефонную трубку.

— Я слушаю! Да, Артур Шредер... Срочное дело? Извините, у меня совершенно нет времени. И желания, кстати, тоже! — Раздраженный только что полученным отпором, Артур хотел швырнуть трубку на рычаг, но голос незнакомца будто парализовал его руку.

— Я решительно настаиваю на встрече!

— Но завтра я уезжаю из Испании, и, надеюсь, навсегда. Какой же смысл...

— Именно о вашем отъезде я и хочу говорить с вами.

— О, если только об этом, то дело уже решено и решено бесповоротно. Никакие переговоры...

— Даже, если это касается ваших гастролей?

— Да, да, особенно, если это касается моих

гастролей, черт побери! Хватит с меня газетной травли. Я сыт по горло!

— Через минуту я буду у вас.

— Значит, через минуту вы пересчитаете ступеньки лестницы, причем не ногами, а собственными ребрами!

— Уверю вас, этого не случится!

— Вы плохо меня знаете.

— Наоборот, очень хорошо. Неожиданно для вас — хорошо!

Тон, которым были сказаны эти слова, резанул слух и породил какую-то неясную тревогу. Шредер почувствовал внутренний холодок, который пробегает по телу, когда человек ждет неприятности.

Что это? Очередной шантаж? Кто-то из мадридских или барселонских «друзей», узнав, как хорошо принимают оркестр в Фигерасе... Но очень уж подозрительно это напоминание о гастролях. Ведь и в Мадриде, и в Барселоне все начиналось с шума вокруг его поездки в Россию. Ну и закрутит же незнакомец носом, когда узнает, как повернулось дело! Нужно позвать Адама Розенберга, пусть расскажет этому нахалу...

Артур Шредер позвонил своему импрессарио, живущему в этой же гостинице. Вскоре тот появился на пороге номера.

— Слушайте, Адам, вы разговаривали с кем-нибудь в Фигерасе о предстоящем турне?

— Что вы! Я еще и выспаться с дороги не успел!

— Какой-то тип добивается разговора со мной, намекает на турне.

— Значит, вы позвали меня, чтобы и я послушал его болтовню?

— Именно об этом я хотел вас просить. Вдвоем мы скорее избавимся от этого наглеца. В дверь постучали.

— Пожалуйста! — Розенберг с профессиональной предупредительностью распахнул дверь.

Порог переступил стройный молодой человек среднего роста. Ничего неприятного, тем более нахального, в его лице не было. Незнакомец даже понравился Шредеру, и он сразу же успокоился. Тем более, что был твердо уверен: своего настойчивого гостя он до этого никогда не видел.

— Что же, придется отложить дела, — сказал Артур примирительно, придвигая посетительский стул.

— Извините, я хотел бы поговорить с вами с глазу на глаз, — с едва заметным ударением бросил тот.

— От моего импрессарио у меня тайн нет! — горделиво возразил Шредер, к которому возвратились свойственные ему апломб и важность. — Все дела оркестра...

— Тайны могут быть у каждого, — приветливо улыбнулся незнакомец. — У меня, у вас, у синьора Розенберга... Так, кажется, вас зовут?

— Приятно, что моя скромная особа привлекла ваше внимание. Тем более, что я лишь вчера прилетел в Испанию.

— Из Копенгагена? В семнадцать сорок? К сожалению, самолет приземлился с опозданием на целых двадцать минут...

— Вы тоже на нем летели? Старее, старее... Обычно я прекрасно запоминаю лица своих спутников, а вот вас почему-то не при-

метил, господин?..— Розенберг смотрел на собеседника вопросительно, ожидая, что тот назовет свое имя. Чуть заметная улыбка мелькнула на губах молодого человека.

— Мне хотелось бы отрекомендоваться только синьору Шредеру. О, не потому, что я пренебрегаю вашим обществом! Наоборот. Надеюсь, господин Розенберг, мы встретимся с вами еще не раз... Но сегодня, вернее, сейчас... Как человек деловой, вы, надеюсь, поймете...

Совершенно успокоенный, Розенберг направился к дверям и на всякий случай напомним:

— Если я понадобится, маэстро, позвоните мне, я буду у себя в номере.

Незваный гость и Шредер остались в комнате одни.

— С кем имею честь?

— Фред Шульц! — посетитель поднялся и по-военному щелкнул каблуками.

Эта, казалось бы, незначительная деталь почему-то снова обеспокоила Шредера.

— Извините, может быть, во время телефонного разговора я вел себя слишком резко. Но войдите в мое положение: завтра отъезд, сегодня — последний концерт, а все это хлопоты, хлопоты и еще раз хлопоты...

— Я прекрасно понимаю вас. И если бы не важное дело, которое привело меня к вам...

— Боюсь, что смогу уделить вам очень мало времени.

— О, я думаю, мы быстро пойдем друг друга! Значит, завтра вы уезжаете в Вену и сразу же, как только получите визы, — в Россию?

— Да. Теперь я могу говорить об этом открыто. Высокое искусство победило чернь, кричавшую: «Распять его, распять!». На долю художника такая победа выпадает не часто, поэтому она особенно дорога мне. Вы, наверное, знаете, какой шум подняли в Испании вокруг моего имени? Представьте себе, именно этот шум и явился причиной успеха. Приглашения на гастроли посыпались на нас, как из рога изобилия. Мой импрессарио не успевает заключать контракты.

— Знаю, слышал. Это замечательно! Просто замечательно! Поздравляю! От всей души поздравляю, уважаемый маэстро! Когда я узнал об этом, мне в голову пришла интересная мысль. Знаете, какая? Ваше пребывание в России принесет пользу не только вам, но и нам.

— Кому это «нам»? И какую пользу? — удивился Шредер. Его начал раздражать фамильярный тон непрошеного гостя.

Тот сделал вид, словно ничего не замечает.

— Не будем уточнять. Это требует времени, а у нас его и так мало. Скажу в нескольких словах. Я разговариваю с вами от имени организации, деятельность которой заключается в содействии всестороннему приобщению населения России к европейской культуре.

— Но именно на это и рассчитаны наши гастроли! Согласившись подписать первый после войны контракт с русскими, я и предполагал, что наш приезд...

— Понимаю, понимаю, — прервал собеседника Шульц. — Для русских, которых тошнит от классики и песенного жанра, ваши концер-

ты будут настоящим праздником. Все это так... Но вы дадите концерты, да и уедете, а нам нужно, чтобы ваши гастроли оставили после себя более глубокий след.

— Искусство художника всегда оставляет след в сердцах людей, которым представился счастливый случай приобщиться к нему. Надеюсь, мой оркестр, оркестр первого класса, в силах решить эту скромную задачу! — не скрывая своего раздражения, Шредер встал, давая понять, что считает разговор оконченным.

Шульц заметил этот маневр, но и бровью не повел.

— Все это — сентенции из дешевеньких рецензий, герр Шредер! Неужели вы считаете, что нас это устраивает?

Артур Шредер вскипел:

— Нас, нас! Да какое, в конце концов, мне дело до того, устраивает вас это или нет? Я — дирижер, слышите, дирижер, и мое дело руководить оркестром, а не танцевать под дудку какой-то сомнительной организации, о которой я и знать ничего не хочу! В конце концов, никто вас сюда не звал, вы насильно ворвались в мой номер, хотя я и предупредил вас, что занят! Прошу вас оставить меня в покое, иначе...

Шредер готов был броситься на Шульца и вытолкать его из комнаты.

Удобнее устраиваясь в кресле, Шульц закурил сигарету и глубоко, с наслаждением затянулся.

— Вы слышали, что я вам сказал? — подходя к нему, визгливо спросил Шредер. И вдруг отшатнулся.

— Сядьте, Григоре Кокулеску! — услышал он властный голос.

Неожиданный выстрел не произвел бы на Артура Шредера такого впечатления, как это восклицание. Бледнея, чувствуя, как мелко мелко дрожат колени, он медленно опустился на диван.

Наступила тишина. Тревожная и настороженная, она говорила больше, чем любые слова. Наконец до сознания Шредера дошло, что, не возражая, он допускает ошибку.

— Что за глупости! Какой Григоре Кокулеску?

Шульц встал и вплотную подошел к Шредеру.

— Мне некогда возиться с вами, бывший сотрудник румынской сигуранцы, военный преступник, заочно приговоренный к смерти!

— Я — музыкант Артур Шредер! С вашим Григоре Кокулеску у меня нет ничего общего... абсолютно ничего общего. Это новая клевета на меня. Вам просто хочется помешать гастролям! Если у вас есть какие-то счета с Кокулеску, то вы, наверное, помните его... Присмотритесь ко мне: разве я похож? — Шредер бормотал все это скороговоркой, слыась звуками собственного голоса заглушить охвативший его страх.

— Что касается абсолютного сходства, вы правы. Теперешний Артур Шредер, в самом деле, лишь отдаленно напоминает бывшего Григоре Кокулеску.

— Вот видите! — обрадовался дирижер, не уловив насмешливых ноток в голосе Шульца.

— Не только вижу, но и восторгаюсь! За-

мечательную пластическую операцию сделала вам мадам Лебек. Вы не напрасно уплатили ей полторы тысячи долларов!

— Это какое-то недоразумение... фатальное недоразумение...

— А если я припомню вам адрес ее института? Париж, улица Сен-Доминик...

Шредер то ли застонал, то ли вскрикнул.

— Довольно... Теперь уже все равно... Но откуда? Откуда вы могли узнать?

— Я вижу, в вашем лице сигуранца утратила не очень догадливого сотрудника. Неужели вам никогда не приходило в голову, что подобный институт не может не обратить на

себя внимание французской полиции? Ведь мадам Лебек была не только хорошим специалистом, но и рассудительной хозяйкой своего заведения: за незначительные льготы, предоставляемые ей при оплате налогов, мадам расплачивалась небольшими услугами. Тем более, что эти дополнительные обязанности не очень обременяли ее: она должна была незаметно для клиентов сфотографировать их до и после операции и передать снимки в картотеку префектуры.

— Боже мой! Какой идиот! Как же я не догадался! — застонал Шредер и вдруг перешел в наступление: — Ну и что же? Не забывайте, что мы сейчас в Испании, а между нею и Румынией нет никаких отношений?

— Между полицией этих стран они существуют — это, во-первых. А, во-вторых, как только прошлое Григоре Кокулеску станет известно не только мне, на карьере дирижера вам придется поставить крест. На ваш текущий счет в венском банке будет наложен арест, все заключенные вами контракты, естественно, будут считаться недействительными. Вас устраивает такая перспектива?

— Но что я должен сделать? Если я правильно понял, у вас есть относительно меня какие-то планы?

— Вот это деловой разговор!

Шульд придвинул свое кресло к дивану так близко, что колени собеседников соприкоснулись.

— Вы не ошиблись. Спасти положение можно. И совсем недорогой ценой. Вы просто окажете нам дружескую услугу: отправляясь в Москву, захватите несколько сотен пластинок с записью собственного репертуара, разных модных песенок, а вместе с ними и пластинки иного характера.

— Вы с ума сошли! Наш багаж будут проверять в таможне! Что, если...

— Вам немного не по себе, и вы просто-напросто утратили здравый смысл. Разве не естественно, что в багаже оркестра находится большое количество пластинок с его репертуаром? О соответствующих ящиках обещаю вам беспокоиться.

— И я должен распространять эти пластинки там? — прошептал Шредер так тихо, будто боялся, что его кто-то подслушивает.

— Боже упаси! Ведь на вас будут направлены взгляды тысяч глаз... Ваше дело — провезти багаж, а распространять его будет другой человек, который поедет вместе с вами.

— В Советское посольство в Австрии уже подан список всех оркестрантов, все нужные для получения виз документы... Значит...

— Это не страшно! Перед отъездом вы женитесь... Вам лично не откажут еще в одной визе. Что поделаешь — свадебное путешествие!

— Я? Женюсь? Вы шутите! — у возмущенного Шредера глаза на лоб полезли от удивления.

— На мой взгляд, это самый удачный выход из положения, самый безопасный. Советское посольство, безусловно, разрешит такому лицу, как вы, приехать на гастроли вместе с молодой женой. А она будет знать, как и

что делать... Брак, конечно, нужно оформить по закону. И так, чтобы привлечь к свадьбе вашей всеобщее внимание. А, когда гастроль закончится, вы разведетесь. В наше время это никого не удивит и не покажется подозрительным. Нравится вам такой план?

— А что же представляет собой эта... моя будущая жена?

— Не беспокойтесь. Мы учли ваши артистические вкусы: довольно эффектная молодая особа. Для вас даже слишком молодая: ей что-то около двадцати.

— И я должен содержать ее в пути, во время гастролей, может быть, даже шить туалеты?

— А вы не особенно щедрый! Согласитесь, что мы могли бы поставить вопрос именно так.

— Я понимаю, мне только хотелось...

— Должен вас успокоить: деньгами мы ее снабдим.

К Шредеру, который минуту назад чуть было не упал в обморок от страха, снова возвратилась самоуверенность.

— Хочу обратить ваше внимание на то, что мое имя артиста тоже чего-то стоит.

— Не думал я, что вы им спекулируете!

— О, герр Шульц! Как это могло прийти вам в голову. Но некоторые расходы, связанные с риском...

— На расходы, связанные с риском,— улыбнулся Шульц,— мы вам можем дать, самое большее, пятьсот долларов.

— Вы считаете, что этого достаточно?

— Вы нахал, Григоре Кокулеску!

— Я артист, не разбираюсь в делах...

— Вы — бывший сотрудник сигуранцы и хорошо понимаете, чем пахнут деньги.

— Не возражаю, не возражаю и против пятисот...

— Вот так бы сразу. Кажется, мы обо всем договорились?

— А задаток?

— Вы больше, чем нахал, Григоре Кокулеску!

— Вы в курсе всех моих дел, значит, вам известно, в каком положении я сейчас нахожусь. Поверьте, только это...

— Ладно! Пишите расписку на двести, остальные триста Нонна передаст вам из рук в руки в Москве. И тоже — под расписку.

— Это что еще за Нонна?

— Прискорбно. очень прискорбно. Вы до сих пор даже не поинтересовались, как зовут вашу будущую супругу. Вы так равнодушны к женскому полу?

— Я должен сначала увидеть свою таинственную невесту, а потом уже решу, стоит ли интересоваться ею. Когда я буду иметь удовольствие?..

— В ближайшее время. Вскоре после того, как я уйду. Сегодня же пригласите ее в ресторан. В общем, всячески афишируйте вашу близость с нею. Понятно?

— Придется.

Едва кивнув, Фред Шульц вышел.

Артур Шредер аккуратно пересчитал полученный аванс и спрятал его в ящик стола. Минуту он сидел молча, будто собираясь с мыслями, потом вскочил и подбежал к трюмо. Теперь он наклонился к нему так близко, что чуть не касался носом стекла.

— Ничего, ничего похожего! Ах, если бы не эта проклятая авантюристка Лебек!.. — воскликнул он в отчаянии и сразу же прикрыл рот рукой.

Кто-то тихонько, но настойчиво стучал.

Быстро подойдя к двери, Артур распахнул ее. Подсознательно он ожидал какой-то новой неприятности, но на этот раз судьба оказалась более милостивой: на пороге стояла хорошенькая черноволосая девушка.

— С кем имею честь?

— Нонна Поко. А в будущем Нонна Шредер. Вам не кажется, что жениху и невесте следовало бы давно уже познакомиться?

Ошеломленный всем пережитым, Шредер молча отошел в сторону.

Весело улыбаясь, Нонна легкой походкой вошла в комнату.

* * *

А в это время в машине, только что отъехавшей от гостиницы, происходил такой разговор:

— Он сразу согласился?

— Шредер трус и жадина, герр Нунке. Не только согласился, но и взял задаток. Вот и расписка.

— Вы молодчина, Фред!

— Я тоже очень доволен. Теперь я уверен, что мой план будет выполнен.

— Дай бог! — воскликнул Нунке.

Если бы он знал, в чем заключается этот план!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Островок среди болота

Каждый раз, направляясь к вилле Агнесы Менендос, Григорий Гончаренко спрашивал себя: не изменяет ли он памяти Моники?

Он чувствовал: такие разные, такие непохожие друг на друга, они в сущности играли в его жизни почти одинаковую роль.

Тогда, во Франции, встречаясь с Моникой, Григорий будто очищался от грязи, с которой невольно соприкасался, общаясь с Заугелем, Кубисом и другими мерзавцами.

Вообще во Франции ему было значительно легче! Все было тогда по-другому. Он жил отдельно от своих так называемых однополчан, поэтому хоть изредка, но ему все же удавалось, отгородившись от них стенами своей комнаты, оставаться наедине с собой.

Рядом были такие друзья, как добрый, честный Карл Лютц и безгранично преданный Курт — надежный помощник Григория. Была, наконец, мадам Тарваль, относившаяся к нему с материнской заботливостью... Во Франции он чувствовал у себя за спиной отряды маки, которые действовали неподалеку в горах и к которым он всегда мог уйти, если бы возникла смертельная опасность.

А главное, была Моника!

Тут, в Испании, у него нет никого. Ни единой души! Живет он в боксе при школе и должен молча подчиняться суровому распорядку, установленному Нунке: даже двери дер-

жать незапертыми, чтобы дежурные могли входить, когда им вздумается. И они заходят. Заглядывают в ящики стола, проверяют, не отключен ли подслушиватель, установленный с ведома, но, ясное дело, без разрешения жильца.

Нунке ввел своеобразную практику для учеников класса «А»: они обязаны были следить за своими преподавателями и воспитателями. А те, не зная, кто именно их контролирует, всячески скрывали каждый свой шаг. Один раз в неделю дежурный приносил Фреду отчеты, составленные «практикантами» его группы: в них было записано, кто из преподавателей чем занимался в определенные часы, куда ходил, с кем разговаривал — все до мелочей. Когда Фред впервые поехал в Фигерас, каждый его шаг тоже был зафиксирован, каждая минута пребывания в городе учтена. Практикант с абсолютной точностью отметил даже, сколько чаевых оставил герр Шульц официанту в ресторане и сколько уплатил чистильщику обуви на улице. Потом эти донесения тщательно анализировались на лекциях и служили своеобразным зачетом. Только тогда становилась известной фамилия практиканта.

В школе не было ни единого человека, с которым Фреду хотелось бы просто посидеть, потолковать по душам.

Где уж там думать об интересном разговоре, если даже после рукопожатия Нунке, Ворона и особенно Шлитсена возникает непреодолимая потребность немедленно вымыть руки!

Единственное место, где он хоть немного отдыхает душой, это вилла Агнессы Менендос.

Правда, и с Агнессой нельзя чувствовать себя свободно. Ведь Агнесса тоже во вражеском лагере. Не потому, что у нее злое сердце. Нет, она просто неопытна и слишком экзальтирована.

Бедную женщину вырвали из привычного окружения, огутали сетями ложных идей, обманули, изолировали от окружающих. Она не любит русских, потому что считает их безбожниками, жестокими и злыми. Она твердо уверена в том, что ее мужа убили люди, сочувствующие красным, и что по их вине безнадежно больна Ирене. Поэтому и ненавидит она все, что связано со словом «Россия».

А ее сердце так стремится к милосердию и добру! Она искренне верит во всемогущество Христа и Мадонны, верит в то, что, неся слово божье во все уголки мира, можно осушить слезы, смягчить скорбь, остановить потоки льющейся крови.

Наивная душа! Каждый год, в день рождения Ирене, она присылает в школу стопку молитвенников, которые Нунке с благодарностью принимает и тут же, за ненадобностью, приказывает сжечь.

Правда, с недавних пор будто надломилось что-то в душе женщины. Не тронуло бога материнское горе, не захотел он спасти ее единственное дитя. Но Агнесса всеми силами гасит в душе голос протеста, гонит сомнения прочь. Ведь, кроме веры, ничего у нее нет, значит, утратив ее, она утратит все...

Как хочется Григорию помочь ей найти по-настоящему крепкую опору в жизни, снять с глаз пелену, пробудить эту вольнолюбивую,

но скованную догмами католицизма душу! Спасти, наконец, маленькую Ирене, которой нужны не молитвы, а систематическое лечение в специальном санатории.

Всем сердцем Григорий чувствует, что Агнесса из врага может превратиться в друга. Несмотря на воспитание, полученное у иезуитов, она человечна, добра и откровенна. С нею можно говорить, не боясь, что сказанное им завтра же станет известно Ворону, частому гостю на вилле, или ее духовнику. Уже дважды Григорий имел возможность доказать Агнессе неискренность священника, и теперь она в своих отношениях с небом предпочитает обходиться без этого посредника.

Она любит езду верхом и сумела увлечь этим спортом своего молодого друга. Когда Ирене чувствует себя хорошо, их прогулки бываю особенно приятными. Агнесса в такие дни весела и беспечна. Чтобы развлечь гостя и дочурку, она поет цыганские песни, иногда даже танцует. Фред с ее помощью быстро овладел нехитрым искусством игры на гитаре, выучил несколько цыганских мелодий и теперь аккомпанирует ей.

А маленькая Ирене так и льнет к Фреду. Он мастерит ей забавные игрушки, вместе с ней изучает итальянский язык, который немного знал когда-то, но начал уже забывать.

Нунке, конечно, известно, куда так часто ходит молодой воспитатель, и он строго предупредил Фреда, чтобы тот в разговоре с Агнессой школы не касался. Патронесса должна знать не больше того, что знала до сих пор. Что ж, до поры до времени он будет избегать разговоров на эту тему. Можно сослаться на переутомление, на то, что ему осточертело все это, или придумать еще что-нибудь. Тем более, что молодая женщина охотно согласилась: ни о каких делах во время прогулок не вспоминать. Они весело болтали о разных путях, иногда просто молчали, и в такие минуты Фред отдыхал душой.

С каждым днем эта женщина с таким необычным характером интересовала его все больше. Внешний лоск, о котором в свое время побеспокоились покойный Менендос и ее воспитатели в Италии, с годами не исчез, но не убил в ней и ее истинную натуру. В глубине души она оставалась цыганкой — вольнолюбивой, экспансивной, несдержанной в проявлении своих чувств. Но, когда заходили на виллу Нунке или Шлитсен, перед ними появлялась красавица-донья с изысканными манерами, элегантно, но скромно одетая.

А навстречу Фреду выходила совсем другая женщина!

В ярком наряде, который так шел ей, она словно перевоплощалась. Исчезала сдержанность движений, красивые улыбающиеся губы становились будто еще ярче, глаза сияли нескрываемой радостью. От официальной немного надменной патронессы школы не оставалось и следа.

Агнессе шел тридцать первый год. Фреду — двадцать шестой. В этом возрасте разница в пять лет не так уж заметна. Они чувствовали себя одногодками, и это еще больше сблизало их.

— Когда идете ко мне, не зовите с собой Ворона! Пусть приходит, когда вас нет, — вывалось недавно у Агнессы.

И он почувствовал нечто похожее на радость и замешательство.

В последнее свое посещение он допустил бестактность, очень расстроившую его. Желая проверить, насколько хорошо овладел он итальянским языком, Фред перевел с русского песенку Вертинского «Безножка». И текст, и музыка были сентиментальны, но почему-то именно она пришла ему в голову. Автор старается разжалобить слушателей: у маленькой беспризорной девочки, которая днем нищенствует, а ночью находит приют на кладбище, нет ног. Ежедневно, ложась спать, она умоляет боженьку приставить ей новые ноги...

В тот вечер Фред, аккомпанируя себе, спел эту песенку. И, только закончив, спохватился: что же он наделал! Ведь Ирене живет надеждой на поездку в Ватикан, она так верит, что бог вылечит ее больные ноги, если папа помолится за нее!

Огня в комнате еще не зажигали, хотя вечерний сумрак уже занавесил окна и открытую на веранду дверь темно-голубой вуалью. Долго-долго в комнате царил тишина. Потом послышалось всхлипывание. Бедная Ирене! Только что услышанная песенка о маленькой глупенькой калек, глупенькой, потому что надеялась она на помощь «доброго боженьки», разбивала ее веру в чудесное исцеление.

Фреда обжег стыд. Палачий стыд.

— Простите меня, я...

Проклиная себя, он быстро выскочил из комнаты. А потом несколько дней не появлялся на вилле.

И вот сегодня записка от Агнессы: «Обязательно посетите нас. Ждем. А.»

Получив записку, Фред отправился к Нунке и сказал, что уходит на виллу.

— Идите, идите! Похоже на то, что вдовушка скучает без вас. Ну что ж, очень кстати! Давно пора прибрать ее к рукам, да все некому было. А вы кандидатура...

Фред почувствовал, как кровь бросилась в лицо, резкий ответ готов был сорваться с языка, но он сдержал себя. Только выйдя за ворота, громко выругался.

Слова Нунке взволновали его. Вилла Агнессы стала тем островком среди зловонного болота, куда можно было хоть на время уйти из опротивевшей школы, на час-другой забыть о проклятых «рыцарях». Только здесь, укрывшись от назойливых глаз «практикантов», он чувствовал себя человеком. Но теперь его визиты к Агнессе Нунке собираются использовать для своих грязных планов. А Фред должен играть роль соблазнителя беззащитной женщины! Нет, уж лучше совсем порвать с Агнессой!

А рвать будет жалко, даже больно! Он с такой любовью относится к маленькой Ирене. Ведь у него никогда не было ни брата, ни сестры, нет собственной семьи. А чувство отцовства, наверное, живет в каждом человеке.

Если признаться себе честно, то не только Ирене привлекает его в этот уголок. Фреду приятно, что молодая, красивая женщина так ласково заглядывает ему в глаза, так тепло пожимает руку, так нетерпеливо ждет его прихода.

Григорий не изменит памяти Моники. Нет! Но... на виллу Агнессы ходить ему приятно...

— Совсем забыли вы о нас! — укоризненно воскликнула Агнесса, выходя в сад навстречу гостю. — И сегодня пришли так поздно...

— Сейчас только половина седьмого. А я обычно...

— Мы ждали вас раньше.

Иногда Агнесса, вместо того чтобы сказать «я», говорила «мы». Правда, это случилось в присутствии Ирене. Теперь же ее дочери не было видно.

Фред посмотрел вокруг. То, что увидел он недалеке за кустами, удивило и вместе с тем обрадовало его. Девочка сидела в своем «выездном экипаже» — так Ирене называла коляску, в которой возили ее по саду, — а перед ней топтался маленький длинноухий муленок. Она поила его молоком из бутылки. Рядом, держа в руках кувшин, стоял черноволосый, смуглый мальчик лет одиннадцати.

Дрожащие передние ножки муленка разъезжались в разные стороны, уши были прижаты к голове, а на шее красовался огромный розовый бант.

Время от времени муленок переставал сосать, отдыхал минутку-другую, смешно прижимая губами, и снова жадно хватался за соску.

Увидев гостя, Ирене засветилась улыбкой.

— Фред! Это — мой новый Росинанте! Нравится? Пей, Росинанте! Пей, глупенький! И не бойся Фреда: это же мой друг...

Она просто сияла от радости, на ее худеньких и таких бледных всегда щеках появились слабый румянец.

— Где же ты его взяла? А это кто? Твой новый приятель? — Фред положил руку на плечо мальчугана.

— Это Педро, теперь он всегда будет жить с нами. Ведь ты не уйдешь от нас, правда? — обратилась она к мальчику. — Ой, смотри, он уже все выпил! Налей ему еще! Мама, ты же обещала сшить ему попонку! Он может замерзнуть ночью...

Агнесса весело рассмеялась:

— Видите, сколько у нас с Ирене новостей? Идемте в комнаты. Я буду шить и подробно расскажу вам обо всем.

Положив на колени тонкий белый войлок, она принялась обшивать его красной тесьмой.

— Вы подумайте, Фред, как счастливо все сложилось! Этого муленка Марта позавчера поймала возле наших ворот. Он едва держался на ногах. Если бы вы видели, как обрадовалась Ирене! И вдруг через час, а может быть, и больше, весь в слезах приходит Педро. «К вам в сад не забегал муленок? Все время неподалеку пасся и вдруг куда-то исчез!» Ничего не поделаешь, нужно отдать. А с Ирене чуть не истерика. «Чье, — спрашиваю, — стадо?» Он сказал. Я — на Рамиро и в таверну...

— В какую таверну?

— Ну, в нашу, ту, что на перекрестке. Хозяин таверны охотно согласился продать муленка, а вот мальчика...

— Что? Вы и мальчика купили?

— Нет, что вы, я просто вынуждена была заплатить отступные. Ведь хозяин, пришлось искать нового пастуха для своих мулов.

— А родители Педро? Согласились?

— У него нет ни отца, ни матери. Только дядя в Барселоне, чистильщик обуви, но у того своих четверо. Вот он и отдал Педро в наем трактирщику на десять лет... Даже деньги авансом забрал. Пришлось и их возвратить. Дяде в Барселону я тоже кое-что отослала... Ну, а теперь скажите, что вы обо всем этом думаете? Правильно ли я поступи-

ла? Не вздумайте сказать «нет»! Потому что это огорчит меня... Я так рада за дочурку!

— Безусловно, правильно! Ведь у Ирене появился новый друг, а ей так необходимо детское общество! Она не будет больше скучать о Росинанте...

— Вы знаете, сегодня она ни разу не пожаловалась на боль в ногах! Но что с вами, Фред? У вас какие-то грустные глаза, и вообще вы не такой, как всегда...

— Откровенно?

— Я думаю, что мы с вами всегда разговариваем откровенно.

— Мне хочется, чтобы вы держались подальше от таверны и ее хозяина.

— Святая Мадонна! Фред, неужели вы... — брови Агнессы гневно сошлись на переносице.

— Я имел в виду совсем не то, о чем вы сейчас подумали. Как могли вы даже предположить это, Агнесса! Просто вам не следует там появляться.

— Но почему?

— Таверна — плохое место, верьте мне...

— Почему вы сказали, что это плохое место? Ведь там хозяйничает Нунке. Я же сама давала деньги на таверну.

— И много денег даете вы на таверну?

— Она очень убыточна. Но Нунке уверяет, что когда в Испанию снова начнут ездить туристы...

— Знаете, что я вам посоветую: прекратить выдачу денег на ее содержание.

— Раньше мне легко было сделать это. А теперь...

— Что-нибудь изменилось?

— Нунке настаивает, чтобы я дала ему доверенность на право пользоваться деньгами с моего счета. Если я сделаю это, он будет обходиться без моей подписи.

— В связи с чем он предъявил вдруг такое требование?

— До весны этого года на моем счету было триста семьдесят тысяч долларов. Их прислал какой-то неизвестный покровитель нашей школы из Нью-Йорка...

— Чудесно! Но при чем же здесь требование Нунке?

— Он утверждает, что присланы они по его ходатайству от известного ему лица. И будто человек этот высказал пожелание, чтобы финансовыми делами школы распоряжался он. А если все поступит в распоряжение Нунке, значит, и деньги он будет тратить, как ему заблагорассудится.

— А вы не давайте доверенности.

— Как же я могу?..

— Откажитесь — и все! Больше того, скажите, что пригласите специалиста-бухгалтера, который будет проверять расходы школы. Требуйте, чтобы Нунке представил смету.

— А что такое смета? — удивленно спросила Агнесса. Хотя ей надоел весь этот затянувшийся разговор о делах, но в душе начало расти беспокойство. Ведь речь шла о деньгах, необходимых для лечения Ирене, для будущего ее дочери. А вдруг Нунке обманет их обоих? У Агнессы испуганно сжалось сердце.

— Фред! Мой милый друг! Помогите! Я ничего не смыслю во всех этих счетах и доверенностях. Я знаю только одно: подписываю чеки, когда скажет Нунке, и только. Куда-то уплывают мои собственные деньги, от-

куда-то поступают другие... Я совсем запуталась. Я чувствую, что Нунке обманывает меня, он задумал что-то неладное! Но что я могу сделать, если я совсем одна? Только вы можете посоветовать мне что-нибудь, как-то помочь. Наверное, сама Мадонна послала мне вашу дружбу за все мои страдания...

Агнесса схватила руку Фреда и прижала ее к своей горячей щеке, потом коснулась уголком губ, будто поцеловала.

Фред выдернул руку.

— Что вы, Агнесса! Я же не духовник...

— Вы для меня больше, чем духовник! Вы для меня... единственный. Понимаете? Единственный близкий человек во всем мире! А теперь уходите. Я хочу побыть одна. О Мадонна! Как хорошо, что вы — рядом со мной!..

Фред вздрогнул: точно так же когда-то воскликнула Моника.

— Что с вами, Фред?

— Да так, что-то холодно стало.

— Может быть, вы набросите что-нибудь на плечи? Вечер и в самом деле прохладный.

— Не беспокойтесь, Агнесса! Пойду побыстрее и сразу же согреюсь. До свидания.

Он склонился, чтобы поцеловать руку молодой женщины.

— Фред, сделайте мне приятно! — мягко отстраняя его, попросила она.

— Да я...

— Давайте выпьем вина!

— Наливайте!

Агнесса наполнила два стакана.

— За что же мы выпьем, Фред?

— Мне хочется, чтобы сегодня тост произнесли вы.

— Согласна... Я цыганка, Фред! Была, есть и буду! А у нас, цыган, существует обычай: если радость в шатре у кого-нибудь — весь табор радуется; если горе в шатре — весь табор плачет и тужит...

Она внезапно умолкла.

— Почему вы замолчали, Агнесса?

— Я бы хотела, чтобы не табор, а один вы... понимаете, один вы, Фред, радовались, когда в этот дом придет радость, и тужили, когда посетит его горе...

Они выпили. Одновременно. Не переводя дыхания.

А когда вышли на веранду, вдруг услышали то, чего до сих пор не слышал не только Фред, но и Агнесса: залихватый смех Ирене.

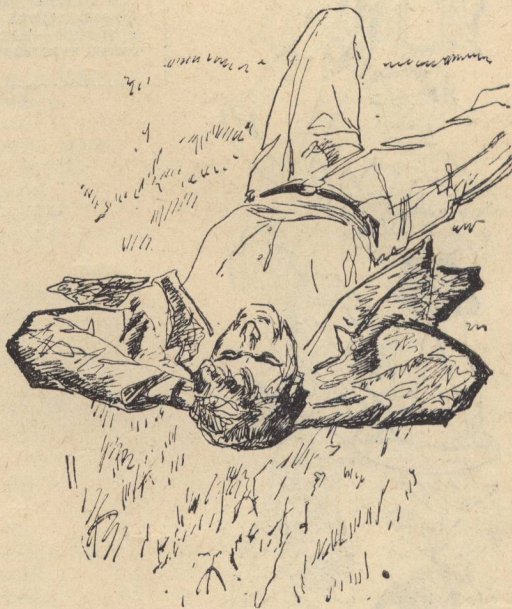
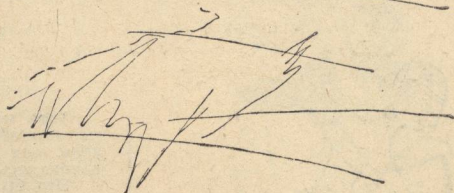
Девочка смеялась от всей души, весело, по-детски.

Фред и Агнесса на цыпочках подошли к кустам. Педро пускал мыльные пузыри, они плыли по воздуху, а он бежал вдогонку и дул, чтобы не дать им опуститься на землю.

— Идемте отсюда, пусть играют, — тихо сказала Агнесса и после длинной паузы прошептала: — Смотрю я на Ирене, Педро, на вас, Фред... Пречистая Мадонна, как хорошо было бы, если бы мы могли не разлучаться!

...Отойдя метров сто от виллы, Григорий лег на выжженную солнцем траву, подложил под голову руки и долго пролежал так, глядя в небо. Оно изменялось на глазах. Глубокая синева его, постепенно бледнее, растворялась на западе в лимонно-желтом зареве. Но вот небосклон вспыхнул ослепительно розовым сиянием и вмиг начал покрываться пеплом.

Продолжение следует,

Лишь на самом горизонте плыла еще узенькая красная полоска, но вскоре погасла и она.

Внезапно, как всегда на юге, наступила ночь. Огромный черный бархатный шатер неба опустился так низко, что казалось: протяни руку и достанешь ближайшую звезду. Григорий вздохнул глубоко, полной грудью. Заснуть бы вот здесь под открытым небом, выключиться из всего, что пронизывает сердце беспокойством и тревогой. Но спать ему нельзя...

Он встал, отряхнул одежду и зашагал к школе «Рыцарей благородного духа».

Перевод с украинского Н. Николенко

Бумажный Человечек

Трое мальчишек вырезали из бумаги конницу, живописные фрегаты, самолеты с экипажами на борту. Чтобы все было, как на самом деле, они листали энциклопедические справочники, журналы. Потом начиналась игра.

Это было давно. Первый из друзей, Валерий Дементьев, стал потом литературным критиком, живет в Москве; второй, Владимир Трифонов, теперь инженер по радиоэлектронике, работает в Ленинграде, а третий — автор этих строк. И все трое при встречах с самыми добрыми чувствами вспоминают о бумажном человечке.

Расскажу я вам, мальчишки,
Расскажу я вам, девчонки,
Про героев детской книжки
И про замки из картонки.
И о том, что жил когда-то
Человечек из бумаги.
Жарко билось у солдата
Сердце, полное отваги!

Перед ним захватчик пришлый
Преклонял свои знамена,
Поворачивали дышла
Колесницы фараона!
А наутро с Робин Гудом
Мстил он графам и баронам...
Никакого нет в том чуда,
Не смотрите удивленно!

Не поверите мне снова,
Я все тем же вам отвечу,
Повторю из слова в слово:
Жил бумажный человечек!
Он ходил под парусами
При любой лихой погоде...
Было мне тогда с друзьями
Столько лет, как вам сегодня.

Любопытные мальчишки
Перечислят книжек сто мне...
Из какой пришел он книжки —
Я теперь никак не вспомню.
Только был он с мой мизинец,
Вот такие руки, плечи...
И моряк, и пехотинец —
Наш бумажный человечек!

Мы ему нарисовали
На лице усы и брови...
Из бумаги вырезали
Скакуна арабской крови!
Чтоб на рыцарских турнирах

Гарцевал под старым дубом,
Чтобы все герольды мира!
В знак побед трубили в трубы!

Мог он сразу очутиться
И в Египте, и на Крите...
Оживали с ним страницы
Исторических событий!
Становилась лесом клумба,
А канава — океаном...
С каравеллами Колумба
Отплывал он к дальним странам.

Вынув меч при грозной вести,
На смерть он стоял под Псковом,
С Александром Невским вместе
Был в побоище Ледовом!
Шесть веков — пустяк! И вскоре
Мы меняли снаряжение:
Объявлялось в коридоре
Бородинское сражение!

Шел в атаку ряд за рядом,
Конный строй сменялся пешим.
И горох летел, как ядра,
На Семеновские флеши!..
Жил герой ребячьих споров
В дробном стуке барабанов,
В черной бурке к нам в ту пору
Он сошел с киноэкрана.

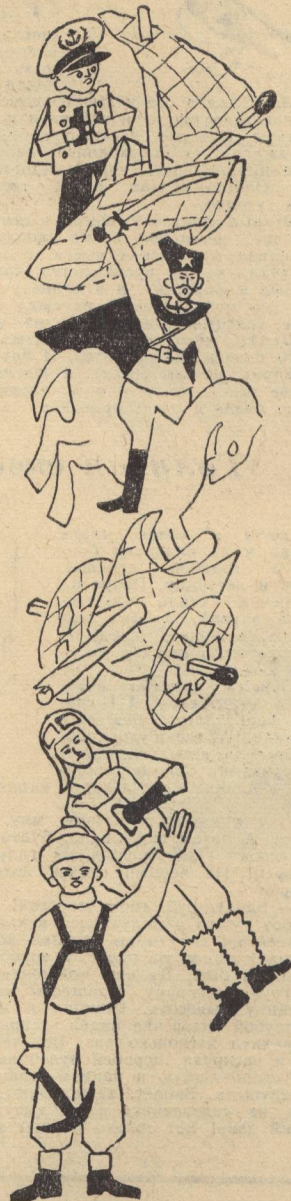
Мы росли, как все мальчишки,
Открывая мир вторично —
По кино и понаслышке,
Лишь потом все чаще — лично.
Каждый год и месяц каждый
Был открытием отмечен.
И ушел в поход однажды
Наш бумажный человечек!

Дали мы ему палатку,
Альпеншток, рюкзак зеленый
И пристроили украдкой
Возле буфера вагона.
— Добрый путь! — сказав герою,
Мы руками помахали,
Может быть, в тот день мы — трое —
Наше детство провожали!

Мы стояли на пороге,
За которым начинались
Настоящие дороги
И взаправдашние дали.
Много лет промчалось следом,
Далеко тот день, дале-ече...
Где ты бродишь, непоседа,
Наш бумажный человечек?!

Коль, мальчишки, вам навстречу,
Иль кому-то из девочек,
Попадется человечек
С альпенштоком из картона —
Встретьте вы его, как друга,
Как героя, честь по чести...
Пусть от севера до юга
Он шагает с вами вместе.

Иль с мечтой под гром приветствий
Пусть летит к другим планетам...
В первый раз! Ведь в нашем детстве
Не летали на ракетах.

Игорь ТАРАБУКИН

Рисунки В. Крапивина

Мои гости

Резким порывом ветра щегла сбросило с крыши, закружило, завертело и ударило о снег. Тут бы ему и конец пришел.

Подобрал я его и принес домой. В кухне он отогрелся, поклевал пшеницу и забрался под батарею — к теплу поближе. Наверно, насквозь промерз. Утром уже весело расхаживал на подоконнике, чистил красивые перья и даже пытался петь: чи-пить, чи-пить, чи-пить...

— Ожил, — сказал я, — А теперь можешь лететь, куда угодно.

Открыл форточку, щегол и шмыгнул туда. Через некоторое время, когда на дворе бушевала последняя мартовская вьюга, в мое окно кто-то не то постучал, не то прошестел крылышками по стеклу. Открыл я форточку, и в комнату ворвалась ватага щеглов. Это мой знакомый их сюда привел. Всюду замескали красные, желтые, белые комочки.

Делать нечего, располагайтесь, гости дорогие! Немного пшеницы еще найдется. И батарея горячая.

Утром метель утихла, и щеглы устроили на старом тополе такой гомон и шум, словно хотели сказать мне что-то очень и очень приятное.

Голубая скворечня

Где-то в конце марта достал я из кладовки банку с голубой краской, кисть и лестницу. Покрасил скворечню — стала она голубой-голубой, словно капелька весеннего неба. И жду дорогого гостя с далекого юга.

Первым заметил скворечню серый воробей. И сразу — ффф! Занял без разрешения. А весна уже дружно стучала капелью, звенела ручьями. Солнце искрилось в длинных сосульках и капля за каплей срывалась вниз.

Иду я как-то и слышу: мяу, мяу! Словно котенок где-то. А потом защелкало, будто кто сухие горошинки рассыпал. Посмотрел я на голубую скворечню — он! Скворец! На черный огонек похожий. Снял шапку и говорю:

— Здравствуй, гость дорогой! Давно тебя ждем!

Вот тут-то и получилась некрасивая история. Серый воробей ни за что не уступал домика. Только скворец просунет голову за порог, а воробей его клювом и крылышками бьет. Да еще товарищей своих позвал.

Трудно скворцу. Пришлось мне снова из кладовки лестницу выносить. Выждал я момент, когда воробей в голубую скворечню сидел, закрыл отверстие рукой да и тряхнул несколько раз. Вот тебе, серый нахал, весь суд и расправа. Воробей пулей вылетел — и под крышу.

Теперь люблю я ранним-ранним утром пение скворца слушать. Запоет, защелкает, залетает, даже скворчиха из скворечника носик высунет. Так бы и слушал целый день! Вот только работы много.

Ю. ПОДКОРЫТОВ

В НОМЕРЕ:

СЕРЕГИНЫ ЩЕГЛЫ. П. Дудочкин. Из «Бельских новелл»	1
ПАРТИЗЕТ № 1. Е. С.	3
ПО СТРАНИЦАМ СТАРЫХ КИНОЖУРНАЛОВ. Л. Семенов	4
ЮБИЛЕИ ИЛЬИЧА. Из воспоминаний члена КПСС с 1917 года М. Цейтлина	5
ВСЕМ КУРСОМ В. Б.	6
МАЛЬЧИШКА. Л. Румянцев. Стихотворение	7
ОТКУДА НАЧАЛАСЬ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ХИМИЯ. П. Малышков	8
ЛЕДОВЫЙ РЕИС. Г. Солодников	10
ПОЛУЧАЙТЕ ЗАДАНИЕ, СЛЕДОПЫТЫ! Е. Серебряникова	22
МУРАВЬИ-САДОВОДЫ. К. Кострин	23
«ОГОНЕК» ИРБИТЧАН. Александр Соловьев	24
ТЕЗКИ НА КАРТЕ УРАЛА. А. Шарц	25
ПОДВИГ ПЕРВЫХ. Герой Советского Союза М. Водопьянов. Из воспоминаний	26
У САМОГО КАРСКОГО МОРЯ. Виталий Чемляков	33
В КРАЮ РОМАНТИКИ. Фотоочерк Бориса Коробейникова	38
ПАРЕНЬ ИЗ НАШЕГО ГОРОДА. А. Цыкин. В. Куркин	40
НА ДОБРОЕ ЗДОРОВЬЕ! Э. Ермакова	41
СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА. Следопыты сообщают	42
О ЦЕЛИНЕ. Фоторассказ Л. Большакова и Б. Клипиницера	44
ИСКАТЕЛЬ БЛАГОРОДНЫХ МЕТАЛЛОВ. К. Столетню со дня рождения Н. К. Высоцкого. Профессор В. Трифонов	47
С ЭТЮДНИКОМ ПО «КРЫШЕ МИРА». Эл. Игошев, заслуженный художник РСФСР	48
ДВОЕ В ИЗБУШКЕ. Г. Бабаков. Рассказы у костра	49
ТАЙНА ПРУДА РАСКРЫТА. С. Шитов	52
НА ОСЕЛКЕ ПРИРОДЫ. Борис Рябинин. Статья	53
ЛЕТУЧАЯ РЫБА. КРАБ. Евгений Фейерабенд. Стихотворения	67
И ОДИН В ПОЛЕ ВОИН. Ю. Дольд-Михайлик. Приключенческий роман. Книга вторая, часть вторая	68
БУМАЖНЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕК. Игорь Тарабукин. Стихотворение	78
МОИ ГОСТИ. ГОЛУБАЯ СКВОРЕЧНЯ. Ю. Подкорытов	80

Обложка Г. Перебатов.

Главный редактор В. ШУСТОВ

Редколлегия: А. АСС, В. АСТАФЬЕВ, В. ВОЛОВИЧ, М. ГРОССМАН, С. ЗАХАРОВ (ответственный секретарь), Ю. КУРОЧКИН, А. МАЛАХОВ, В. ОЧЕРЕТИН, В. ПАВЛОВСКИЙ, Г. РАМАЗАНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН (зам. главного редактора), Г. ТРИФОНОВ

Рукописи не возвращаются.

Технический редактор Г. Стороженко

Адрес редакции: Свердловск, ГСП 353, ул. Малышева, 36, комн. 79 и 87. Телефоны Д1-22-40 (для справок), Д1-26-01 (редактура), Д1-85-70 (доб. 7-49) производ. отдел. Средне-Уральское Книжное Издательство

Подписано к печати 24/III 1964 г. Бумага 84x108¹/₁₆=2,62 бум. л.—8,61 печ. л.—10,44 уч.-изд. л. НС 29156. Тираж 110.000. Цена 30 коп. Заказ № 87.

Типография издательства «Уральский рабочий», Свердловск, проспект Ленина, 49. Обложка отпечатана на Свердловской фабрике офсетной печати.

УРАЛЬСКИЕ САМОЦВЕТЫ

Во всем мире издавна гремит слава об уральских самоцветах, этих чудесных каменных цветах. О них много поэтических легенд, сказов и песен. И хотя ныне ученые, проникнув в тайну строения самоцветов, научились искусственно создавать их подобие, слава природного камня до сих пор не померкла. Да и не все еще тайны его разгаданы, и кто знает, сколько интересных и важных свойств своих откроет он людям.

Недавно Министерство связи СССР выпустило новую серию марок. Она посвящена уральским самоцветам. На редкость красиво исполненные, броские и яркие, эти маленькие плакатики, разойдясь в миллионах экземпляров по стране и за рубежом, еще раз напомнят людям о драгоценных дарах земли уральской. В серии шесть марок.

Репродукции этих марок мы сопровождаем словами „певца уральских самоцветов“ академика А. Е. Ферсмана.

ТОПАЗ. „Кристаллы топазов Мурзинских копей поражают своей чистотой и тоном... Красота, чистота и нежность тонов мурзинских топазов не поддаются описанию; надо посетить богатейшее собрание Горного института в Ленинграде или Минералогический музей Академии наук в Москве, чтобы оценить эти дары природы, с которыми не могут сравниться ни одни камни в мире“.

ЯШМА. „Мы не знаем другого минерального вида, который был бы более разнообразным по своей окраске: все тона, за исключением чисто синего, нам известны в яшме, и переплетаются они иногда в сказочную картину.“

...Изделия из уральской яшмы давно стали предметом всеобщего восхищения“.

АМЕТИСТ. „Уральский аметист — чрезвычайно красивый и сравнительно недорогой камень...“

...Крупная разработка аметистов около Ватихи дала на много десятков тысяч рублей замечательных аметистов, горевших красным огнем при электрическом свете, сверкавших красно-синими отблесками днем. Эти камни высоко ценились в Париже и Лондоне“.

ИЗУМРУД. „Среди всех земных камней самым прекрасным и ценным является, бесспорно, изумруд: ярко отражается он в народной поэзии и эпосе, раскрывая таинственные и мистические стороны старых воззрений на камень“.

РОДОНИТ (орлец). „Каменем, которым может гордиться Урал в своих декоративных каменных изделиях, является орлец, который нигде не встречается в таких больших количествах и такого высокого качества, как в СССР. Орлец, научное название которого „родонит“, окрашен в вишнево-розовый цвет; главное достоинство его заключается в сочетании разных оттенков этого тона с черными пятнами и извилистыми жилками“.

МАЛАХИТ. „Одним из самых излюбленных и характерных уральских камней является малахит...“

Мы восторгаемся огромными вазами из этих камней в больших залах Эрмитажа, сверкающими столами и мощными колоннами в бывшем Зимнем дворце или Исаакиевском соборе...“

30 коп.

73413